

Сравнительная типология немецкого и русского языков

Предисловие.....	3
Введение.....	4
Типология как отрасль языкознания.....	5
Сравнительная типология немецкого и русского языков и ее связь с общей и структурной типологией	5
Сравнение как метод изучения языков.....	5
Типологическое родство языков как проблема общей типологии.....	6
Структурная типология и ее задачи.....	6
Разделы типологии языков.....	8
Проблема универсалий языка.....	10
Теоретические принципы сравнительной типологии как раздела языкознания.....	11
Систематология.....	13
Понятие языкового типа и виды классификаций языков мира.....	13
Генеалогическая классификация языков и компаративистика.....	14
Генетическая односистемность немецкого и русского языков и их дальнеродственные отношения.....	19
Типологическая классификация языков: этапы становления	19
Место немецкого и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира.....	28
Краткая характеристика синтетизма и аналитизма как показателя языковой структуры	29
Место немецкого и русского языков в классификации языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма.....	30
Сравнительная типология словообразования в немецком и русском языках.....	31
Синтетико-морфологические категории языков синтетического строя и общий характер структуры слова.....	31
Аффиксация как ведущая тенденция словообразования в русском языке.....	32
Словосложение как ведущая тенденция словообразования в немецком языке.....	34
Введение в типологию морфологического уровня.....	37
Общие типологические признаки сходства и различия в системе словоизменения немецкого и русского языков.....	37
Система частей речи.....	39
Типология имени существительного в немецком и русском языках	40
Общая характеристика имени существительного в сравниваемых языках.....	40
Грамматическая категория рода в русском и немецком языках.....	41
Грамматическая категория числа в сравниваемых языках.....	43
Грамматическая категория падежа в русском и немецком языках.....	44
Категория определенности/неопределенности в немецком языке и ее соответствия в русском.....	46
Выводы.....	46
Сопоставительная типология имени прилагательного в немецком и русском языках.....	46
Общая характеристика и структурно-семантическая классификация.....	46
Грамматические категории.....	47
Проблема краткой формы.....	48
Типология склонения.....	50
Синтаксические функции.....	50
Выводы.....	51
Глагол в немецком и русском языках.....	51
Общая характеристика.....	51

<u>Морфологические классы глаголов.....</u>	<u>52</u>
<u>Структурно-семантические классы.....</u>	<u>53</u>
<u>Категория времени и вида.....</u>	<u>57</u>
<u>Категория залога.....</u>	<u>61</u>
<u>Категория наклонения.....</u>	<u>63</u>
<u>Выводы.....</u>	<u>68</u>
<u>Введение в сравнительную типологию синтаксического уровня.....</u>	<u>68</u>
<u> Область формально-структурных отношений как сфера проявления специфики синтаксической типологии немецкого и русского языков.....</u>	<u>69</u>
<u> Автономно-собранный и закреплено-напряженный строй предложения в индоевропейских языках. Характеристика простого предложения немецкого и русского языков в указанном аспекте.....</u>	<u>69</u>
<u>Сравнительная характеристика простого предложения в немецком и русском языках.....</u>	<u>71</u>
<u> Тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения.....</u>	<u>71</u>
<u> Порядок слов.....</u>	<u>75</u>
<u> Формы глагольного и именного сказуемых.....</u>	<u>78</u>
<u> Сравнительная типология подчинительных словосочетаний в немецком и русском языках.....</u>	<u>80</u>
<u>Сложное предложение в немецком и русском языках.....</u>	<u>83</u>
<u> Общая характеристика.....</u>	<u>84</u>
<u> Сопоставительный анализ союзных сложноподчиненных предложений (СПП) в немецком и русском языках: система и функционирование СПП с придаточными времени.....</u>	<u>84</u>
<u> Сопоставительный анализ СПП с относительной связью в немецком и русском языках: система и функционирование атрибутивных СПП.....</u>	<u>92</u>
<u> Экземплярное сравнение функционирования: СПП с придаточными условия в немецком и русском политическом дискурсе.....</u>	<u>96</u>
<u> Выводы.....</u>	<u>101</u>
<u>Лексическая типология немецкого и русского языков</u>	<u>102</u>
<u> Общие лексические пласты и генетическая дифференциация лексики.....</u>	<u>102</u>
<u>Общегерманский пласт лексики.....</u>	<u>103</u>
<u> Семасиологический аспект: объем значения слова; многозначность; полисемия; синонимия.....</u>	<u>104</u>
<u> Ономасиологический аспект: слово как средство номинации в немецком и русском языках.....</u>	<u>105</u>
<u> Русский язык.....</u>	<u>107</u>
<u> Заимствования</u>	<u>107</u>
<u> Выводы.....</u>	<u>108</u>
<u>Заключение.....</u>	<u>109</u>
<u>Библиография.....</u>	<u>111</u>
<u>Словари.....</u>	<u>119</u>
<u>Источники.....</u>	<u>119</u>

Предисловие

Настоящая книга является одним из крайне немногочисленных описаний сравнительной типологии немецкого и русского языков. В ней системно представлены основные программные темы одноименного вузовского курса. Книга отражает опыт чтения данного курса в Самарском государственном педагогическом университете и Тольяттинской государственной академии сервиса. Вместе с тем, многие главы книги содержат новый теоретический и исследовательский материал, например, главы о сопоставлении временных и залоговых систем, о сложном предложении и др. Учитывая системность и достаточную полноту представления материала, а также его новизну, авторы определяют жанр книги как сочетание учебника и монографии. Многие разделы книги могут быть использованы в качестве традиционного учебного пособия, другие же должны послужить студентам стимулом к самостоятельной исследовательской работе.

В отличие от “Сравнительной типологии немецкого и русского языков“ А.Л. Зеленецкого, П.Ф. Монахова (Москва, 1983), данная книга представляет курс в русле сопоставительной лингвистики как специальную типологию, а не как типологическую лингвистику. В данном случае речь идет не об установлении типологии языка в целом по отношению к абстрактному языку-эталону, а об определении типологических характеристик изучаемого языка относительно родного. Этот вид типологических описаний мы условно называем сравнительной типологией родного и иностранного языков. Следовательно, определение типологических характеристик системы немецкого языка относительно системы русского языка и есть сравнительная типология немецкого и русского языков.

Разумеется, предлагаемая книга отнюдь не может рассматриваться как альтернатива существующим (указанному пособию А.Л.Зеленецкого, П.Ф. Монахова и составной части “Теоретической грамматики современного немецкого языка“ Б.А.Абрамова: М., 2001). Необходимость ее появления диктуется общенаучным принципом дополнительности.

Введение, главы по общей типологии, словообразованию, Введение в типологию морфологического и синтаксического уровней, Система частей речи, разделы по простому предложению и подчинительным словосочетаниям написаны С.П. Анохиной. О.А. Костровой написаны главы по типологии имени существительного, прилагательного и глагола, по типологии сложного предложения, по сопоставлению лексических систем двух языков, а также осуществлена общая редакция.

Концепция книги во многом сложилась под влиянием лекций, прочитанных в 70-е годы XX в. Л.Г. Кораблевой в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (ныне Российский педагогический университет). Пользуясь случаем, авторы выражают ей сердечную признательность.

Введение

Потребности обучения иностранным языкам настоятельно требуют научно обоснованного исследования и описания основных типологических особенностей фонетического, морфологического и синтаксического строя, а также лексической системы иностранного и родного языков.

Для педагогического процесса обучения иностранному языку основное значение имеет выявление типологически важных структурных отличий иностранного языка от родного языка обучающихся, с которыми они постоянно сравнивают изучаемый иностранный язык и от которого они постоянно отталкиваются.

Как показывают многочисленные наблюдения и экспериментальные исследования широкого круга преподавателей иностранных языков, родной язык обучающихся всегда обуславливает те трудности и те так называемые устойчивые ошибки, которые неизбежны в процессе обучения иностранному языку.

В этом смысле предлагаемый далее материал может быть использован в качестве лингвистической основы такой методики преподавания немецкого и русского языков как иностранных, в которой делается упор на сознательную сторону усвоения учебного материала. Обучаемые должны овладеть навыками самоконтроля и самооценки, необходимыми для составления собственного портфолио. Выстроить систему обучения, нацеленную на приобретение этих навыков, и поможет сравнительная типология немецкого и русского языков.

Основная цель учебного пособия – системное выявление общих и различных типологических черт в грамматическом строе и лексическом составе немецкого и русского языков. Исходя из этого, в общетеоретической части выделен раздел «Систематология», в котором показана генетическая односистемность и степень родства рассматриваемых языков, а также описаны синтетизм и аналитизм как основные показатели структуры языка. На сопоставлении этих показателей, которые проявляются на всех уровнях языковой системы, и построено дальнейшее изложение материала.

Типология как отрасль языкознания

Сравнительная типология немецкого и русского языков и ее связь с общей и структурной типологией

1. Сравнение как метод изучения языков.
2. Типологическое родство языков как проблема общей типологии.
3. Структурная типология и ее задачи.
4. Разделы типологии языков.
5. Проблема универсалий языка.
6. Теоретические принципы сравнительной типологии как раздела языкознания.

Сравнение как метод изучения языков

Сравнительная типология – раздел языкознания, изучающий языки в сопоставлении с другими языками с целью установления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между ними. Отсюда следует, что типологическое языкознание устанавливает закономерности, «связывающие материал речи, прежде всего звуки, и выражение смысла» [Рождественский 2000]. Сравнение (или сопоставление) является одним из основных методов изучения языков, и типологическое языкознание представляет собой дальнейшее развитие метода сопоставительного языкознания. В зависимости от объекта и цели (направления) исследования выделяются различные отрасли языкознания, пользующиеся методом сравнения языков. Соотношение между этими отраслями может быть представлено следующим образом (см. таблицу 1):

Таблица 1

Цель исследования	Объект исследования	
	только родственные языки	любые языки, независимо от родства
установление генетической общности языков и языковых явлений	сравнительно-историческая лингвистика	ареальная лингвистика
установление типологических особенностей и сходжений языков	сравнительно-сопоставительная лингвистика	сопоставительно-типологическая лингвистика

«Язык, важнейшее и удивительно совершенное средство человеческого общения, средство обмена мыслями, может выполнять эти разнообразные и сложные функции потому, что он представляет собой систему. Как всякая система, язык имеет две стороны. Он состоит, с одной стороны, из элементов – фонем, морфем, слов, а с другой – он обладает структурой. Под структурой языка следует понимать его внутреннюю организацию, схему связей и отношений бесчисленного числа его элементов, названных выше и обеспечивающих его функционирование в форме акта общения» [Аракин 1979:5].

Типологическое родство языков как проблема общей типологии

Знакомясь с текстами на тех или иных языках, мы зачастую обнаруживаем сходство не только у исторически достоверно возводимых к общему источнику языков, у генетически родственных языков, но и у таких, родство которых весьма отдаленно или спорно, а также у таких, которые вовсе нельзя считать родственными. Например, в русском, польском, болгарском языках мы найдем много слово общего корня. Это явление объясняется их принадлежностью к одной и той же генетической группе языков – славянской. То же самое можно сказать и о германских языках: нем. Tag, англ. day, швед. dag; аналогично: Morgen – morrow – moron; Sprache – speak – sprak. Следствием более широкого родства – принадлежностью к индоевропейской семье языков объясняются сходства древнейшего пласта лексики в современных германских, романских и славянских языках, а также греческом, например: мать – Mutter (нем.) – mother (англ.) – moder (швед.) – madre (итал.) – mytera (греч.); отец – Vater (нем.) – father (англ.) – fader (швед.) – padre (итал.) – pateras (греч.); сердце – Herz (нем.) – heart (англ.) – hjarta (швед.) – cuore (итал.) – kardja (греч.); восемь – acht (нем.) – eight (англ.) – atta (швед.) – octo (итал.) – oxto (греч.).

Отдельные черты сходства могут наблюдаться и у языков, не имеющих никакого генетического родства: в английском, тюркских языках, монгольских языках, в японском и китайском языках прослеживается такой общий структурный признак как предшествование прилагательного существительному безо всякого согласования с ним, т.е. определительное словосочетание со структурой А + N, где прилагательное соединено с существительным по способу примыкания.

В то же время мы находим значительные расхождения в структуре родственных языков, причем эти расхождения не поддаются объяснению с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. Так, например, в русском языке существует система склонения, оформленная в шести падежах, а в болгарском языке система склонения отсутствует. Следовательно, с точки зрения структуры имени существительного оба языка резко отличаются друг от друга.

Такое же расхождение в структуре имени существительного прослеживается и среди современных германских языков: в немецком и шведском языках существует система склонения из четырех падежей, а в английском – нет. Интересным представляется сходство в структуре имени существительного в современных болгарском и шведском языках (отдаленно родственных языках): они имеют постпозитивный артикль: *платината* (гора), *слънцето* (солнце); *dagen* (день), *tanen* (рука).

Структурная типология и ее задачи

Существование такого рода сходств и различий, стремление понять и изучить причины, их вызывающие, и привело к возникновению в лингвистике особой области – лингвистической типологии, которая исследует степень структурной близости языков независимо от их родства.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о типологических исследованиях: « Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всякой исторической связи между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически, и географически. Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строе языка и в эволюционном процессе ...» [Бодуэн, 1963]

Приведем несколько определений лингвистической (или структурной) типологии отечественных лингвистов. Согласно С.Д. Кацнельсону, типология языка – это «область языкознания, занимающаяся сравнением языков в целях выявления общих закономерностей языкового строя» (каждого из языков – С.А.) [Кацнельсон 1972:15].

В.Д. Аракин: « Группировкой основных, существенных характеристик, признаков и выделением общих закономерностей, наблюдаемых в ряде языков, занимается особый раздел языкознания – лингвистическая типология, которую можно также определить как учение о типах языков и о типах языковой структуры» [Аракин 1979: 46]. В.Г. Гак: «Сравнительная типология - раздел языкознания, изучающий язык в сопоставлении с другими языками с целью установления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между языками» [Гак 1977: 15].

Таким образом, приведенные определения, хотя и разнятся между собой в частности, формулируют три основные задачи типологических исследований:

- 1) выявление общих закономерностей языкового строя (С.Д. Кацнельсон);
- 2) выявление особенностей, присущих данным языкам (В.Г. Гак), общих закономерностей, наблюдаемых в ряде языков (В.Д. Аракин);
- 3) выявление сходств и различий между языками (В.Г. Гак).

Все эти три задачи взаимосвязаны и не существуют одна от другой, так как общие для нескольких языков закономерности, сходства между ними, как и различия, обусловлены именно общими закономерностями строя каждого данного языка. Как определения, так и задачи лингвистической типологии взаимодополняют друг друга. Это взаимное дополнение обусловлено в свою очередь тем фактом, что в самом термине «лингвистическая типология» необходимо разграничивать три его понимания: 1) типология как наука, занимающаяся изучением отдельных типов в языке, типов языка и имеющая своей целью в конечном итоге определение наиболее существенных и наиболее специфических свойств естественного языка; 2) типология языка как его строй, рассматриваемый в плане проявляющихся в этом языке типов (типология того или иного языка или группы языков, типология отдельных уровней и категорий – «типология семантики», «типология залога» и т.п.; 3) типология как принцип организации языкового материала, позволяющий составить типологическое описание данного языка; на основе этого описания можно было бы указать место анализируемого языка в общей типологической классификации [Общее языкознание, 1972: 525].

Для того, чтобы объяснить причины различий и сходство между языками, необходимо определить и выявить набор характерных особенностей, общих закономерностей строя каждого из сравниваемых языков. Создать типологию языков возможно только при помощи сравнения, так как « тип языка « предполагает какие-то черты, которые отличают его от другого « типа языка» и с другой стороны, сближают его с другим «типом языка». Последнее возможно именно потому, что «каждый язык представляет собой единство общих признаков, присущих всем языкам, и своих особенных признаков, отличающих данный язык от всех других» [Крушельницкая 1961: 5].

Итак, типологическое языкознание изучает языки независимо от их родства с целью выявления сходжений и расхождений их структур, способов выражения одних и тех же значений и различия функций однотипных элементов структуры языка, т.е. сходства и различия между языками распределяются по трем планам: структурному, семантическому и функциональному.

Но типологическое языкознание изучает языки не механически, сравнивает не отдельные, единичные случаи сходства и различия. Из самого определения типологии следует, что она изучает общие закономерности, различия и сходства, которые носят общий характер, т.е. охватывают широкий круг явлений. Одним из фундаментальных принципов

типологического языкознания является такой постулат Пражской лингвистической школы как: «Типология учитывает общую структуру языка: избегая обращения к изолированным чертам сходства или различия, типология рассматривает все особенности языка в их иерархии» [Цит. по: Кацнельсон 1972: 15].

Что же является конечной целью типологических исследований? Не к тому ли они проводятся, чтобы «заклЮчить каждый язык в свой ящик», «разложить все по полочкам», т.е. создать классификацию языков, иначе для чего же выявлять общие и различные черты между языками? – Нет. Как справедливо отмечает С.Д. Кацнельсон, «цель типологии – не создание классификации языков. Классификация – это основа, вспомогательный метод сравнительной характеристики» [Кацнельсон 1972: 15]. Об этом же писал и Бодуэн де Куртенэ: «В этой области мы должны стремиться не к классификации языков, а к их сравнительной характеристике» [Бодуэн, 1963: 37]. Кроме того, создание полной классификации языков невозможно в силу самого причудливого переплетения черт сходства и различия, существующих между ними. Можно, однако, разработать типологию языков, что отнюдь не равнозначно их классификации.

Разделы типологии языков

В зависимости от тех целей и задач, которые призвана решать лингвистическая типология, а также и от того объекта, который изучает данная наука, типология условно подразделяется на типологию общую и типологию частную. Общая типология исследует общие свойства, общие изменения, общие процессы в языках, принадлежащих к самым различным генетическим группам. Сюда можно отнести, например, исследование наличия или отсутствия грамматических классов существительных, общие черты в структуре словосочетания и предложения, типы морфологической структуры слов.

Частная типология занимается изучением проблем более ограниченного характера. Это может быть исследование типологических характеристик одного языка или ограниченной группы языков. В качестве объекта такого типологического исследования может выступать система личных местоимений в таких-то языках или система суффиксальных морфем, образующих имена деятеля, или система средств выражения модальности, допустим, в современных германских языках.

В зависимости от более частных и конкретных задач и объектов, подвергающихся исследованию, частная типология включает историческую или диахроническую типологию, перед которой стоят задачи изучения исторических изменений типологии состояний отдельных языков, и группы языков; например, переход языков от синтетического типа к аналитическому или изменение структуры грамматических категорий, характеризующих данную часть речи в древний, средний или новый период истории языка. (В качестве примера последнего можно назвать исследование М.М. Гухман «Развитие залоговых противопоставлений в германских языках»).

В зависимости от предмета исследования различаются функциональная (социолингвистическая) типология и структурная типология. Предмет функциональной типологии – язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления. Предмет структурной типологии – внутренняя организация языка как системы; при этом различаются формальная типология, ориентированная только на план выражения, и контенсивная типология, ориентированная на семантические категории языка и способы их выражения.

Типологическое исследование может иметь различные, но взаимосвязанные цели: констатацию структурных сходств и различий между языками (инвентаризационная типология); интерпретацию систем языков в плане совместимости – несовместимости структурных характеристик и предпочтительных типов структурной сообразности как систем в целом, так и отдельных уровней языка (импликационная типология).

Отнесение того или иного языка к определенному классу на базе инвентаризационно-типологических данных является процедурой фрагментарной типологии. Но типовая принадлежность конкретного языка есть не абсолютная, а относительная характеристика, устанавливаемая на основе преобладающих типовых черт. С этим связана плодотворность разработки количественной типологии, которая оперирует не абсолютными качественными параметрами (такими как префиксация, назализация и т.п.), а статистическими индексами, отражающими степень представленности в различных языках того или иного качественного признака.

Например, выделив класс префиксирующих языков, мы можем дать количественную оценку представленности префиксации в реальных текстах на разных языках этого класса; при этом, как правило, наблюдается некоторый разброс значений индексов в зависимости от стилистического характера текста (поэтический, научный, газетный и т.п.), и этот факт дает основания для разработки стилистической типологии (как внутриязыковой, так и межъязыковой), образующей автономную типологическую дисциплину между функциональной и структурной типологией.

Типологический подход не исключает и анализа определенных генетических групп или семей языков; цель такого анализа – выяснение типологической специфики генетических группировок и поиск возможных типологических коррелятов таких генетических понятий как «славянские языки», «индоевропейские языки». Этот аспект типологии оформился как относительно автономная типологическая дисциплина – характерология (термин В.Матезиуса).

Типологические исследования могут проводиться как в области отдельных подсистем, так и отдельных уровней языков, например, в области фонологических систем, в области морфологических систем, в области как лексических систем в целом, так и типологии слова. Работы этого цикла составляют так называемую уровневую, или аспектную типологию, или типологию подсистем.

Наконец, можно выделить также ареальную типологию, в задачу которой входит исследование общих типологических характеристик и закономерностей языков, находящихся на какой-либо определенной территории или ареале, например, установление типологических признаков языков Балканского полуострова или языков Восточно-Сибирского ареала.

Сравнительная типология немецкого и русского языков представляет собой один из разделов частной типологии языков, еще точнее один из разделов развивающейся на основе частной типологии контрастивной лингвистики. Почему частной? В данном случае выявляются особенности одного языка относительно другого, т.е. типологические характеристики одного языка (немецкого) определяются относительно родного (русского). А общая типология, как указывалось выше, занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира.

Типологическая характеристика того или иного языка может быть различной в зависимости от того, с каким языком данный язык сравнивается, по отношению к какому языку выявляются типологические характеристики данного языка. Например, типология немецкого языка будет одной по отношению к русскому языку, и другой по отношению, допустим, к английскому языку. Это также определяет сравнительную типологию немецкого и русского языков как один из разделов частной типологии.

Поскольку общая типология занимается выявлением и изучением общих процессов в языках, то вполне естественно, что в область типологических исследований вовлекаются всеобщие признаки, характерные для больших групп языков: такие всеобщие признаки называются универсалиями. Тем самым мы подходим к одной из важных проблем общей структурной типологии – проблеме универсалий языка.

Проблема универсалий языка

В настоящее время проблема универсалий языка соотносится одновременно с проблемой типологии языков. Сегодня все больше аргументов получает точка зрения, согласно которой универсалии принадлежат к сущностной характеристике языка. Лингвистика универсалий ставит своей целью выявление тех признаков языка, которые характеризуют любой язык и приобщают каждый конкретный язык к языку человека вообще.

Языковая универсалия – это некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом. По характеру языковые универсалии могут быть фонетическими, грамматическими, лексическими. К фонетическим универсалиям можно отнести наличие гласных и согласных; к лексическим универсалиям – наличие корневых и производных слов; к грамматическим универсалиям – наличие местоимений первого и второго лица, наличие настоящего времени глагола, наличие предложений и словосочетаний.

Универсалии можно классифицировать на: 1) универсальные признаки, характерные для языка как естественного средства коммуникации человека и определяющие сущностные черты языка в ряду возможных коммуникативных систем. Это: линейность, дискретность звукового знака, двуплановость языкового знака. Эти универсалии отличают язык как коммуникативную систему от таких коммуникативных систем, как, например, пиктография, азбука Морзе и т.п. 2) Универсалиями другого рода являются такие свойства языка, которые характеризуют универсальные качества, характерные для элементов языка. К ним могут быть отнесены категориальные признаки из области фонетики, лексики, грамматики – перечисленные выше, а также категория класса слов, категория времени, модальности, числа, синонимия, омонимия и полисемия языковых средств и форм.

К языковым универсалиям академик И.И. Мещанинов относил и так называемые понятийные категории. Понятийные категории – это категории, существующие в сознании, в мышлении человека, а поскольку язык оформляет не только внешнюю речь, но и внутреннюю речь, то такие категории с полным правом относятся к языковым универсалиям, и именно к их второму виду, к универсалиям системы и структуры языка.

И.И. Мещанинов писал: « Логические субъект и предикат будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» (Мещанинов 1975: 196). Далее он отмечает, что субъект и предикат наличествуют в мысли всегда, т.е. понятия субъекта и предиката всегда осознаются человеком, говорящим на любом языке, лишь их конкретное языковое выражение является различным, поэтому такие понятийные категории как субъект и предикат и относятся к языковым универсалиям. В настоящее время проблемой понятийных категорий как языковых универсалий занимается А.В. Бондарко.

Понятийные категории, т.е. семантические универсалии послужили толчком к зарождению новой отрасли общей типологии – семантической типологии, в отличие от структурной типологии. Семантическая типология находится еще именно в стадии интенсивной разработки. В отечественном языкознании основная ее проблематика намечена в книге Б.Ю. Городецкого «К проблеме семантической типологии», в которой семантическая типология относится к лингвистическим дисциплинам.

Давая определение понятию «языковая универсалия», мы отмечали, что универсалия – это признак, общий для всех, или для большинства языков. Вот эта оговорка «или для большинства языков» дает основание некоторым ученым говорить об абсолютных универсалиях и частичных, или статистических универсалиях (В.Д. Аракин, Р. Якобсон, Дж. Гринберг, Ч. Осгуд). Абсолютные универсалии – признаки, свойственные всем языкам, например, система гласных и согласных, категория числа, личные местоимения первого и второго лица, категория класса слов, предложения и словосочетания, синонимия, полисемия, омонимия. К статистическим универсалиям можно отнести, например, единственное и множественное число (в некоторых языках Полинезии, суахили, и языках американских индейцев существует двойственное, тройственное число), грамматическую

категорию рода (она свойственна многим индоевропейским, но не свойственна, например, тюркским и угро-финским языкам), долготу и краткость гласных. Постпозитивный артикль представлен в языках, распространенных на Балканском полуострове, следовательно, это ареальная универсалия.

Различия между абсолютными и относительными универсалиями нельзя считать раз и навсегда данными, скорее абсолютные универсалии следует рассматривать как потенциально статистические [Haase 281 f.].

В контрастивной лингвистике, при сравнении двух, трех языков речь может идти об универсальных элементах, например, четыре падежа в системе имени существительного немецкого и русского языков – универсальные элементы этих языков; категории лица, числа, времени, склонения, залога немецкого и русского глаголов – тоже универсальные элементы этих языков.

Теория универсалий имеет большое значение для типологии, так как дает основание к созданию наиболее полной типологической структуры как каждого языка в отдельности, так и языкового типа в целом.

Теоретические принципы сравнительной типологии как раздела языкознания

Сравнительная типология, как и всякая другая наука, при исследовании языковых явлений опирается на выработанные принципы сравнительного изучения языков.

Одним из важных принципов является принцип разноуровневых исследований. Принцип разноуровневых исследований предполагает сравнительное изучение языков по уровням языка. В языкознании принято различать фонологический, морфемный, лексический и грамматический уровни (внутри последнего морфологический и синтаксический). В курсе сравнительной типологии немецкого и русского языков сравнение проводится именно по каждому из уровней языковой структуры отдельно.

Типологические исследования в области фонологии и морфологии ведутся очень интенсивно. Результатом типологических исследований в морфологии является, например, морфологическая классификация языков, предложенная основателем типологических исследований В. фон Гумбольдтом. Результатом типологических изысканий в области фонологии является, например, классификация языков на вокалические и консонантные В.А. Исаченко.

Значительное внимание в типологических исследованиях уделяется типологии слова. Как отмечает Б.А. Успенский, «слово очень удобно как единица типологического описания, так его фонологический, лексико-грамматический, синтактико-семантический аспекты позволяют отчетливо увидеть типологическую специфику языка. Помимо этого, именно слово позволяет увидеть связи между фонологией, морфологией, лексикологией, синтаксисом и семантикой» [Общее языкознание 1972: 325].

Особый интерес представляют типологические исследования в области синтаксиса. Необходимость синтаксического анализа для выявления языковой структуры и, следовательно, ее типологических свойств, отмечал академик И.И. Мещанинов, разработавший принципы синтаксической типологии. В. Брендаль подчеркивает «интернациональный», т.е. близкий к универсальному характер синтаксической структуры в противовес «национальному» характеру структуры морфологической.

При сравнении языков нужно учитывать систему языка, т.е. сравнение должно проводиться на уровне категориальных явлений. В этом заключается второй основополагающий принцип сравнительной типологии – принцип системного подхода к изучаемым явлениям, который был обоснован таким выдающимся лингвистом как А.В. Исаченко: «То, что в первую очередь подлежит систематическому сопоставлению, это – явления категориальные. Явления системные» [Исаченко 1954: 9].

Использование грамматической категории (поскольку речь идет о типологии морфологического строя сопоставляемых языков) как единицы измерения типологического сходства и различия сравниваемых языков предполагает несколько этапов анализа: 1) констатация наличия или отсутствия изучаемых грамматических категорий в данных языках; 2) изучение форм реализации грамматических категорий; 3) изучение парадигматических связей компонентов изучаемых грамматических категорий; 4) изучение структуры парадигм, образующих данную категорию; 5) определение места данной категории в сравниваемых языках.

Поскольку в сравнительной типологии предполагается изучение как минимум двух языков, то, как и любое сравнение, типологическое сравнение языков включает в себя то, что сравнивают и то, с чем сравнивают. В современной типологии весьма распространенным является понятие «языка-эталона». Этим термином обозначают естественный или искусственный язык, который избирается как эталон для сравнительного анализа каких-либо других языков или другого языка.

Первоначально его функции выполняла анкета: составлялся список определенных признаков языков и по нему оценивались сравниваемые языки. Но иногда эти признаки были выбраны настолько научно и соответствовали системе языка настолько, что стало возможным говорить о языке-эталоне. Этот искусственный язык включал все типические признаки языков данной группы. Естественный язык-эталон – самый типичный язык из языков данной группы.

Проблема языка-эталона поставлена на повестку дня лингвистами, занимающимися проблемами типологии и универсалий. Но, как справедливо отмечают отечественные исследователи В.Д. Аракин и Б.А. Серебренников, «наша наука не может предложить никакого средства научного описания языков, которое бы могло претендовать на название язык-эталон» [Аракин 1979: 35]; «... язык-эталон действительно способен быть критерием того или иного языка в аспекте его типологической специфики, хотя идея языка-эталона, при всей ее теоретической полезности, не получила еще достаточного теоретического обоснования и не является общепринятой» [Общее языкознание 1972: 618].

В сравнительной типологии в качестве языка эталона принимают родной язык обучающихся. Это и есть следующий теоретический принцип сравнительной типологии – использование родного языка в роли языка-эталона. При сравнении немецкого и русского языков языком-эталонем будет являться русский язык.

Но структура родного языка может быть различной. Поэтому результаты сопоставления с родным языком типа русского языка будут одни, а результаты сопоставления с родным языком другой структуры, например, английским, будут другие. Следовательно, сопоставление с родным языком, условно принятым за эталон, не имеет абсолютного характера [Аракин 1979: 33]. При этом устанавливаются не абсолютные признаки типологического сходства и различия, а относительные, такие, которые сравниваемые языки выявляют относительно друг друга. Такой вид типологии В.Д. Аракин назвал относительной типологией. Выявление относительных типологических признаков сходства и различия является следующим теоретическим принципом сравнительной типологии.

Относительные типологические признаки сходства и различия прослеживаются по всем уровням языка и внутри каждого уровня по грамматическим категориям. Различительные признаки могут иметь как качественный, так и количественный характер. В связи с этим особенно плодотворной представляется дифференциация качественных и количественных различий, предложенная В.Г. Гаком. В соответствии с его концепцией под качественным различием понимается тот случай, когда данное языковое явление, данная грамматическая категория имеется в одном из сравниваемых языков, а в другом – нет. Итак, качественные различия – это отсутствие в одном из сравниваемых языков той или иной категории. Количественные различия имеют два источника: 1) данное языковое явление, данная грамматическая категория представлена в обоих сравниваемых языках, но в одном из них она более дифференцирована, т.е. ее парадигма включает больше форм в одном

языке, и меньше – в другом; 2) данная грамматическая категория представлена в обоих языках, но она шире употребляется в одном из них, чем в другом [Гак 1977:85]. Таким образом, дифференциация относительных признаков сходства и различия на качественные и количественные – следующий принцип сравнительной типологии.

Систематология

1. Понятие языкового типа и виды классификаций языков мира.
2. Генеалогическая классификация языков и компаративистика.
3. Место немецкого и русского языков в генеалогической классификации языков мира и характер родственных отношений между ними.
4. Генетическая односистемность исследуемых языков и их дальнеродственные отношения.
5. Типологическая классификация языков: этапы становления.
6. Место немецкого и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира.
7. Краткая характеристика синтетизма и аналитизма как показателя языковой структуры.
8. Место немецкого и русского языков в классификации языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма

Понятие языкового типа и виды классификаций языков мира

Как следует уже из самого термина, лингвистическая типология должна исследовать языковые типы. Однако понятие языкового типа до сих пор является малоразработанным, как и причины, способствующие образованию определенных языковых типов, несмотря на то, что в настоящее время лингвистическая типология существует уже свыше 150 лет.

В лингвистической литературе существует два основных понимания типа:

1). **Тип языка** – это наиболее общее понятие, позволяющее дать краткую характеристику строя данного языка; тем самым тип языка – это строй языка. Понятие типа языка базируется не на всех свойствах данного языка, а на его основополагающих чертах. В.Д.Аракин дополняет и конкретизирует понятие типа языка следующим образом: « ... под типом отдельного языка мы понимаем устойчивую совокупность ведущих признаков, находящихся между собой в определенных связях» [Аракин 1979: 17].

Данная формулировка представляется наиболее точной и полной из всех существующих, так как подчеркивает важность для определения типа языка не просто наличия основополагающих, ведущих черт, а их устойчивую совокупность, т.е. такую, которая сохраняется в неизменном виде на протяжении довольно длительного периода. И, во-вторых, отмечается, что для определения типа языка недостаточно одного этого наличия устойчивой совокупности ведущих признаков языка. Для определенного типа языка важно еще учитывать и взаимосвязь этих ведущих признаков, так как без учета этих взаимосвязей строй языка предстает как набор элементов, правила сочетания которых между собой остаются невыясненными.

2) Второе понимание типа в языке заключается в следующем: под типом в языке понимается качество языковой структуры, отмеченное в нескольких языках, как, например, наличие или степень аналитизма грамматических форм, наличие или отсутствие фонетических изменений на стыке морфем, например: *из Сибури*, но *das Stilleben*, *das Dekret*. Таким образом, тип языка, его типологическая характеристика предопределяется типом микроструктур, представленных в этом языке, типами языковых уровней.

В современном языкознании типы языков группируются по различным группам в зависимости от вида классификации языков мира. Общепринятыми и общепризнанными

считаются следующие классификации языков мира: 1) генеалогическая классификация, 2) морфологическая классификация, 3) классификация языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма. При этом следует помнить, что ни одна языковая семья не принадлежит раз и навсегда к определенному лингвистическому типу, так как неизменных признаков не бывает, их постоянство дело случая [Соссюр 1977].

Генеалогическая классификация языков и компаративистика

Генеалогическая классификация построена на основе исторического родства языков мира с помощью сравнительно-исторического метода. Родиной сравнительно-исторического метода является Германия. Именно здесь появились первые труды, в которых устанавливалось генетическое тождество языков. Это были работы Франца Боппа и Якоба Гримма. Генетическое тождество устанавливалось в них на основе соответствия звуков, морфем и даже целых слов, имеющих общее происхождение. Во второй половине 19 века появились натуралистические теории языка, в частности, теория языкового дерева Августа фон Шлейхера, согласно которой все родственные языки, как ветви от дерева, ответвляются от общего праязыка.

Классической генеалогической классификацией языков признается классификация Я. Гримма. В этой классификации все языки мира делятся на большие языковые семьи: индоевропейская семья языков, тюркская семья, семито-хамитская семья, уральская семья, китайско-тибетская семья, монгольская семья, эскимосо-алеутская семья и другие. Предполагается, что языки одной семьи произошли от одного древнего языка-основы в результате его распада на диалекты. Перечисление семей можно найти в классическом учебнике А.А. реформатского «Введение в языковедение» [Реформатский 1998].

Внутри семей выделяются группы или ветви: славянская ветвь, германская ветвь, скандинавская ветвь, балтийская ветвь, индоиранская ветвь индоевропейской семьи, финно-угорская ветвь уральской семьи, алтайская ветвь тюркской семьи и т.д. Внутри группы языки ближе друг к другу, чем внутри семей; это близкородственные языки. Имеется деление и внутри групп (семей) на подгруппы. Например, германская группа включает восточную, северную и западную подгруппы германских языков. Внутри подгрупп языки еще ближе друг другу, чем внутри групп или ветвей.

Генеалогическая классификация понимается обычно как классификация, направленная ретроспективно, вглубь веков. Такое направление анализа естественно предполагает, что группировка родственных языков должна учитывать время их возникновения и реального существования. Тем не менее, это учитывается далеко не всегда. Если мы, например, в южнославянской группе языков называем старославянский, то в западногерманской группе было бы логично назвать древневерхненемецкий и древнеанглийский, как это делает Эмиль Бенвенист.

В его схеме индоевропейской семьи языков приводятся следующие из интересующих нас языков, ведущих свое начало с эпохи средневековья. Восточная подгруппа включает только готский язык, прекративший существование к 500 году н.э. Фактически современная группа германских языков состоит из двух подгрупп: северной и западной. К северной относятся шведский, датский, норвежский, исландский языки; английский, немецкий, «платтдойч», фризский, фламандский и нидерландский языки относятся к западной подгруппе. Внутри славянской группы выделяются тоже три подгруппы: восточнославянская – западнославянская и южнославянская.

К восточнославянской подгруппе относятся русский, белорусский и украинский языки; к западнославянской – чешский, польский, словацкий; к южнославянской подгруппе – словенский, болгарский, сербский, хорватский, верхнелужицкий, нижнелужицкий языки [Бенвенист 1995: 406-407].

В других источниках можно найти другой состав подгрупп. Например, Альберт Клозе причисляет к западнославянским языкам еще такие языки, как лехский, сорбский,

кашубский, полабский [Klose 1987: XXXIV], которые другие исследователи относят к диалектам. Эти факты говорят о том, что генеалогическую классификацию языков нельзя считать закрытой. Более того, в современном мире она приобретает большую актуальность, в связи со стремлением многих малых этносов доказать свою автономность, что можно сделать прежде всего на основе особого языка.

Для доказательства родства языков в генеалогической классификации не придается решающего значения существованию отдельных одинаковых явлений. Например, артикль имеется не только в индоевропейских языках, но и в семито-хамитских, как-то арабском. Наличие имени и глагола – это вообще универсалии, т.е. признаки, свойственные всем языкам мира.

С другой стороны, даже и в родственных языках не все пригодно для сравнения с целью доказательства их родства: например, для этого не пригодны слова, возникшие в результате звукоподражания. Такие слова, которые имеют фонетически схожее звучание, можно встретить и в не родственных языках: *хохотать* – *хыхылдарья* (татарск.); или же *bad* – «дурно» и в английском, и в новоперсидском, но это является результатом случайного совпадения. Для доказательства родства непригодны и междометия.

Что же в таком случае является основой сравнения с целью доказательства генетического (генеалогического) родства языков? Материалом для сравнения служат в данном случае наиболее устойчивые элементы языка, к которым относятся основной словарный фонд и некоторые грамматические явления.

1. Основной словарный фонд включает местоимения, глаголы бытия, глаголы, обозначающие действия человека, термины родства, наименования животных, т.е. слова, которые исторически могут относиться к эпохе языка-основы. Сравним соответствия по некоторым приведенным рубрикам: я – *ich* (нем.) – *I* (англ.) – *ik* (готск., совр. швед.) – *ego* (греч.) – *ego* (лат.) – *io* (итал.) – *je* (фр.); есть (от «быть») – *sein* (нем.) – *to be* (англ.) – *essere* (итал.); есть – *essen* (нем.) – *to eat* (англ.) – *essan* (швед.); стоять – *stehen* (нем.) – *to stand* (англ.) – *stare* (итал.); мать – *Mutter* (нем.) – *mother* (англ.) – *mater* (лат.) – *madre* (итал.) – *mytera* (греч.) – *mere* (фр.); два – *dyo* (греч.) – *due* (лат., итал.) – *zwei* (нем.) – *two* (англ.) – *deux* (фр.); волк – *lykos* (греч.) – *lupus* (лат.) – *lupo* (итал.) – *loup* (фр.) – *vulfs* (готск.) – *Wolf* (нем.) – *wolf* (англ.).

2. Грамматическая общность также свидетельствует об общем происхождении языков. Сам тип грамматического строя является доказательством родства. Так индоевропейские языки являются флективными, а флексии в системе глагола до сих пор обнаруживают значительное сходство, ср.:

Русский	старославянский	немецкий	Английский	Французский
Он говорит	Я есмь	<i>Ich bin</i> <i>Er spricht</i> <i>Er macht</i>	<i>I am</i> <i>He tells</i> <i>He does</i>	<i>J'ai</i> <i>Il dit</i> <i>Il fait</i>

Ни в коей мере не умаляя достижений классической компаративистики, нельзя, тем не менее, не согласиться с Фердинандом де Соссюром, который считал: «Их наука оставалась исключительно сравнительной, вместо того, чтобы стать исторической» [Соссюр 1998: 9]. Только младограмматики включили результаты сравнения в историческую перспективу [там же: 11]. По мнению Соссюра, только историческая перспектива может объяснить переходы от одного языка к другому и скачки в языковом развитии. Главнейшим фактором он считает перемещение народов. Наслаиваясь одно на другое в течение столетий, эти переселения все перепутали и во многих местах не оставили и следов от переходных явлений от одного языка к другому.

«Характерным примером может служить индоевропейская семья языков. Первоначально эти языки должны были находиться в весьма тесном общении и образовывать непрерывную цепь языковых областей. <...> Славянская группа по своим признакам пересе-

кается с иранской и германской, что вполне соотнобразуется с географическим распределением соответствующих языков; равным образом германскую группу можно рассматривать как связующее звено между славянской и кельтской. <...> А между тем, как только мы начинаем рассматривать границу между двумя группами языков, например, германско-славянскую границу, мы тотчас обнаруживаем резкий скачок без всяких переходных явлений: оба наречия сталкиваются, а вовсе не переливаются одно в другое. Объясняется это тем, что промежуточные диалекты исчезли. Ни славяне, ни германцы не оставались неподвижными; <...> славянское и германское население, соседящие ныне, уже не те, которые соприкасались в прежние времена» [Соссюр 1998: 198].

Каково же современное состояние компаративистики? Возникнув как наука, направленная, прежде всего, на поиски лексико-грамматических и фонетических соответствий между языками, родственными по происхождению, компаративистика с течением времени значительно расширила область исследования, которая включает теперь, в частности, сравнительное литературоведение, широко представленное на нашей конференции. Нисколько не умаляя значения этой новой области компаративных исследований, хотелось бы, тем не менее, проследить тенденции смещения акцентов и в традиционной области сравнительного языкознания, охватывающей собственно языковые исторические сопоставления. Представляется, что произошло своего рода переструктурирование основной предметной области традиционной компаративистики. Переструктурирование затронуло следующие аспекты исследования.

Во-первых, изменился временной **вектор**, указывающий направление поиска: от исторических сопоставлений, уводящих вглубь веков, произошел поворот к сопоставительному исследованию современных синхронных срезов и к прогнозированию дальнейшего развития языков. Таким образом, господствовавший ранее диахронический принцип исследования сменился сопоставительно-прогностическим.

Во-вторых, изменились **цели** исследования: от поисков сходных явлений ученые все чаще обращаются к поискам формирующихся различий между национальными вариантами полигосударственных языков. В связи с этим на передний план выдвинулось изучение пространственного (диатопического) варьирования языков. В этом смысле можно говорить о переходе к исследованию дивергентных тенденций.

В-третьих, видоизменился **предмет** исследования: от исследования систем разных языков, имеющих общие генетические корни, компаративистика перешла к изучению функциональных различий в национально-территориальных и региональных вариантах одного языка, который в перспективе может рассматриваться как язык-основа родственных языков.

В-четвертых, обогатились **методы** исследования: этимологический анализ пополнился когнитивно-прагматическим компонентом; в сравнительном анализе используется метод лексико-семантических полей.

В-пятых, компаративистика, интегрируясь в современные гуманитарные науки, вплотную подошла к изучению **причин** формирующихся различий, делая акцент на связи языка с соответствующей культурой.

Остановимся кратко на каждом из выделенных направлений произошедших перемен.

Одна из основных причин **переориентации вектора** компаративных исследований кроется, на наш взгляд, в активно идущем процессе глобализации и выдвигании английского языка на роль мирового. Развитие этого процесса «подстегивается» средствами массовой информации и созданием глобальной информационной сети. Достаточно сказать, что более 80 % всех научных публикаций делается на английском языке. Влияние этого процесса на языковую ситуацию, складывающуюся в мире, нельзя недооценивать. По сути дела, он предопределяет другие перечисленные выше направления изменений в компаративистике, отражающие развитие языковой ситуации в целом.

В связи с глобализацией в фокус компаративных исследований попадают такие проблемы как англо-американские заимствования в различных языках (и не только родственных), с одной стороны, и диатопическое расслоение самого английского языка, с другой.

Массированный поток англо-американизмов, поддерживаемый экспансией американской поп-культуры, наталкивается на встречный процесс, направленный на утверждение национально-этнической идентичности, в том числе и через язык. Возможно, именно этим объясняется повышенный интерес к исследованию национальных вариантов полигосударственных языков (прежде всего, английского, немецкого, французского). Таким образом, оборотной стороной глобализации становится диатопическое варьирование языков, в том числе, а может быть, прежде всего, самого английского языка. При этом развитие национальных вариантов английского языка тесно связано с экономическими и социокультурными процессами, такими как участие в мировой экономике, этническая принадлежность говорящих на английском языке, образование и культура, религия.

Поначалу статус самостоятельных национальных вариантов получили американский и австралийский, этнический субстрат которых составляли выходцы из королевства Великобритания. Если раньше особенности этих вариантов описывались как определенные отклонения от британского стандарта¹, то теперь все более делается акцент на их социокультурной специфике. С этих позиций исследуются, в частности, системность лексики в канадском варианте английского языка [Бондаренко 1999], особенности формирования интонации в австралийском варианте [Давыдова 1999], различия в формировании метафорических смыслов в британской и американской литературе [Макарова 2004].

В постколониальную эпоху наступает следующий этап в развитии национальных вариантов английского языка – их утверждение в качестве государственных языков независимых стран, стремящихся, таким образом, участвовать в жизни мирового сообщества. Так самостоятельным вариантом начинает считаться сингапурский английский. Из ‘неродного диалекта английского’ он превращается в язык, которым местное население активно пользуется при общении между собой. Особенно это касается детей. По опубликованным данным, 46,4 % детей общаются между собой на английском языке [Pennuscook 1994: 235]. Тем не менее, английский язык, функционирующий вне этнического субстрата, несет на себе определенный отпечаток креолизации. Сопоставительное исследование деловой корреспонденции на английском языке, выполненной представителями деловых кругов Великобритании, США, стран Содружества и стран, где английский язык используется в качестве средства делового общения на международном уровне, показывает, например, что тексты контрактов и деловых писем, написанные коммуникантами-‘посредниками’, оказываются более застывшими по форме, взятой однажды за образец. Это касается архитектоники документа, частотности употребления терминов и модальных выражений [Драбкина 2001: 3, 10].

Особый раздел современной компаративистики образует диалектное варьирование. История регионального расслоения немецкого языка в связи с его функционированием в разных языковых сообществах воспроизводится в трудах М.М. Гухман, С.А. Миронова, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. Сегодня переосмыслена роль диалекта, который традиционно понимался как «подсистема», вариант на фоне литературного языка. В противовес этой точке зрения выдвинута гипотеза диалектной относительности, согласно которой в диалектах складывается особая картина мира, реализующая их особый идиоэтноизм [Закуткина 2001]. Выявлены социальные роли, влияющие на употребление диалекта. Ведущими из них являются возраст и уровень образования индивида. По данным минского исследователя Г.И. Медведева, типичный носитель калифорнийского диалекта – женщина в возрасте от 50 до 59 лет с достаточно высоким уровнем образования, проживающая в го-

¹ Ср., например, изучение грамматических различий в 70-е годы XX века в школе проф. Г.С. Щура, под руководством которого исследовалось функционирование в этих вариантах сослагательного наклонения.

родской местности. Социально-ролевая закреплённость диалектоносителей позволяет определить современный диалект как явление не просто территориального, но социорегионального характера [Медведев 2001]. Таким образом, и здесь компаративистика перешла от изучения реликтовых диалектных состояний языка к определению социокультурной роли диалектов. В этом же русле пересматривается история становления литературных языков, имеющих богатую письменную традицию. В частности, на основе полицентрической концепции, предполагающей сравнение истории развития разных диалектов, произошла переоценка роли юго-западного ареала в формировании немецкого литературного языка. Тем самым компаративистика обогатилась новыми теоретическими положениями относительно моделирования социальных и функциональных параметров территориальных вариантов языка [Дубинин 2002: 11].

Еще один раздел компаративистики, активно разрабатываемый в отечественном языкознании, восходит к трудам Э. Ризель и ее учеников, прежде всего А.И. Домашнева, в которых описываются территориально-государственные варианты немецкого языка. В этих работах находят отражение фонетические и лексико-грамматические особенности австрийского и швейцарского вариантов [Riesel ; Домашнев]. На состоявшейся в Москве в мае 2003 года международной научной конференции была дана высокая оценка вкладу этих ученых в разработку этой проблематики [Troschina, Semenjuk, Babenko 2003: 106]. Сегодня продолжается изучение ее различных аспектов, в частности лексико-фразеологического [Копчук 2003: 26-29]. Безусловно, перспективным представляется исследование функционально-стилистических различий, проведенное на материале рекламных текстов в немецких и австрийских изданиях в Минском лингвистическом университете [Горлатов 2002].

Следующий аспект новых компаративных исследований охватывает теория языковой идиоматики, разрабатываемая в Самарском педагогическом университете. Разделы этой теории образуют сопоставительное изучение языка-идиома на его этнической родине и функционирование того же языка как языка национального меньшинства («островного» языка в инородной среде), а также его использование в качестве иностранного языка. Подобные исследования приобретают особую значимость в связи с проблемой понимания при межкультурной коммуникации. Идиоэтнический аспект (этноспецифика формы плана выражения [Савицкий 2003: 112]) лексической сочетаемости слов и особенности русского идиома английского языка описаны в диссертации А.Е. Плеханова, выполненной под руководством В.М. Савицкого. В русском идиоме выявляются черты интерференции родного языка [Плеханов 1999]. В диссертации Т.В. Бурдаевой исследуется варьирование синтаксических форм в речи на родном и иностранном (немецком) языке. И в том, и в другом случае обосновывается сравнительно-сопоставительный подход к изучению аутентичной и неаутентичной речи. Сравнение позволяет определить ограничения в выборе средств выражения на неродном языке. Так из подчинительных союзов, зарегистрированных современными словарями, русскоязычные студенты употребляют примерно половину. Ограничения касаются также усложненных конструкций. Иноязычные учащиеся избегают, например, употребления в сложных предложениях однородных членов или инфинитивных оборотов [Бурдаева 2002], что делает их речь на неродном языке менее гибкой.

Даже если предмет исследования современной компаративистики остается традиционным, к его анализу применяются современные методы, что позволяет получить новые результаты. Особенно продуктивными являются здесь, на наш взгляд, попытки реконструкции картины мира древнего или средневекового человека. Сравнительно-исторический метод становится в этом случае основой для когнитивной этимологии, которая занимается реконструкцией древней словообразовательной модели слова и элементов его значения с учетом мифологического сознания определенной эпохи. В качестве примера исследований такого типа приведем этимологический анализ слов, соотносимых с понятием «верх». Опозиция «верх – низ» или «небо – земля» лежит в основе пространственных представлений человека. Понятие верха соотносилось при этом с Божеством, а поскольку

ритуальные действия были направлены к Божеству, то и глаголы со значением «делать», «творить» имеют в некоторых индоевропейских языках словообразовательные элементы, родственные с корнем «*verx*», ср. англ. *work*, нем. *Werk*, русск. со-*вер*шать [Жакова 2002: 84].

Актуализация картины мира в разных языках производится в современной компаративистике с помощью сопоставления идентичных лексико-семантических групп, фразеологизмов, пословиц. Показательна в этом смысле актуализация пространственной картины мира на основе сопоставления глаголов движения в немецком и русском языках. Она обнаруживает разные культурологические признаки, лежащие в основе восприятия категории пространства русскими и немцами: в немецком языковом сознании пространство воспринимается как часть сферы субъекта, в русском – сфера субъекта воспринимается как часть пространства [Шамне, 2000: 12]. Представления о времени и пространстве средневекового человека восстанавливаются на основе изучения фразеологизмов из немецкой деловой прозы XIV-XVI веков [Емельянова, Соловьева, 2001: 69].

Процесс этнической идентификации неразрывно связан с проблемой культурной самобытности, что объясняет внимание к культурологическому аспекту современных сопоставительных исследований. С одной стороны, интерес исследователей направлен на выявление этнокультурных особенностей, обуславливающих языковое своеобразие; с другой стороны, особую актуальность приобретает обучение иноязычной речи. В первом случае в сопоставительном плане исследуются, например, культурные концепты, такие как «время», «собственность», «пространство», – или картины мира, формируемые фразеологизмами, метафорами и пословицами. Здесь компаративистика смыкается с типологическими исследованиями.

Учитывая глубинный характер перемен, о которых шла речь выше, можно, видимо, говорить о смене научной парадигмы в рамках традиционной компаративистики, перешедшей от поисков сходства в историческом прошлом к поискам различий в сиюминутном настоящем. Сохраняя автономность по отношению к типологическим исследованиям, компаративистика ограничивается сравнением языков и литератур, имеющих общие этнические корни. Вместе с тем, она, несомненно, сближается с типологией, заимствуя у нее синхронный подход к объекту исследования, и с когнитивистикой, обращаясь к изучению нетрадиционных для себя объектов концептуальной сферы.

Генетическая односистемность немецкого и русского языков и их дальнеродственные отношения

Какое же место занимают немецкий и русский языки в генеалогической классификации и каков характер их родственных отношений? Из сказанного выше следует, что оба языка являются генетически односистемными языками, т.е. занимают одинаковое место в генеалогической классификации, относясь к индоевропейским языкам, но это не близкородственные языки. Характер их родственных отношений можно условно определить как дальнеродственный; это отдаленно родственные языки, так как они входят в различные ветви индоевропейской семьи языков мира.

Русский язык относится к славянской ветви восточнославянской подгруппы языков. На нем говорит около 200 миллионов человек. Немецкий язык входит в западногерманскую подгруппу германской ветви языков. На нем говорит более ста миллионов человек.

Типологическая классификация языков: этапы становления

Типологическая классификация языков – направление лингвистических исследований, возникшее в начале и развившееся во второй половине XIX века (первоначально в виде морфологической классификации языков). Целью типологической классификации

языков является установление сходства и различия языков (языкового строя), которые ко-ренятся в наиболее общих и наиболее важных свойствах языка и не зависят от их генети-ческого родства. Типологическая классификация языков оперирует классами языков, объединяемых по тем признакам, которые выбраны как отражающие наиболее значимые черты языковой структуры (например, способ соединения морфем).

Определение места конкретного языка в типологической классификации языков выявляет ряд его свойств, скрытых от исследователя при других лингвистических подхо-дах.

Впервые вопрос о типе языка и попытки классифицировать языки на этом основа-нии был поставлен школой романтиков. Так возникла книга немецкого романтика Фри-дриха фон Шлегеля «О языке и мудрости индийцев». Располагая материалом по сопостав-лению санскрита, греческого, латинского и тюркских языков, Ф. фон Шлегель разделил эти языки на два типа: флективные и аффиксирующие. Это разделение положило начало типологическому, то есть не связанному с происхождением, описанию языков.

Классификация ф. фон Шлегеля была впоследствии модифицирована и расширена многими зарубежными отечественными учеными. По оценке Масаоши Шибатани и Тео-дору Байнон, наиболее значительный вклад в развитие типологической классификации языков внесли: Август Вильгельм фон Шлегель (1767 – 1845), Вильгельм фон Гумбольдт (1767 – 1835), Август Шлейхер (1821 – 1868), Эдвард Сепир (1884 – 1939) и Владимир Скаличка (1909 – 1991) [Schibatani / Bynon 1995: 9]. Другие авторы причисляют сюда, как представляется, совершенно правомерно, и Джозефа Г. Гринберга [Metzler 1993: 587]. Из отечественных ученых мы бы назвали Ф.Ф. Фортунатова, Владимира Дмитриевича Ара-кина, Мирру Моисеевну Гухман, Любовь Степановну Ермолаеву.

Рассмотрим основные этапы развития типологической классификации языков.

Первым, кто усовершенствовал эту классификацию, был брат Ф. Шлегеля Август Вильгельм фон Шлегель. Он тоже оставался при сопоставлении языков в пределах морфо-логического уровня, однако вовлек в рассмотрение еще и китайский язык. Это позволило ему выделить еще один тип языков, который он назвал аморфным. Термин «аморфный» в применении к типу языка нельзя назвать удачным, так как он предполагает отсутствие формы, что в корне неверно по отношению к языку. Иное дело, что форма выражается в языках по-разному. Она есть и в китайском языке, но выражается без помощи привычных для индоевропейского языкового сознания флексий и аффиксов – за счет порядка слов и интонации. Впоследствии такие языки получили название изолирующих.

Заслугой А. В. фон Шлегеля было и выделение двух техник описания морфологи-ческого значения: синтетической и аналитической. Различение этих техник учитывается практически во всех последующих типологических классификациях языков.

Значительно глубже подошел к вопросу о типах языков Вильгельм фон Гумбольдт. В качестве основного критерия определения типа языка В. фон Гумбольдт берет отноше-ние между формой и значением слова, выражающего концепт. Гумбольдт впервые выска-зывает мысль о лингвистической специфичности концептов, создающих с помощью каж-дого языка единственную в своем роде сегментацию окружающего нас мира и челове-ского опыта. Тем самым язык связывался с мышлением и теорией познания. Важной для современного языкознания является мысль Гумбольдта об эластичности языкового значе-ния, открытого для креативных изменений в процессе коммуникации. С этой точки зрения типология языков не может ориентироваться только на строгие логические принципы. Единственно подлинно универсальной может быть только зависимость когниции от звуковой формы [ср. Shibatani/Bynon 1995].

Исходя из своей основной идеи, В. фон Гумбольдт выделил частные критерии определения типа языков. Он видел их, во-первых, в способе выражения в языке отноше-ний, то есть в способе передаче реляционных значений, что было основным критерием и у Шлегелей. Но трактовка языковых форм производится Гумбольдтом в терминах «вну-тренней формы языка», связанной с «духом народа», то есть с концептом. Кроме того,

Гумбольдт более гибко подходит к трактовке флективных языков, признавая аффиксы, наряду с внешней и внутренней флексией средством выражения грамматических отношений. Во-вторых, в качестве критерия, определяющего тип языка, Гумбольдт рассматривает способ образования предложения, что позволяет ему выделить особый тип инкорпорирующих языков. В-третьих, важнейшим критерием типологизации Гумбольдт считает звуковую форму, определяющую, говоря современным языком, этнолингвистическую специфику концепта.

На развитии идей В. фон Гумбольдта построены многие разделы современного языкознания; в частности, оформилась в самостоятельную отрасль когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в процессе познания мира, в том числе через понятие концепта. Предложенная им морфологическая классификация языков остается классическим образцом. Позднее были попытки усовершенствовать ее на чисто морфологической основе, но они не привнесли в нее принципиально новых моментов. Упомянем две таких попытки: Августа Шлейхера и Ф.Ф. Фортунатова.

А. Шлейхер, усовершенствуя существовавшие в то время типологические классификации, впервые вводит алгебраические обозначения элементов морфологической структуры слова, что придает его классификации значительно большую степень точности в сравнении с классификациями его предшественников. Типологическая классификация А. Шлейхера не учитывает инкорпорирующих языков, а содержит три типа, реализуемых в двух вариантах: синтетическом и аналитическом.

А.А. Реформатский представляет классификацию А.Шлейхера в следующем виде:

1. Изолирующие языки

- 1) R – чистый корень (например, китайский язык);
- 2) R + r – корень плюс служебное слово (например, бирманский язык).

II. Агглютинирующие языки

Синтетический тип:

- 1) Ra – суффиксированный тип (например, тюркские и финские языки);
- 2) aR – префиксированный тип (например, языки банту);
- 3) R / a – инфигированный тип (например, бацбийский язык).

Аналитический тип:

- 4) Ra (aR) + r – аффиксированный корень плюс служебное слово (например, тибетский язык).

III. Флективные языки

Синтетический тип:

- 1) Ra – чистая внутренняя флексия (например, семитские языки);
- 2) aR^a (Ra^a) – внутренняя и внешняя флексия (например, индоевропейские, в особенности древние языки).

Аналитический тип:

- 3) aR^a (Ra^a) + r – флектированный и аффиксированный корень плюс служебное слово (например, романские языки, английский язык) [Реформатский 1998: 448].

Математическая точность классификации Шлейхера позволяет уточнить место некоторых языков, в частности, в ней отчетливо видно расхождение типов немецкого и английского языков (см. ниже).

Отмечая роль отечественных лингвистов конца 19 – начала 20 века в создании типологической классификации языков, остановимся на работах Ф.Ф. Фортунатова. Занимаясь сравнительным языковедением, в том числе сравнительной морфологией индоевропейских языков, он предложил их типологическую классификацию. Классификация языков Ф.Ф. Фортунатова основана на общих свойствах и различиях, существующих между языками по отношению к образованию простых, т.е. не составных форм слов. Ф.Ф.Фортунатов выделяет четыре типа языков, не совпадающих, однако, с типами В. фон Гумбольдта:

1) «В значительном большинстве семейств языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии (здесь имеется в виду внутренняя флексия – С.А.), или если таковая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют принятым, хотя и неточным термином агглютинирующие или агглютинативные языки (от лат. *gluten* – ‘клей’, *glutinare* – ‘склеивать’), т.е. собственно склеивающие потому, <...> что здесь основа и аффикс слова остаются по их значению отдельными частями слов в форме слов как бы склеенными» [Фортунов 1956: 153].

2) «К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках <...> основы слов сами имеют необходимые (именно в словах-названиях) формы, образуемые флексией основ, <...> хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных. <...> Я называю семитские языки флективно-агглютинативными и потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как и в языках агглютинирующих».

3) «К <...> третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь <...> существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т.е. основа и аффикс представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название флективно-агглютинативных языки...».

4) «Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм <...> отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками корневыми; <...> в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным)» [Фортунов 1956: 154].

Классификация Ф.Ф. Фортунова, будучи чисто морфологической, не учитывает, как и типологизация А. Шлейхера, соотношения слова и предложения. В нее не вошел инкорпорирующий тип языков, но зато очень тонко подмечено различие образования слов в семитских и индоевропейских языках, а именно соотношение флексии основ и обычной аффиксации, что в других классификациях остается незамеченным.

Итак, в типологии 19 века было установлено четыре языковых типа: 1) флективный, к которому были отнесены индоевропейские и семитские языки; 2) агглютинативный: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский языки; 3) изолирующий: языки китайской группы; 4) инкорпорирующие или полисинтетические языки: чукото-камчадалские языки и языки американских индейцев. Эта классификация языков была произведена на основании учета признаков и свойств формальных сторон слова, его способности присоединять словоизменяемые и словообразовательные морфемы. Поэтому данная классификация и называется морфологической.

Морфологическая классификация языков рассматривает выражение грамматических отношений слова и предложения. Во флективных языках отношения слова, словосочетания и предложения выражены изменением звучания отдельного слова, в агглютинативных свободно присоединяемые к слову и сочетанию слов аффиксы выражают отношения слов и словосочетаний внутри словосочетаний, в изолирующих языках отношения слова и предложения выражены порядком слов, а в полисинтетических языках агглютинативные аффиксы могут как бы дублировать члены предложения, обозначая схему предложения.

Этим исчерпываются возможные способы выражения грамматических отношений слова и предложения.

Как видим, составление морфологической классификации языков явилось очень трудоемким, потому что любая классификация не может полностью охватить весь материал, и языки, которые охватываются ею, не соответствуют полностью ее делениям.

Язык по своей сущности политипологичен, то есть каждый язык сочетает в себе признаки разных морфологических типов, одни из которых являются ведущими, а другие – второстепенными. Не существует такого языка, который являлся бы чистым представителем какого-то типа. Каждый язык в той или иной мере политипологичен. В каждом естественном языке существуют черты, присущие нескольким типам, поэтому соотношение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой мере условно, произвольно.

Этот момент – политипологичность языка, будет учитываться и при дальнейшей характеристике немецкого и русского языков, при их сравнительно-типологической характеристике. Факт политипологичности языков неоднократно использовался учеными в качестве аргумента против «жесткости» морфологической классификации языков. В 20 веке появились новые типологические классификации, основанные на более гибких критериях.

Одна из них, возможно, самая значительная, принадлежит американскому лингвисту Эдварду Сепиру. Подвергнув критическому анализу имеющиеся типологические классификации на том основании, что они, с одной стороны, не учитывают всего многообразия языков, а с другой стороны, нередко находятся « в плену» составивших их авторов, владеющих, в основном, индоевропейскими языками, Э. Сепир сделал попытку поставить классификацию на более гибкую и более объективную основу. Привлекая неизвестные ранее лингвистическому сообществу языки американских индейцев, он выделил 4 типа своего рода элементарных сущностей, проявляющихся в каждом языке: 1) корневые, 2) деривационные, 3) смешанно-реляционные, 4) чисто реляционные. Две из них (первую и четвертую) можно отнести к абсолютным универсалиям, поскольку они «непременно выражаются во всех языках». Две другие (деривационная и смешанно-реляционная могут отсутствовать в языковом выражении, могут быть обе в наличии или только одна из них [Сепир 1993: 130].

Э. Сепир назвал свою классификацию концептуальной, поскольку она не стремится отразить только внешнюю языковую технику, а пытается ответить на вопрос о передаче значений в языковых символах [там же: 131]. Принципиально новым представляется в ней то, что она выходит за границы морфологии, учитывая взаимопроникновение языковых уровней, прежде всего, морфологии, синтаксиса и фонологии. Не случайно при характеристике технической стороны выражения отношений Сепир выделяет кроме известных из других классификаций способов выражения языковых отношений (изоляция и агглютинация) еще фузию (взаимопроникновение элементов) и символизацию, объединяющую внутреннюю флексию, повтор и способ ударения. Поясняя символизацию, он приводит пример из китайского языка, показывающий психологическую связь восходящего и нисходящего тона, различающего значения одного и того же корня *mal*: при произнесении с восходящим тоном этот корень имеет значение ‘покупать’, а при произнесении с нисходящим тоном – значение ‘продавать’ [там же: 121].

Третий аспект, получивший отражение в его классификации, – это степень «синтезирования» в грамматике, которую он отделяет от техники и градуирует по представленности синтеза. Степень синтеза может быть нулевой (тогда язык определяется как аналитический), нормальной (синтетический язык), слегка синтетической и «сверхсинтетической» (полисинтетический язык).

А.А. Реформатский представляет классификацию Э. Сепира в упрощенном виде [1998: 453] (ср. таблицу 2):

Таблица 2

Основной тип	Техника	Степень синтеза	Пример
А. Простые чисто реляционные языки	1) Изолирующий 2) изолирующий с агглютинацией	аналитический	китайский, аннамский (вьетнамский), эве, тибетский
Б. Сложные чисто реляционные языки	1) агглютинирующий, изолирующий 2) агглютинирующий 3) фузионно-агглютинирующий 4) символический	Аналитический Синтетический Синтетический Аналитический	Полинезийские Турецкий Классический тибетский шиллук
В. Простые смешанно-реляционные языки	1) агглютинирующий 2) фузионный	Синтетический Аналитический	Банту Французский
Г. Сложные смешанно-реляционные языки	1) агглютинирующий 2) фузионный 3) фузионный, символический 4) символично-фузионный	Полисинтетический Аналитический Чуть синтетический синтетический	нутка английский латинский греческий санскрит семитские

Классификация Э. Сепира имеет, как пишут М. Шиботани и Т. Байнон, два важнейших отличия от классических морфологических классификаций. Во-первых, она носит количественный характер в противовес абсолютным характеристикам. Во-вторых, языковые типы определяются в ней в терминах комбинирования свойств в противовес классическим типологиям, построенным на единичных свойствах [Shibotani / Vynon 1995: 12]. И то, и другое свойство получили дальнейшее развитие в последующих типологических исследованиях.

Количественная типология оформилась, по сути, в самостоятельное направление благодаря работам Джозефа Гринберга. Исходя из политипологичности любого естественного языка, Гринберг применил количественный подход к определению языкового типа. Для характеристики типа языка он предложил использовать типологические индексы, дающие представление о степени употребительности того или иного явления в языке. Индексы подсчитываются по текстам, состоящим из ста слов [Гринберг 1963]. Использование в качестве материала анализа реально функционирующих текстов, а не системно языковых фактов позволяет Гринбергу вывести более гибкие критерии типологизации, с одной стороны, а с другой стороны, сделать предметом типологического анализа чисто синтаксические явления, в частности, порядок слов [ср.: Naase 2001: 281-282] [Гринберг 1963].

Развитие идеи комбинирования свойств привело в пражской лингвистической школе к выделению особой ветви общей типологии – характерологии. Для определения «внутреннего» типа языка характерология рассматривает совокупность его существенных признаков. Близкие по характеру грамматических отношений языки объединяются группы по доминирующему в них признаку. Чешский типолог Владимир Скаличка приводит в своих работах пучки признаков, характеризующих, например, флективные и агглютинативные языки (см. ниже).

Л.С. Ермолаева, характеризуя германскую группу языков, развивает идею Сепира о взаимопроникновении уровней. Она пишет уже не о морфологической, а о цельносистемной классификации языков. В качестве цельносистемного параметра языкового типа Л.С. Ермолаева предлагает степень спаянности уровней в системе языка. Автор использует для типологической характеристики языков переходные уровни языковой системы. Важнейшими из них являются морфонология, рассматривающая возможности фонологических средств для построения словоформ, и синтоморфология, учитывающая использование средств словоизменения для выражения синтаксических отношений. Например, если в языках используется внутренняя флексия (аблаут, умлаут или грамматически значимое чередование согласных в корне), то степень спаянности уровней в таких языках высокая, следовательно, они относятся к неизолирующему типу И наоборот, бедность внутренней флексии говорит об изолирующем типе языка [Ермолаева 1987: 12]. Таким образом, степень спаянности уровней рассматривается в оппозиции со степенью их изоляции.

В рамках предлагаемой цельносистемной классификации современные германские языки располагаются Л.С. Ермолаевой в цепочку по степени изоляции: исландский – немецкий – нидерландский – фризский – шведский – норвежский – датский – английский – африканс [Ермолаева 1987: 15]. Цепочка показывает, насколько далеко ушли друг от друга в своем развитии генетически односистемные, близкородственные немецкий и английский языки. Подобная классификация в отношении славянских или других генетически родственных групп языков, насколько нам известно, отсутствует. Остановимся поэтому несколько подробнее на каждом из четырех классических морфологических типов языка.

Флективные языки. К ним относятся такие языки, формы которых образуются с помощью внешней и внутренней флексии. Наличие внешней и внутренней флексии является важным устойчивым признаком данных языков. Другими такими признаками являются полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии, фонетически обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения.

К флективному типу относятся индоевропейские, семито-хамитские языки; последние имеют и признаки агглютинативных языков, в чем и проявляется их политипологичность. Как видно, к флективным языкам относятся языки, занимающие различное место в генеалогической классификации, но типологическая (морфологическая) классификация не учитывает родственных связей; ее классификационным критерием, как отмечалось выше, является форма изменения слова и взаимоотношения слова и предложения.

Наличие аффиксов характерно и для агглютинативных языков, но в этих двух морфологических типах языков внешняя флексия имеет существенные различия. Во флективных языках флексия характеризуется следующими признаками.

1) Морфологической омонимией. Например, морфема *-e* в немецком языке это: а) личное окончание первого лица единственного числа глагола презенса индикатива; б) суффикс конъюнктива; в) суффикс множественного числа имен существительных; г) нейтральная флексия в склонении имен прилагательных.

2) Синтетическим характером аффиксов, то есть совмещением в одной морфеме, одной единице плана выражения нескольких различных значений, нескольких единиц плана содержания; другими словами, аффиксы флективных языков полисемантчны, им свойственна морфологическая полисемия.

Этот признак флективирующих языков подметил еще Ш.Балли. В своем труде «Общее языкознание и вопросы французской грамматики» он писал: «Во флективных языках окончания совмещают, как правило, несколько грамматических значений» [Балли 1955: 166]. Возьмем, например, личные окончания глаголов в немецком языке: *-st* – одна морфема, одна единица плана выражения совмещает следующие грамматические значения: а) лицо – второе лицо; 2) число – единственное, т.е. две единицы плана содержания; *Tage*:

морфема *-e* указывает одновременно на множественное число и именительный падеж. Русский язык: *иду* – личное окончание *-у* указывает на лицо – первое, число – единственное, и время – настоящее, наклонение – изъявительное, т.е. четыре единицы плана содержания в одной единице плана выражения; *писала*: флексия *-а* одновременно выражает такие грамматические значения как число – единственное, и род – женский.

Полисемия аффиксов флективных языков дает основания Б.А. Серебренникову определить их как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует несколько единиц плана содержания.

3) Еще одним признаком флексии во флективных языках является выражение одного грамматического значения разными формами, т.е. морфологическая синонимия. Например, выражение множественного числа имен существительных в немецком языке происходит с помощью трех суффиксов и внутренней флексии (умлаута): *Nächt-e*, *Häus-er*, *Mensch-en*; выражение дательного падежа в русском языке возможно с помощью нескольких морфем: *в степи*, *в руке*, *в степях*.

4) Для этих языков характерна также тесная спаянность аффикса с основой (корнем) слова: *Raben = Rabe + en*; *детский (децкий)*.

Флективные языки характеризуются и внутренней флексией: чередованием согласных в корне: *schneiden – schnitt – geschnitten*; *gehen – ging – gegangen*; *бегать – бежать, пеку – печь*; спонтанным чередованием гласных в корне (аблаутом): *ziehen – zog – gezogen*, *Zug*; *сон – сна*, или исторически объяснимой перегласовкой (умлаутом): *Baum – Bäume*, *Goos – gees*; а также преломлением: *nehmen*, но *nimmst, nimmt*.

При помощи внутренней флексии образуются формы слова и в арабских языках: *баллад* (местность) – *биллад* (множественное число) – аблаут; *гулд* (кожа) – *гулуд* (множественное число) – умлаут.

Чешский типолог В. Скаличка отмечает, кроме сильно развитой внешней и внутренней флексии, следующие признаки флективных языков: 1) сильное противопоставление частей речи, 2) свободный порядок слов, 3) мало сложных слов, 4) сильная синонимия грамматических элементов [Скаличка 1966].

Агглютинативные языки (агглютинация – склеивание, приклеивание) также характеризуются наличием аффиксов в слове: в них изменение слова осуществляется с помощью агглютинативных аффиксов (частиц или прилеп), которые присоединяются к основе или корню слова. Кроме развитой системы словообразовательных и словоизменительных аффиксов, для них характерны отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, отсутствие значимых чередований. К агглютинативным языкам относятся угро-финские, тюркские, алтайские языки, японский язык, корейский язык, эскимосские, индонезийские языки.

Аффиксы агглютинирующих языков характеризуются следующими признаками:

1) Однозначностью: каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение; для них характерен строгий моносемантизм. Моносемантизм аффиксов и дал основание Б.А. Серебренникову определить агглютинирующие языки следующим образом: « ... агглютинативный тип можно было бы определить как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания ...» [Общее языкознание 1972: 525].

2) Наличием в слове нескольких аффиксов, например, венгерское *ember* (человек) – *emberek* (люди) – *embereknek* (людям). В сравнении с флективными языками, как указывает В. Скаличка, аффиксы агглютинативных языков имеют значимость отдельных граммем. В. Скаличка выводит следующие типологические признаки агглютинативных языков:

1) Сильное противопоставление корневых и служебных элементов. Корневые элементы являются неизменяемыми, служебные – изменяемыми, т.е. для агглютинативных языков характерна только внешняя флексия, внутренняя флексия отсутствует. Кроме того,

корень, в отличие от флективных языков, существует как отдельное слово без служебных морфем.

- 2) Отсутствие тесной спаянности аффикса с корнем или основой.
- 3) Слабое противопоставление частей речи.
- 4) Мало случаев согласования.
- 5) Нет грамматической синонимии и омонимии.
- 6) Мало сложных слов [Скаличка 1966].

В однозначности аффиксов многие ученые усматривают причину устойчивости и продуктивности агглютинативного типа; последнее проявляется в том, что количество агглютинативных языков во всем мире растет. Несмотря на существенные различия, агглютинативные и флективные языки имеют и очень важные общие особенности, которые сближают их в грамматическом смысле: это наличие сильно развитой словообразовательной и словоизменительной аффиксации.

Изолирующие (корневые, аморфные) языки. К изолирующим языкам относятся такие языки, которые не имеют аффиксов, т.е. они характеризуются отсутствием словоизменения и, как следствие этого, значимостью порядка слов; слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов. Слово в таких языках как бы равно корню, поэтому оно изолировано от других слов в предложении, не выражает своего отношения к этим словам. Основная роль в данном случае принадлежит порядку слов. При помощи порядка слов выражаются отношения между словами, т.е. для изолирующих языков характерен грамматически значимый порядок слов.

К этому типу относятся китайский, тибето-бирманские языки. Например, китайское *хао-жень* (хороший человек), *сию-хао* (делать добро), *шан* (гора, верх, подниматься). Но следует отметить, что порядок слов не является единственным средством оформления слов в предложении; в этих языках имеются и морфологические средства, но их место очень незначительно, например, в китайском показателе пассива «*бэй*».

Характерная особенность изолирующих языков – межпарадигматическая омонимия слова. По В.Скаличке изолирующие языки имеют следующие признаки: 1) краткость слова, 2) слабое различие частей речи, 3) твердый порядок слов, 4) мало сложных слов, 5) слабая синонимия и омонимия в грамматике [Скаличка 1966].

Но в последнее время в китайском языке появилась тенденция к словосложению: *фэй-дзи-чан* (летать + машина + площадка == аэродром); *ши-фань-сюэ-юань* (показывать + пример + наука + двор == пединститут). Отмечается наличие в китайском отдельных суффиксов, которые имеют частные грамматические значения: *-во* (личное местоимение первого лица) – *во мен* (множественное число, т. е. «мы»); суффикс *-де*: *чуньжень* (рабочий) – *чуньженьде* (суффикс имеет значение принадлежности, т. е. «принадлежит рабочему»).

В современном английском языке отмечается продуктивность словосложения при создании неологизмов и окказионализмов; несколько примеров из романа Дж. Джойса «Улисс»: *milkwhite* (белый, как молоко), *wavewhite* (белый, как гребень волны), *seasmiling* (улыбающийся улыбкой моря). Эта тенденция проявляет себя и как синтаксическое словосложение: *pay –as-you-see television* (абонентское телевидение), *rip-and-read newscast* (передача новостей с телетайпной ленты), *must-see-film* (фильм, который обязательно надо посмотреть).

Полисинтетические или инкорпорирующие языки (инкорпорация – включение). Особенность этого типа языков состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т.е. неформленные корневые слова агглютинируются в одно общее целое, которое будет и словом, и предложением. Части этого целого – и слова, и члены предложения. Целое – это слово-предложение, где начало – подлежащее, конец – сказуемое, а в середину инкорпорируются дополнения со своими определениями и обстоятельствами.

Таким образом, основным способом выражения грамматических отношений в них является инкорпорация. Термин «полисинтетические языки» чаще обозначает языки, в ко-

торых глагол может согласовываться одновременно с несколькими членами предложения. К инкорпорирующим языкам относятся индейские, палеоазиатские и некоторые другие языки.

Для иллюстрации инкорпорации А.А. Реформатский приводит такой пример из чукотского языка: *ты-ата-каа-нмы-ркын: я жирных оленей убиваю*, буквально «я-жир-олень-убив-делай», где остов корпуса «*ты-нмы-ркын*», в который инкорпорируется «*каа*—олень» и его определение «*ата – жир*». Иного расположения чукотский язык не допускает, и все целое представляет собой слово-предложение, где соблюден и вышеуказанный порядок элементов [Реформатский 1998: 447].

Иногда этот комплекс может обрастать суффиксами и префиксами: *ты* (префикс) – *коя-нне-к* (суффикс) = *я оленей стерег*. Эти комплексы представляют собой построения, которые возникают в речи.

В инкорпорирующих языках много черт агглютинативных и флективных языков: в чукотском, например, как мы видели, инкорпорации сопутствует агглютинативная префиксация. Инкорпорирующие языки сближаются с агглютинирующими по принципу объединения морфем, а с флектирующими – по наличию внутренней флексии.

В заключение отметим тенденции, характерные для современных типологических исследований. Многие ученые сходятся во мнении, что для современной общей типологии характерен отход от попыток создания универсальной теории, охватывающей все известные языки и описывающей совокупность свойств этих языков. Современные исследователи обращаются к более частным задачам, описывая с позиций типологии специфические конструкции и грамматические феномены, такие, например, как порядок слов, падежная система, относительные придаточные предложения, пассив, каузативы. Фокус внимания переместился при этом от исследования отдельных языковых типов к межъязыковым сопоставлениям [ср. Общее языкознание 1972: 532; Shibotani / Bynon 1995: 15]. Иллюстрацией изменения фокуса исследований может служить проект, осуществленный в институте немецкого языка в Маннгейме под руководством Гизелы Цифонун «Грамматика немецкого в сравнении с европейскими языками» [Интерактивная типология 2007: 18-22].

Место немецкого и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира

Попытаемся определить место немецкого и русского языков в классической, или образцовой, морфологической классификации языков мира.

Русский и немецкий языки относятся к флективным языкам, поскольку флексия в них является основным средством выражения грамматических отношений. Но они в то же время политипологичные языки, так как содержат некоторые признаки языков других типов. Так, например, отдельные флексии имеют характер агглютинативных аффиксов. В немецком языке это суффикс претерита *-te (machte)*; в русском – суффикс, обозначающий второе лицо множественного числа императива *-те (пишите, читайте)*; аналогичный характер имеет и суффикс *-л* в прошедшем времени глаголов в русском языке. Некоторые из типов сложных слов в немецком языке напоминают инкорпорирующие комплексы: *Handwerker, Schreibtisch*; в русском языке это, например, *рукоприкладство, водоворот, черномазый*; в английском словосочетание *the kind old man's answer* также представляет собой инкорпорирующий комплекс, как и итальянское сложное слово *ésciuggamano* – полотенце (буквально: *вытрите – asciugga + рука – mano*).

В обоих языках можно наблюдать некоторые черты и других морфологических типов. Например, черты изолированности проявляются в немецком в словосочетаниях: *sehr schön, schon gut*; в русском языке по такой модели могут быть построены не только словосочетания, но и предложения: *рано вечером; здесь очень тепло*.

Таким образом, немецкий и русский языки являются языками флективными. В этих языках флексия – ведущий способ оформления слова. Однако сходство здесь относитель-

ное, так как в немецком языке флективная система беднее, чем в русском. Сопутствующими способами оформления слова (в небольшом объеме) являются в обоих языках инкорпорация, агглютинация и изолирование.

Классификация А. фон Шлейхера ясно показывает различие между немецким и английскими языками. Согласно его классификации немецкий и русский языки (как языки индоевропейские) относятся к одному типу – флективным языкам, а именно, к синтетическому типу, его второму подтипу. Английский язык в этой классификации также относится к флективным языкам, но к их аналитическому подтипу, что можно рассматривать в некотором роде и как переходный тип, если проводить параллели с образцовой типологической классификацией В. фон Гумбольдта.

Промежуточное положение английского языка между традиционным флективным типом и изолирующим подтверждается тем, что в нем слабо представлено согласование, для него характерен твердый порядок слов, ему свойственна краткость слова – все это признаки изолирующих языков. В отношении последнего признака (краткости слов) Ш. Балли пишет следующее: «Английский язык, подобно китайскому, решительно склоняется в пользу односложных слов; но этой тенденции противостоит все усиливающийся прилив латинских и романских заимствований (а также вышеуказанные тенденции словосложения – добавим от себя – С.А.), наводняющих этот язык многосложными словами» [Балли 1955; 28].

Краткая характеристика синтетизма и аналитизма как показателя языковой структуры

Синтетизм – это наличие в словах полнозначных формальных показателей, указывающих на связи этих слов друг с другом. При синтетическом строе грамматические значения слова передаются в пределах слова. Такими формальными показателями грамматических значений могут быть флексии или агглютинативные частицы. Кроме того, языкам синтетического строя свойственна и внутренняя флексия. «...чем аналитичнее индоевропейский язык, тем реже он прибегает к апофонии (внутренней флексии – С.А.) для выражения грамматических понятий. Немецкий язык еще систематически пользуется ею, тогда как французский почти полностью от нее отказался» [Балли 1955; 166-167]. Итак, к языкам синтетического строя относятся русский, немецкий, угро-финские, семито-хамитские языки.

Для синтетизма в грамматическом строе характерен грамматический плеоназм. Определение грамматического плеоназма дано Ш. Балли, который к тому же ярко проиллюстрирован явления плеоназма при сравнении современных индоевропейских (западноевропейских и русского) языков.

Обязательный грамматический плеоназм требует, чтобы одна и та же категория была выражена в одной и той же синтагме два или несколько раз. «Немецкий язык – пишет Ш. Балли – широко использует обязательный плеоназм; это объясняется тем, что данный язык занимает промежуточное положение между анализом и синтезом: он до зубов вооружен флексиями, и все же их сопровождают готовые заменить их префиксальные знаки; ср.: *die Gäste* «гости» (множественное число выражено артиклем, суффиксом и умлаутом – С.А.), *eines schönen Gartens* «красивого сада» (родительный падеж выражен формой артикля и окончанием существительного –С.А.), *du lügst* «ты лжешь» (форма лица выражена личным местоимением и окончанием глагола – С.А.) и т.д. Классический случай, унаследованный от индоевропейского языка, представляют собой предлоги, сопровождаемые склоняемой формой, ср.: *durch den Wald*, но *through the wood*; или: *Die tapferen römischen Soldaten rücken vor*, где множественное число выражено пять раз» [Балли 1955: 169-170].

В русском языке, который также широко использует грамматический плеоназм, несколько раз может быть выражен род существительного: формой самого существительного и формой прилагательного (*снег белый*); немецкому языку подобный плеоназм неизвестен, потому что предикативное прилагательное в нем не изменяется. Немецкий язык находится в положении языка, у которого имеется все, чтобы обойтись без флексий; тем не менее, он их сохраняет. Он располагает теми же средствами замены флексий, что и французский: артиклем, предлогами, личными местоимениями и вспомогательными глаголами и все же он обладает склонениями и спряжениями (ср.: *die Hirten, von mir, er leidet, hat gelitten, wird sterben*). Этим объясняется значительное количество случаев грамматического плеоназма.

Аналитизм – это отсутствие в словах формальных служебных показателей. При аналитическом строе грамматические значения слова передаются вне его пределов, т.е. средствами контекста: с помощью служебных слов и порядка слов. К языкам аналитического строя относятся английский, французский, китайский, болгарский, новоперсидский и другие. Черты аналитизма проявляются в индоевропейских языках как в системе имени, так и в системе глагола: образование сложных времен, явление артикля, выражение отношений между именами с помощью предлогов.

Говоря о синтетизме и аналитизме, не следует забывать, что для древнейшего состояния германских языков аналитизм не характерен, и лишь в современном состоянии он неоднократно проявляется в структуре имени и глагола. В качестве типичного примера аналитических языков приводится современный английский язык. Но в этом языке существуют и явления синтетизма: множественное число имен существительных, притяжательный падеж, формы личных местоимений – общий и косвенный падеж и т.п., поэтому Б.А. Серебренников замечает, что у нас есть все основания считать английский язык аналитическим, но следует добавить: в известной степени аналитическим.

Место немецкого и русского языков в классификации языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма

Данный пример является яркой иллюстрацией тому, что не существует чистого языкового типа, что язык по своей сущности политипологичен. Политипологичность в аспекте синтетизма/аналитизма присуща и русскому, и немецкому языкам. Немецкий и русский языки следует рассматривать как синтетические языки с более или менее ярко выраженными тенденциями к аналитизму.

Элементы аналитизма довольно широко представлены в современном немецком языке: в системе глагола это сложные временные и залоговые формы, формы кондиционалиса и конъюнктива, составные формы сказуемого и предиката; аналитические элементы в системе имени немецкого языка – это артикль, сложные формы субъекта и дополнений, богатая система предлогов, заменяющих падежи.

С этой точки зрения и русский язык можно рассматривать как язык, развивающийся в сторону аналитизма. Подтверждение этому можно видеть, например, в том, что в русском языке сокращается система падежей. На более ранних ступенях развития русского языка существовало восемь падежных форм: партитивный – *стакан чая*, и отложительный падеж: *однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, из дому*, и т.п. Кроме того, не все имена существительные имеют различные формы в каждом из шести падежей. Так, слово *вода* имеет пять различных падежных форм, слово *поле* – четыре. Все это и свидетельствует о наращивании элементов аналитизма в системе имени русского языка.

Интересное явление аналитизма в русском языке – форма сослагательного наклонения: одна единственная форма без различия времени и модальных оттенков (нереальная возможность, желание, предположение). Современные русисты считают аналитическим

тическими формами повелительного наклонения такие формы как: *Пусть он (она) скажет, пусть они едут, пусть войдут*. Аналитизм проявляется и в сравнительных формах прилагательного и наречия: *более четкий, менее четко*.

С начала 20 века в русском языке начал формироваться класс неизменяемых прилагательных: *цвет беж, платье бордо, стиль модерн, кофе мокко, час пик, брюки клеш, юбка мини (миди)*; растет класс несклоняемых существительных: *кофе, какао, кашне, метро, пенсне, домино, пальто, шоссе* и т.д., причем, как неизменяемые прилагательные, так и неизменяемые существительные характеризуются омонимией морфологических форм: *купил пальто – укрылся пальто* и т.д. Но в начале 20 века эти существительные еще склонялись, и в 1915 г. еще считалось нормой *без пальто, но в пальте; посещение бюро комитета*. В 1904 г. поэт А. Белый писал: *Мы в польтах осенних сидели*. Слово *ультра* было дважды заимствовано в русский язык: в 19 веке во флективной форме (*под именем ультраов, спор между либералами и ультрами*); сейчас оно употребляется в русском языке в неизменяемой форме.

Таким образом, немецкий и русский языки являются синтетическими языками с отчетливыми аналитическими тенденциями развития, причем немецкий язык более аналитичен, в нем синтетические и аналитические средства представлены довольно широко. Русский язык проявляет отчетливые тенденции к аналитизму. Но, давая такую характеристику немецкому и русскому языкам, мы не должны забывать о том, что это – относительная характеристика, относительные типологические признаки немецкого и русского языков в сравнении друг с другом.

В сравнении, например, с английским или французским языком мы получаем несколько другую сравнительно-типологическую характеристику немецкого и русского языков. Немецкий язык предстает, с этой точки зрения, как язык, сочетающий в себе элементы флективной системы, сближающие его с русским языком, и элементы аналитического строя, отдаляющие его от русского языка. При этом аналитические элементы выражены в нем, в отличие от французского и английского языков, сравнительно слабо, но, по сравнению с русским языком, представлены довольно значительно.

Общая характеристика немецкого русского языков в свете всех трех классификаций может быть сформулирована следующим образом. Немецкий и русский языки являются генетически односистемными отдаленно родственными языками. Эти языки по преимуществу флективны, синтетичны, с более или менее четко выраженными элементами других морфологических типов языков и аналитизма.

Сравнительная типология словообразования в немецком и русском языках

1. Синтетико-морфологические категории языков синтетического строя и общий характер структуры слова.

2. Аффикация как ведущая тенденция словообразования в русском языке.

3. Словосложение как ведущая тенденция словообразования в немецком языке.

Синтетико-морфологические категории языков синтетического строя и общий характер структуры слова

Специфичную особенность языков синтетического строя образуют особые синтетико-морфологические категории, такие, как падеж, число, грамматический род, глагольный вид и т.д., слабо представленные или вовсе отсутствующие в аналитических языках. Синтетико-флективными они называются поэтому, что выражаются синтетически, с помощью флексий в структуре самого слова, например, *Tage, дни, Mädchen, девочка* – флектив-

ность, а синтетические – так как выражают, как правило, не одно из грамматических значений, а несколько.

Таким образом, для немецкого и русского языков характерны общие, одинаковые закономерности в структуре слова. Слово состоит не из одной морфемы, корневой, как например, в корневых языках (английском), а из нескольких. К корневой морфеме присоединяются и другие морфемы, выражающие синтетико-морфологические категории слова: Tages – дня, gehst – идешь, или образующие новые слова: Schönheit – красота, bildhaft – расписной, erwerben – приобретать и т.п.

Следовательно, для немецкого и русского языков характерна тенденция к двуморфемной структуре слова: слово состоит в чисто структурном плане из корневой морфемы и аффиксальных морфем, которые, в зависимости от своих функций, делятся на морфемы словоизменяющие и морфемы словообразовательные [ср. Виноградов 1972: 39].

В области словообразования проявляются очень важные типологические черты языков. С одной стороны, словообразование тесно связано с грамматическим строем языка, с другой – со словарным составом. Новые слова, входя в словарный состав языка, располагаются по тем грамматическим категориям, которые типичны для данного языка. В то же время, в процессах словообразования находят свое отражение изменения в общественной жизни, производственной деятельности человека: в русском языке в прошлом столетии формировался слой слов со значением коллективной сплоченности действия: сработанность, сыгранность, сговоренность. Русский язык характеризуется более разнообразными способами словообразования по сравнению с другими языками.

Русский и немецкий языки, как языки индоевропейские, обладают, естественно, многими сходными чертами. Это сходство наблюдается и в словообразовании того и другого языка, выражаясь в наличии в них одинаковых способов образования слов: аффиксация, словосложение, субстантивация. Со словообразованием тесно связана также и структура слова. Если структура слова двуморфемна, то в таких языках преобладают аффиксальные способы словообразования. Примером такого языка как раз и является русский язык, в значительной степени немецкий и в известной степени французский язык, т.е. языки, относящиеся к флективному типу. Если слова в языке одноморфемны в своей начальной форме, то в таких языках продуктивным является безаффиксальное словообразование. Примером такого языка служит английский, китайский и другие языки, относимые к изолирующему типу.

Таким образом, типология словообразования тесно связана с общей типологической характеристикой языка и зависит от нее.

Специфика же заключается, прежде всего, в разной степени интенсивности действия того или иного способа словообразования, в различном характере отношения определенного способа словообразования к другим, например, к чисто синтетическим возможностям выражения различных смысловых отношений.

Аффиксация как ведущая тенденция словообразования в русском языке

Ведущим средством словообразования в русском языке является аффиксация, и в частности, способ суффиксального словообразования. Русский язык обладает широко развитой, дифференцированной системой суффиксов; так, богато представлена в русском языке группа суффиксов субъективной оценки. В системе именного словопроизводства группа суффиксов субъективной оценки является характерной чертой русского языка по сравнению с немецким.

В русском существительном представлены как суффиксы уменьшительно-ласкательные: -ик, -ичек, -ок, -очек, -енька (-онька), -ышек и другие, выражающие самые различные оттенки значений (цветик, дождичек, зубок, лесочек, ступенька, водица, водичка,

старушка, зеркальце, гнездышко, колышек), так и пренебрежительно-уменьшительные: -ишко, -енка (домишко, коровенка, старушечка), и суффиксы увеличительные: -ище, -ина (холодище, домина) [Русская грамматика 1980: 208-216].

Следует подчеркнуть, что область распространения суффиксов субъективной оценки не ограничивается в русском языке только именем существительным. Эти суффиксы имеются и в категории имени прилагательного. Это –еньк, -оньк, связанные с понятием некоторой неполной меры качества, суффиксы –ехоньк, -ешеньк (целехонький, белешенький, беленький, сухонький), связанные с понятием большой, полной меры качеств, разговорно-бытовой суффикс –юсеньк со значением минимального, малого количества (малюсенький), увеличительный суффикс –ущий (полнущий). В системе имени прилагательного одно и то же субъективно-оценочное значение может быть выражено дважды: маленький котенок – большущий котик, что подчиняется закону обязательного грамматического плеоназма языков синтетического строя.

В немецком языке имеется лишь два суффикса субъективной оценки, характеризующиеся сильной многозначностью, а с другой стороны – омонимичностью: -chen, -lein. Эти суффиксы немецкого языка объединяют в себе с большей или меньшей полнотой значения и оттенки значений, выражающих понятия ласкательности, уничижительности, уменьшительности. И полностью отсутствуют суффиксы увеличительные.

Многозначность данных суффиксов проявляется в контексте: das Blumensträusschen, (ласкательное значение) или уменьшительное; die Äuglein des Kindes (ласкательное значение); Na, Freundchen (ироническое). В немецком языке полностью отсутствуют суффиксы субъективной оценки в системе имени прилагательного.

Во французском языке имеется суффикс уменьшительности, но применяется он очень редко; в английском языке полностью отсутствуют суффиксы субъективной оценки; здесь употребляются лексические показатели: a little house (домик) в отличие от small house (маленький дом). Русские учащиеся очень трудно ориентируются в этой ситуации. Они стремятся как-то синтетически дифференцировать многозначность суффиксов –chen, -lein немецкого языка, что приводит к неправильному словообразованию.

Таким образом, русский язык отличается от немецкого широтой распространения суффиксов субъективной оценки, их многообразием, дифференцированностью системы суффиксации, создающей возможность для выражения различных смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков.

Аналогичная картина наблюдается и в системе других суффиксов, например, системе суффиксов со значением деятеля: -ец, -ик (-ник), -щик, -тель, (-итель), -ак (-як), -ар (-арь) и других. Здесь мы также наблюдаем четкую дифференциацию названий лиц по сферам производственной деятельности, по предметам, связанным с производством, с ремеслом, с профессией, по действиям или состояниям, характеризующим общественный облик человека, его социальное положение, по идеологическим признакам, по отношению к общественно-направленному, научному, идейному, художественному течению и т.п., по принадлежности к определенной народности, стране, месту, городу, по свойствам характера, склонностям: делец, продавец, гребец, передовик, работник, каменщик, учитель, газетчик, водитель, слесарь, пахарь, столяр, выборщик, избиратель, пермяк, и т.д.

Характерной особенностью русского словообразования является в данном случае активность отыменного словообразования, т.е. образование слов со значением деятеля от корневых имен существительных и прилагательных (а не от других частей речи, например, от глаголов или наречий).

В немецком языке часть этих значений закрепляется за суффиксом –er (реже -ling) и его вариантами. Чаще всего немецким существительным с суффиксом –er соответствуют русские, преимущественно отглагольные, существительные с суффиксом –ец и –тель. В отличие от русских суффиксов суффикс –er значительно менее активен в системе отымен-

ного словообразования, следовательно, он не может передать значения всех морфологических типов русских существительных. Многим из них соответствуют в немецком языке сложные слова.

В первую очередь это относится к отыменным образованиям: ср., фронтовик = Frontkämpfer, передовик = Bestarbeiter, заочник = Fernstudent, моряк = Seemann, середняк = Mittelbauer, сплетник = Klatschbruder; суффиксальные соответствия немецкого языка существительным русского языка довольно редки: Verkäufer – продавец, Leiter – руководитель, Fischer – рыбак, Moskauer – москвич, Maler – художник, Sänger – певец.

В иных случаях трудно подыскать какое-либо производное или сложное слово, и тогда возможным оказывается соответствие в виде определительного словосочетания, имеющего описательный характер: здоровяк – kerngesunder Mensch, добряк – herzenguter Mensch; следует упомянуть и о субстантивированных прилагательных, как о возможных соответствиях русским суффиксальным образованиям: усач – der Schnurbärtige, толстяк – der Dicke и т.п.

Выше говорилось о том, что посредством суффикса –er в немецком языке образуются имена существительные, соответствующие в первую очередь русским отглагольным существительным с суффиксами –ец, -тель. Это не случайное совпадение. Оно объясняется тем, что немецкий язык, по сравнению с русским, допускает в более широких пределах образование существительных от того или иного глагола. Отсюда явление как бы обратного свойства – невозможность подыскания прямых соответствий значительному числу существительных немецкого языка с суффиксом –er, типа Störer, Benutzer, Entdecker и другим.

И в других частях речи складывается примерно та же картина: аффиксация в немецком языке менее продуктивна, чем в русском. Глагольные суффиксы в немецком языке семантически слабо окрашены и имеют, в основном, два оттенка значения: повторяемость (ächzen), уменьшительность (lächeln). Местоимения и числительные в морфологическом плане замкнутые классы; они имеют, в основном, корневые слова; то же самое можно отнести и к сфере наречия.

Словосложение как ведущая тенденция словообразования в немецком языке

Если исходить из всей системы словообразования, то следует отметить, что в немецком языке основную роль в словообразовании выполняет не аффиксация, а словосложение. Значительная роль словосложения частично заимствована, и в какой-то степени генетически обусловлена (в древних индоевропейских языках словосложение играло значительную роль).

Словосложение в современном немецком языке многогранное, многоаспектное и очень сложное явление. С одной стороны, оно часто переплетается с аффиксацией, с другими средствами словообразования. С другой стороны, оно граничит с синтаксисом, так как в немецком языке между компонентами сложного слова часто возникают такие отношения, которые повторяют синтаксические связи между словами.

Итак, словосложение – ведущий способ словообразования в немецком языке по сравнению с русским языком. Однако, говоря о словосложении, следует подчеркнуть не только качественное различие в характере использования этого способа словообразования в немецком и русском языках, но и отметить имеющееся сходство.

Известно, что и в русском языке словосложение представлено, и довольно широко, в системе имени. С древнейших времен в русском языке существуют сложные слова, образованные путем соединения именной и глагольной основы типа « свинопас, водонос, воевода, злодей, медведь, листопад » и другие. Беря за основу морфологическую структуру

сложных существительных, исследователи различают в современном русском языке до восьми различных типов, с довольно многочисленными семантическими разновидностями внутри них. Уже само перечисление таких существительных, как «каменотес, маслодел, водолаз, пароход, снегопад, старожил, пустоцвет, пчеловодство, равновесие, газопроводка, железобетон, молотобоец, водокачка, землечерпалка, новостройка, хлебопашец, железнодорожник» и другие, говорит о довольно большом разнообразии структурных моделей сложного слова в русском языке. Среди подобных способов образования сложных слов исследователи различают немало способов продуктивных (ср., например, современные образования типа «атомоход, турбоэлектроход, вездеход» и другие).

Но еще раз подчеркнем, что немецкое сложное существительное отличается от русского большим разнообразием своего морфологического состава. Слово-определитель может выражаться основами, соотносящимися с различными частями речи: существительным, прилагательным, наречием, числительным, глаголом. Русский язык не имеет сложных слов, в которых бы первый компонент представлял собой глагольную основу. Ср. немецкие существительные типа “ Bewegungsgrund – движущая причина, Stehkragen – стоячий воротник, Tragbahre – носилки, Nähmaschine – швейная машина, Hemmkette – тормозная цепь, Seeluft – морской воздух и т.п.

Недостаточное развитие относительных прилагательных в немецком языке тоже связано с процессом словосложения. Кроме того, в немецком языке вообще нет притяжательных прилагательных (ср. « мамина шляпа – Mutters Hut »). Правда, русисты указывают на сокращение класса этих прилагательных в русском языке. В немецком языке сложные слова не исчезают и при наличии вариативности, например, goldene Uhr = Golduhr.

Для немецкого глагола характерны сложные образования – сдвиги типа wachbleiben, achtgeben, kundgeben, radfahren. В русском языке им соответствуют либо словосочетания, либо, чаще, производные глаголы (например, « бодрствовать, обращать внимание на что-либо, объявлять, ездить на велосипеде). Как указывает М.Д.Степанова, группа сложных глаголов пополняется за счет перехода в сложные глаголы устойчивых словосочетаний типа: zugrunde gehen, sich satt essen (zugrundegehen, sich sattessen).

Все приведенные выше факторы характеризуют количественную сторону вопроса; однако не в этом состоит основное свойство немецкого словосложения.

Качественное своеобразие немецких сложных слов заключается в сочетании в них двух функций: 1) обозначения отдельных понятий и 2) выражения отношений между предметами и явлениями действительности. Сложные существительные служат, с одной стороны, для называния, обозначения тех или других понятий, например, Zahnfleisch, Treppenhaus, Rosenkranz; с другой стороны, они способны выражать и самые отношения между понятиями, ср.: Reisemudigkeit, Gastwirtssohn, Familienauseinandersetzung, Tonfigur, Spanienreise.

У русских существительных синтаксическая функция не проявляется так ярко. Существительные типа “ железобетон, каменотес, скотобойня, чернозем “ и прочие служат именно для называния предметов или явлений, обозначая определенные терминологические понятия.

Последнее важно отметить при характеристике русских сложных существительных: почти все они представляют собой слова-термины, обозначая разные виды профессий, занятия, трудовые процессы, явления природы, инструменты и т.п. Последнее, однако, нельзя отнести к группе сложных существительных с глагольной, бессуфиксальной (реже – с производной) основой типа “ ветрогон, головорез, блюдолиз, кровосос, горлодер, голодранец “) и некоторых других, представляющих собой меткие характеристики лиц и имеющие экспрессивно-разговорный характер.

Богатство возможностей сочетания различных основ в сложных словах немецкого языка, богатство отношений, выражаемых ими, – все это обуславливает большое разнооб-

разии конструкций, соответствующих немецким сложным словам: Hinterland – тыл (простое слово), Frontsoldat – фронтовик (производное слово), Krankheitsurlaub – отпуск по болезни; Schuhputz – чистка обуви, Sonntagsarbeit – работа по воскресеньям – различные синтаксические конструкции. В немецком языке здесь перекрещиваются уровень морфологии и уровень синтаксиса.

Иногда как соответствие немецкому сложному слову выступает также сложное слово в русском языке: Flugzeug – самолет, Staubsauger – пылесос, Erdbeben – землетрясение, Dampfschiff – пароход, но все это слова-термины или терминологически окрашенные слова в русском языке.

Возможность сочетания различных основ в сложном слове немецкого языка безгранична в той же мере, в какой безграничны возможности комбинаций слов в синтаксических словосочетаниях. Грамматисты считают, что теоретически формальная возможность образования сложного слова в немецком языке неограниченна: Gastwirtschaftssohn, Familienauseinandersetzung, Lehrerinnenexamen – Fremdsprachenlehrerinnenkurse; или слово-чудо-вище: die Kesselsteinverhinderungsmittelherzeugungsgesellschaft; dieses Mitdertürinshausfallen – это последнее напоминает инкорпорирующий комплекс. Но все-таки здесь существуют некоторые ограничения в плане семантики, как например в: das Brigittenlächeln – улыбка, как у Бригитты; das Gefangenenauto – машина, в которой везли пленных. Без контекста непонятен смысл, в частности, данных слов, в чем и проявляются семантические ограничения.

Немецкое словосложение отличается от русского широтой своего действия, поскольку это явление затрагивает различные части речи в немецком языке. Известно, например, что словосложение представлено в немецком языке не только в системе имени существительного, но в системе глагола, имени прилагательного.

Большому числу разных по морфологической структуре немецких сложных прилагательных с суффиксом –ig, реже с –lich, –isch типа breitschultrig, grauäugig, dreitägig, spitznäsiger, leichtsinnig и других в русском языке соответствуют те же самые сложные прилагательные. Сходство русского и немецкого сложного прилагательного выражается и в том, что они аналогичным образом связаны с соответствующим синтаксическим сочетанием, ср.: grauäugig = graue Augen, сероглазый = серые глаза.

Однако, и в системе прилагательного в немецком языке мы можем наблюдать большее разнообразие структурных моделей сложного прилагательного, большее разнообразие семантических отношений, выражаемых ими. Так, в русском языке значительно слабее представлены сложные прилагательные, выражающие отношения сравнения или усиления: kreideweiß, mäuschenstill, bleischwer, todunglücklich и другие. Уже это обстоятельство говорит о широкой сфере действия немецкого словосложения.

В русском языке те же значения выражаются посредством синтаксических словосочетаний, содержащих сравнение: белый, как мел; либо путем повторения слов: тяжелый-претяжелый, либо префиксально-суффиксальным способом: несчастный, тяжёлый, белешенький; сочетание суффиксального способа и повтора представлено в русском соответствии немецкому прилагательному mutterseelenallein – один –одинешенек.

Чтобы наглядно представить себе всю значимость словосложения для различных сторон лексического и грамматического строя немецкого языка в сопоставлении со степенью развития того же явления в русском языке, целесообразно рассмотреть сравнительный подсчет количества сложных существительных одного и того же текста, написанного на русском и на немецком языках, количество сложных слов в оригинале и его переводе.

При таком подсчете выявилось, что на первых десяти страницах «Анны Карениной» встретилось всего три сложных существительных». Это «домочадцы, пишеварение, родоначалник». В немецком же переводе наблюдается 77 случаев употребления сложных существительных. На пяти взятых наугад страницах «Руководства по общей хи-

ругии» Э.Лексера встретилось 51 сложное существительное (не считая повторения), тогда как в переводе их не встретилось вообще.

О различных тенденциях в словообразовании свидетельствует и так называемый метод индексации, введенный Дж.Гринбергом. Так, в германских языках индекс префиксации довольно низок: в английском языке 0,03 (на сто слов только три слова с префиксами), в немецком – 0,07, в исландском – 0,01. Уровень деривации: наибольший индекс (-0, 29-) – в немецком языке, наименьший (-0,17-) – в английском, в исландском – 0, 23. Во всех германских языках очень высок индекс словосложения: в немецком языке он близок к единице [[Гринберг 1963: 60-90](#)].

Е.С.Кубрякова исследовала удельный вес каждого из приемов словообразования в германских языках. При этом она пользовалась следующей методикой: из сплошной выборки 1000 слов из словаря выделялись три группы:

- 1) префиксальные слова: 158 (немецкий язык), 158 (английский язык), 90 (шведский язык);
- 2) суффиксальные слова: 234 (немецкий язык), 337 (английский язык), 260 (шведский язык);
- 3) сложные слова: 366 (немецкий язык), 274 (английский язык), 480 (шведский язык); остальные до 1000 – прочие средства.

Итак, подведем итоги.

1) Типологическое сходство сравниваемых языков в подсистеме словообразования заключается в наличии общих способов словообразования и общих словообразующих моделей, что является результатом генетического родства немецкого и русского языков, унаследованного из древних индоевропейских языков.

2) Типологические расхождения немецкого и русского языков касаются степени продуктивности и интенсивности употребительности того или иного словообразовательного способа и места этого способа в общей подсистеме словообразования: в русском языке ведущий способ – аффиксация, в немецком языке – словосложение.

Количественные методы анализа подтверждают изложенные выводы.

Введение в типологию морфологического уровня

1. Общие типологические признаки сходства и различия в системе словоизменения немецкого и русского языков.
2. Система частей речи.

Общие типологические признаки сходства и различия в системе словоизменения немецкого и русского языков

Морфологический уровень языка рассматривает структуру слова, формы словоизменения, а также отнесение слов к определенным частям речи. Под формами словоизменения понимаются способы образования различных форм одного и того же слова, например, форма единственного и множественного числа имени существительного, прилагательного, падежные формы имени существительного и прилагательного, личные формы глагола, формы наклонения и залога глагола и т.п.

В морфологическом строе сосредоточиваются наиболее ярко выраженные особенности каждого данного языка. Сравним, например, способы образования падежных форм имени, личных форм глагола. И немецкий, и русский языки пользуются флексиями при образовании этих словоформ, т.е. в системе словоизменения обоих языков более или ме-

нее ярко проявляется флективность. Флективность системы словоизменения – это то общее, что характеризует немецкий и русский языки на морфологическом уровне.

Но флективность немецкого языка не равна флективности русского языка; здесь имеются и существенные различия. Сравним склонение существительных: день, дня, дню, день, днем – четкое формальное отличие каждого падежа; Tag, Tages, Tag, Tage – функции формального выражения числа и падежа берет на себя другое слово, а это является признаком аналитических языков.

Следовательно, особенности немецкого языка в этом плане состоят в том, что он пользуется аналитическими средствами при выражении категорий имени существительного, а сами эти аналитические средства (артикли) образуются с довольно широким применением флексии. Следовательно, мы отмечаем наличие в группе существительного аналитических тенденций.

Сравним образование аналитических личных форм глагола: ich habe / du hast gemacht – аналитические средства (вспомогательные глаголы) сами образуются также с довольно широким применением флексии. В русском языке в группе глагола также есть аналитические формы: сложное будущее, сослагательное наклонение, одна форма страдательного залога, повелительного наклонения: и здесь вспомогательные глаголы – аналитические средства – образуются также с широким применением флексии. В группе существительного в русском языке аналитических форм нет; своеобразные аналитические формы в группе существительного и являются особенностью флективности немецкого языка по сравнению с флективностью русского языка.

Кроме того, для немецкого языка характерно наличие особого вида флексии, которой нет ни в английском, ни в русском языке; нейтральная, слабо выразительная флексия, которая не может дать четкую морфологическую характеристику слову. Эта флексия имеется в системе слабого склонения прилагательных. Кроме того, для немецкого языка характерно широкое применение нулевой флексии, значительно шире, чем в русском языке (ср. парадигму склонения Tag и «день»).

Следовательно, для немецкого языка характерно широкое распространение морфологической омонимии в отличие от русского языка: нулевая флексия характеризует три различных падежа, три различные формы слова Tag; в русском языке – лишь одну – « день» – именительный падеж единственного числа. Нулевая флексия характеризует все словоформы в парадигме женского склонения немецкого языка, т.е. одна и та же форма выражает четыре различных значения; в русском языке этого нет. Слабая флексия –en во множественном числе имени прилагательного также характеризует все словоформы в немецком языке, что невозможно в русском языке.

Флективность немецкого и русского языков обуславливает наличие в них явлений грамматического плеоназма, иными словами избыточной характеристики (Ubercharakterisierung). Он свойствен немецкому и русскому языку при выражении различных значений и грамматических категорий. Ср. Wir sprechen, мы говорим, но англ.: we speak. В немецком и русском языке грамматическое значение множественного числа выражается и синтетически, и аналитически, в английском языке – только аналитически; но « снег белый » – мужской род выражен дважды; немецкому языку такой плеоназм неизвестен, так как предикативное прилагательное в нем не изменяется. Здесь немецкий язык ближе английскому: the snow is white, а русский – французскому и итальянскому: la neve e bianca, la stanza e chiara, но il burro e scuro.

Приведенные примеры свидетельствуют еще раз о том, что мы получаем относительные типологические признаки сходства и различия между сравниваемыми языками. Тем не менее, сравнивая немецкий язык с русским, мы подчеркиваем, что в русском языке грамматический плеоназм представлен шире, чем в немецком; сравним: черненький котенок, а также следующее предложение:

Немецкий язык 1. Die tapferen römischen Soldaten rücken vor
Русский язык 2. Смелые римские солдаты наступают

Английский язык 3. The courageous Roman soldiers come forward

Анализ грамматического плеоназма при выражении множественного числа дает следующую картину: 1. AF + F; 2. F + F + F + F ; 3. O + O + O + F + O. Из сравнения видно, что аналитические языки не имеют грамматического плеоназма.

Система частей речи

Основу морфологического строя каждого языка образуют части речи с их грамматическими категориями. Система частей речи в немецком и русском языках в основном совпадает. Однако, имеются и определенные отличия как по общему составу частей речи, так и по их специфике. Следует отметить, что сама проблема частей речи в лингвистике в значительной мере не разработана.

Наиболее существенные различия можно суммировать следующим образом.

1. В русском языке есть особая часть речи – глагольная форма: деепричастие. Соответствующей глагольной формы в немецком языке нет, следовательно, в системе частей речи обоих языков наблюдается частичная асимметрия. Деепричастие – относительно молодая часть речи. Оно обозначает действие как признак другого действия, выраженного сказуемым. В немецком языке есть термин “ Adverbialpartizip “. В.В. Виноградов определял причастие как наречно-глагольную гибридную категорию [Виноградов 1986: 319].

Русское деепричастие многозначно и имеет много форм: 1) *крича, читая* (несовершенный вид); 2) *прочтя* (совершенный вид); 3) *читав* (несовершенный вид); 4) *прочитав* (совершенный вид). *Он читал, развалившись в кресле* (одновременность действия). *Он читал, пообедав* (предшествование действия). *Он вышел, хлопнув дверью* (следование действия). Параллель между деепричастием русского языка и немецкой краткой формой Partizip 1 очень незначительна: такая эквивалентность возможна лишь (и то не всегда) для деепричастия несовершенного вида, выражающего одновременность действия с действием сказуемого: *Он читал сидя – Er las sitzend*.

Деепричастия в русском языке настолько распространены, что немецкий язык не может во всех случаях употреблять Partizip 1. Следовательно, мы констатируем несоответствие объема значений русского деепричастия и немецкого Partizip 1. Следует отметить также и большую продуктивность деепричастий в русском языке по сравнению с причастием первым немецкого языка. Во многих случаях русскому деепричастию соответствуют личные формы глагола.

Наряду с этим в немецком языке мы находим разные структурные формы соответствий русским деепричастиям: 1) инфинитивные обороты, 2) придаточные предложения, 3) сложносочиненные предложения, которые характеризуются функциональным родством. Из перечисленных возможных соответствий немецкого языка деепричастиям русского языка следует, что там, где в русском языке мы имеем дело с морфологической категорией, в немецком языке мы сталкиваемся с равноуровневыми средствами, в первую очередь, синтаксическими.

Следует отметить и определенные семантические ограничения на образование деепричастий и в русском языке. Так, не имеют деепричастий такие глаголы как *ждать, гнуть, тонуть*.

2. Для русского языка характерна распространенность и продуктивность так называемой «категории состояния». Категория состояния – это большая группа несклоняемо-именных и наречных слов, употребляемых в функции сказуемого с глаголом-связкой *быть* и другими вспомогательными глаголами [Виноградов 1986: 332]. Эти слова используются для обозначения состояния, приуроченного к определенному грамматическому времени: *Ему (было, стало) грустно, весело, холодно, жаль, стыдно, жарко, совестно, жутко. Он рад, он доволен. Пора. Время. Недосуг* и т.д.

В немецком языке количество таких слов очень ограничено и их семантика расплывчата: *Es ist schade; es tut mir leid; wir sind seiner eingedenk*. Исходя из общей системы немецкого языка, категории состояния русского языка соответствуют разные структуры.

3. В немецком языке особая служебная часть речи – артикль; в русском языке артикля нет. Исторически предполагается наличие артикля в русском языке; однако в современном русском языке имеются лишь реликты, расплывчатые черты артикля: *Погода-то изменилась* – следы постпозитивного артикля.

Сама дефиниция артикля как особой части речи - проблема весьма сложная. Различные ученые-германисты трактуют артикль по-разному и относят его к различным частям речи. Так например, Г. Глинц относит артикль, наряду с указательными местоимениями, неопределенными местоимениями и числительными к одной части речи – «указание на предметы» (Größenhinweise). Л.Зюттерлин относит его к частицам, наряду с наречиями, предлогами и союзами; О.И. Москальская – к категории функциональных слов с морфологической функцией наряду со вспомогательными глаголами; В.Г. Адмони – к служебным вспомогательным словам наряду с союзами, предлогами, частицами; И. Эрбен – к одной части речи наряду с указательными местоимениями; Х. Бринкманн, В. Юнг, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева рассматривают артикль как признак имени существительного. Однако Я. Пропп выделяет артикль как особую часть речи. В русском языке очень мало явлений, параллельных немецкому артиклю.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Немецкий язык обладает ограниченной флективностью в сравнении с русским языком, характеризуется особым видом распределения флективности в морфологической системе, наличием нейтральной флексии, широким распространением морфологической омонимии и употребительностью специфичных флективно-аналитических форм.

Оба языка характеризуются грамматическим плеоназмом структур, использующимся в условиях развития аналитизма.

Слово в немецком языке, благодаря вышеотмеченным морфологическим особенностям, характеризуется ограниченной самостоятельностью и опирается в своем функционировании и оформлении на синтаксические средства: словосочетания, порядок слов. В русском языке богатство и разнообразие синтетических средств ведет к синтаксической самостоятельности слова в предложении, что связано с большей гибкостью и свободой в построении предложения.

Значительные сходства системы частей речи не исключают некоторые важные общие различия: а) в немецком языке нет деепричастия, значительно менее развита «категория состояния»; б) в русском языке нет артикля как особой части речи – выразителя грамматических категорий имени существительного.

Типология имени существительного в немецком и русском языках

1. Общая характеристика имени существительного в сравниваемых языках.
2. Грамматическая категория рода в русском и немецком языках.
3. Грамматическая категория числа в сравниваемых языках.
4. Грамматическая категория падежа в русском и немецком языках.
5. Категория определенности/неопределенности в немецком языке и ее соответствия в русском.
6. Выводы

Общая характеристика имени существительного в сравниваемых языках

В сравниваемых языках категория имени существительного представляет собой самую распространенную часть речи и обладает большим количеством типологических признаков сходства. Обозначая предметность, существительные обладают независимыми категориями рода, числа, падежа и выступают в предложении в функции подлежащего, предикатива, дополнения и некоторых других.

Понятие предметности довольно обширно: оно включает обозначения предметов, названия людей, живых существ, отвлеченных признаков, свойств, состояний и пр. В соответствии с тем, какой денотат обозначается именем, различают его лексико-грамматические разряды: имена нарицательные, собственные, абстрактные, конкретные, собирательные, вещественные и др. Значение предметности получает выражение в грамматических категориях рода, числа и падежа, поскольку в онтологии предметы могут мыслиться как относящиеся к определенному роду, находящиеся в единственном или множественном числе и состоящие в определенных отношениях к другим предметам.

В русском и немецком языках три названных категории представлены в полном объеме. Вместе с тем, германские языки, в том числе и немецкий, обладают категорией определенности/неопределенности, которая выражается через артикль. Это важное типологическое отличие от русского языка, поддерживающее близость германских языков между собой.

Грамматическая категория рода в русском и немецком языках

Категория грамматического рода сформировалась на этапе дологического мышления, поэтому во многих случаях род не мотивирован. В разных языках существительные, обозначающие один и тот же предмет, могут относиться к разным родам, ср.:

Русский язык	Немецкий язык
<i>Дом</i>	<i>Das Haus</i>
<i>Нога</i>	<i>Der Fuss</i>
<i>кровать</i>	<i>Das Bett</i>

Существительные не изменяются по родам, род – это их классифицирующий признак. Его классифицирующий характер более всего сохранился в русском языке, где сама форма слова определяет его принадлежность к тому или иному роду. В русском и немецком языках род служит основанием для определения типа склонения существительного, а в немецком языке и для выбора формы множественного числа. Все это свидетельствует о важных грамматических функциях рода в этих языках, поддерживающих категорию рода несмотря на ее немотивированность.

А. Мейе предполагает, что развитие категории рода происходило через разграничение существительных, обозначающих одушевленные и неодушевленные предметы. Он приводит такую схему:

Род	Одушевленные	Мужской
	Неодушевленные	Женский
		Средний

Л. Ельмслев считает, что в дальнейшем развитие категории рода могло пойти двумя путями:

1. Путем упрощения и распределения существительных среднего рода на две категории (мужского и женского рода). Так произошло во французском и, по его мнению, в английском языках.

2. Другой путь – мотивация, в результате которой существительные мужского и женского рода выделили из своего состава те, которые обозначали неодушевленные предметы. О расчленении внутри категории рода свидетельствуют некоторые явления в славянских языках. В чешском языке существительные, обозначающие больших животных, считаются одушевленными, а существительные, обозначающие маленьких птиц, насекомых – неодушевленными. В немецком и английском языках по отношению к животным задается вопрос «Что?» [Ельмслев 1972: 132-135].

В настоящее время формы рода имеют формально-грамматический характер за исключением существительных, обозначающих людей. В названиях животных о естественном роде говорят при необходимости подчеркнуть дифференциацию, ср.: нем. *Der Hahn, die Henne*. В русском языке в этих случаях используются слова от разных корней: *петух – курица, конь – лошадь*. В обоих языках есть слова, обозначающие вид животного без указания на его пол. В немецком языке эти существительные среднего рода: *das Schaf, das Pferd, das Kamel*. В русском языке нет названий животных среднего рода за исключением некоторых терминов: *млекопитающее, насекомое*. В таких случаях происходит грамматикализация рода, которая в немецком языке идет активнее. В немецком языке даже названия лиц могут быть среднего рода: *das Mädchen, das Weib*. Лица мужского пола могут обозначаться существительными женского рода: *die Wache, die Ordonanz*.

В развитии категории рода в сравниваемых языках наблюдаются похожие и различные тенденции, которые можно проследить на материале новых заимствований. В русском языке род заимствованных существительных в большинстве случаев определяется по их форме. Существительные типа *холдинг, альянс, фитнес*, совпадающие по форме с исконно русскими или уже ассимилированными в языке существительными мужского рода, принимают эту грамматическую форму. Проблемным является определение грамматического рода существительных, форма которых отличается от типичных русских существительных. Как, например, определить грамматический род слова *джакузи*? По свидетельству Е.А. Земской в одной русской эмигрантской семье это слово, ввиду его полной несовместимости с грамматической системой русского существительного, заменялось словом *кадка*. Нельзя сказать, что это лучший вариант обхождения с языком. На наш взгляд, род слова *джакузи* следует определять по его соотнесенности с синонимичным словом *ванна*. Во всяком случае, анализ родовой принадлежности немецких заимствованных существительных, проведенный в дипломной работе Н.А. Монид, выявляет этот путь адаптации как один из возможных. По ее данным, около половины заимствованных существительных получают род, который имеют немецкие слова с подобным значением. Ср.: *die Branche = die Ebene, das Camp = das Lager, das Center = das Zentrum, die E-mail = die Post, das Internet = das Netz, das Logo = das Zeichen* и др. [Монид: 34]. Грамматический род других заимствований определяется их принадлежностью к некоторым семантическим группам. Например, средний род получают (по аналогии с немецкими субстантивированными существительными) существительные со значением процесса. Большинство из них заимствовано из английского языка и представляют собой герундивные формы с суффиксом *-ing*: *das Shopping, das Recycling, das Windserfing, das Camping, das Piercing, das Bodybuilding, das Casting*. К среднему роду относятся и существительные, обозначающие некоторые технические новинки, у которых отсутствует аналогия с немецкими словами, ср.: *das Fax, das Display, das Modem; das Know-how, das Design, das Job*. [Монид: 35-36]. Многие из приведенных слов вошли и в русский язык, но получили в нем в соответствии с их формой мужской род, ср.: *шопинг, тирсинг, бодибилдинг, факс, дисплей, модем*. Исключение составляет, пожалуй, лишь слово *ноу-хау*, которое русским языковым сознанием, возможно по аналогии с *открытием*, воспринимается как существительное среднего рода.

Женский род получают в немецком языке многие существительные со значением, имеющим отношение к компьютеру: *die Mouse, die CD-Rom, die Server, die Site, die Online, die Power, die Disc*. Некоторые из них вошли в русский язык как существительные мужского рода: *диск, сервер, сайт*. В немецком языке мужской род получают, как правило, слова со значением деятеля, ср.: *der Broker, der Dealer, der Killer, der Lover* [Монид: 37].

В русском языке иногда прибегают к аналитическому способу выражения рода. Это происходит, например, в тех случаях, когда отсутствуют корреляты женского рода к соответствующему существительному мужского рода: *Декан сказала*. Немецкий и русский языки сближает тенденция к изменению структуры рода, а именно развитию коррелятивных форм женского рода к существительным мужского рода, обозначающих лиц по профессии. В немецком языке, однако, этот процесс идет активнее, ср.: *Schriftstellerin, Kosmonautin, Dozentin, Professorin, Ärztin*.

Грамматическая категория числа в сравниваемых языках

Категории числа и падежа являются собственно грамматическими: имя существительное изменяется по числам и падежам. Важным типологическим отличием немецкого языка от русского является выражение в нем множественного числа с помощью специальных аффиксов, тогда как в русском языке оно выражается с помощью окончаний, участвующих в склонении. В германских языках число и падеж выражаются дифференцированно.

В немецком языке раздельность выражения числа и падежа наглядно прослеживается в форме дательного падежа множественно числа: *Tag-e-n*. Благодаря этому тема Pluralbildung проходит отдельно от склонения, что упрощает усвоение материала и помогает лучше почувствовать отличие немецкого языка от русского. Это различие впервые было сформулировано Л.Р. Зиндером и Т.В. Строевой в их книге «Современный немецкий язык».

Способы образования множественного числа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Способы образования множественного числа в немецком и русском языках

Способ грамматического выражения числа	Русский язык	Немецкий язык
Флексия (внешняя)	книга – книги; стол – столы	
Флексия (внутренняя)		Garten – Gärten
Агглютинация		Tag – Tage; Buch – Bücher; Tafel – Tafeln; Auto – Autos
Аналитический способ	<i>эти</i> кенгуру	das Wappen – <i>die</i> Wappen
Супплетивизм	человек – <i>люди</i>	der Mann – <i>die</i> Leute

В русском языке основным способом образования множественного числа является присоединение к основе слова внешней флексии. В редких случаях используются аналитический и супплетивный способы. В немецком языке используется комплекс средств: суффиксы, внутренняя флексия (умлаут), артикль. Средства эти используются в соотносительности друг с другом и представляют большие трудности.

В русском и немецком языках существительные характеризуются в единственном числе нулевой флексией, поскольку в других формах ей противостоит реально звучащая флексия, ср.:

Русск.	Бык- \emptyset Коров-а Животно-е
Нем.	Tag- \emptyset Tag-es Tag-e

Продуктивность моделей образования множественного числа можно проследить по заимствованным существительным. Самыми продуктивными суффиксами оказываются здесь для существительных всех трех родов –s: *der Bestseller – die Bestsellers, der Clip – die Clips, die City – die Cities, die Talkshow – die Talkshows, das Girl – die Girls, das Book – die Books*. Для существительных женского рода, заимствованных из французского языка, характерным оказывается суффикс -(e)n: *die Annonce – die Annoncen, die Boutique – die Boutiquen, die Visage – die Visagen* [Монид: 48]. В русском языке адаптация по числу происходит медленнее. Если *бестселлеры и клипы* не вызывают затруднений, то *сити* и *токиоу* пока не имеют форм множественного числа. Легкость адаптации английских заимствований в немецком языке объясняется близким родством этих языков. Более далекая генетическая связь с русским затрудняет этот процесс.

В обоих языках представлены группы существительных, выступающих либо только в единственном числе (*Singularia tantum*), либо только во множественном (*Pluralia tantum*). Однако состав этих групп не совпадает. В русском языке шире представлена группа *Pluralia tantum*, в состав которой входят, например, существительные, обозначающие парные предметы: *ножницы, брюки, ворота, сани, весы, щипцы, очки*. В немецком языке все эти существительные имеют обе формы числа, ср.: *Die Schere – die Scheren, die Hose – die Hosen, das Tor – die Tore, der Schlitten – die Schlitten, die Waage – die Waagen, die Brille – die Brillen*. В группу *Pluralia tantum* входят в немецком языке многие термины, обозначающие собирательные понятия из сферы экономики и торговли, ср.: *die Aktiva, die Devisen, die Finanzen, die Immobilien, die Lebensmittel, die Spirituosa*. Многие из названных терминов в русском языке возможны только в единственном числе, ср.: *недвижимость, валюта, спиртное*.

Сходство между языками проявляется в том, что в группу *Singularia tantum* входят имена вещественные, собирательные и абстрактные существительные, ср. соответственно: *сахар, молоко – Zucker, Milch; человечество – Menschheit; голод, любовь, смех – Hunger, Liebe, Gelächter*. Тем не менее, и здесь можно найти различия. Например, собирательные имена *содержание, информация* встречаются в немецком языке и в единственном, и во множественном числе: *der Inhalt – die Inhalte, die Information – die Informationen*. И наоборот, немецкое собирательное имя *das Wissen* употребляется только в единственном числе, тогда как в русском языке возможны обе формы: *знание – знания*.

Грамматическая категория падежа в русском и немецком языках

В системе склонения существительных немецкий язык сохранил больше сходства с русским. Сходство состоит в наличии в том и другом языке 3-х типов склонения, выделяемых на основе грамматического рода, а также в сохранении парадигмы склонения, насчитывающей в русском 6, а в немецком 4 падежа. В то же время можно установить общую тенденцию развития сравниваемых языков. Состоит эта тенденция в накоплении элементов аналитизма. Это выражается, в частности, в сокращении количества падежей. Так в русском языке еще в XIX веке различали 8 падежей. Кроме 6 сохранившихся до настоящего времени были партитивный и местный падежи, ср. соответственно: *кубометр лесу* но *красота леса; из лесу* но *из дома*. Оба этих падежа слились с родительным. В немецком языке парадигма склонения начала сокращаться раньше. Тем не менее, в древневерхне-немецком языке различали 5-ый падеж: инструменталис, а в готском еще и звательный падеж.

Другой процесс, подтверждающий развитие аналитических тенденций, состоит в усилении падежной омонимии. В немецком языке она охватывает значительное количество падежных форм, а в женском склонении все формы единственного числа. В русском языке омонимия форм наблюдается тоже, а именно в женском (третьем) склонении: *Мать*

любит дочь. Особенностью русского языка является предложный падеж, который зависит от предшествующего предлога. Он также подтверждает тенденцию к аналитизму.

В немецком языке склонение существительных характеризуется отчетливо выраженной тенденцией к унификации, которая проявляется как в системе типов склонения, так и в системе падежных форм. Полностью унифицировано женское склонение. За исключением одного падежа – именительного – унифицировано слабое склонение, которое представляет типологическую уникалию немецкого языка. Процесс унификации склонения затрагивает и сильное склонение существительных. В качестве примера приведем название реферата, сделанного студенткой на семинаре по немецкому языку как иностранному в университете г. Зигена (ФРГ) в октябре 2004 г. Реферат назывался “Geschichte des Fremdsprachenunterricht”, и никто из присутствующих (около 40 человек), в том числе и ведущий семинар проф. П.-Л. Фельцинг, не заметил отсутствие окончания в генитиве, хотя название проецировалось на экран. Этот факт можно интерпретировать таким образом, что немецкое языковое сознание привыкает к отсутствию окончания в генитиве сильного склонения. Особенно это касается, видимо, длинных слов, таких, как в приведенном названии реферата.

Уникалией русского языка является различие форм винительного падежа существительных мужского рода в зависимости от категории одушевленности, ср.: *вижу дом* но *вижу отца*. Отсюда – типичные ошибки на немецком языке: *Ich nehme ein Text* (аналогия с совпадением у неодушевленных существительных именительного и винительного падежей в русском языке).

Особую типологическую проблему составляет функционирование падежей. Самые значительные различия наблюдаются здесь в сфере родительного падежа. В русском языке этот падеж представлен как в группе существительного, так и в группе глагола, ср. соответственно: *достопримечательности города; купить молока, не любить стихов*. Тем не менее, его употребление в группе глагола имеет определенные ограничения. В приведенных примерах он либо заменяет партитивный падеж, либо употребляется с отрицанием. На этом основании А.А. Потебня отмечает тенденцию к размежеванию группы существительного и группы глагола в русском языке [Потебня 1968]. В.Г. Адмони, развивая мысль Потебни, пишет о том, что в немецком языке эта тенденция выражена сильнее [Адмони 1963: 295 и сл.].

В современном немецком языке генитив практически вытеснен из сферы глагола и употребляется почти исключительно как приименный падеж, ср.: *die Sehenswürdigkeiten der Stadt*. Приводимые во многих отечественных учебниках словосочетания типа *sich der Brille bedienen* вышли из употребления, что подтверждается блиц-опросом, проведенном П.-Л. Фельцингом в немецкоязычной студенческой аудитории. Из 40 присутствовавших на вопрос о том, употребляли ли они такое словосочетание в устной речи, положительно не ответил никто; 2-3 человека употребляли его в письменной речи. В качестве замены предлагалось более простое выражение *ich nehme die Brille*.

Генитив вытесняется и из предложного употребления. Видимо, не случайно Б. Сик назвал свою книгу об актуальных процессах в современном немецком языке “Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod”. Автор приводит таблицу новых предлогов, первоначально употреблявшихся с родительным падежом, но постепенно допускающих в свою сферу и дательный падеж. Замена на дательный происходит преимущественно в тех случаях, когда существительное употребляется без артикля или другого детерминанта. Ср.: *einschließlich Porto(s), trotz Regen(s), trotz Stau(s), wegen Mord(es) angeklagt, wegen Umbau(s) geschlossen*. Как во многих других случаях подобные изменения начинаются в диалектах. «Родиной» описанного процесса являются южнонемецкие диалекты [Sick 2004: 17 f.].

Категория определенности/неопределенности в немецком языке и ее соответствия в русском

В германских языках существительные характеризуются по определенности/неопределенности, которая выражается оппозицией определенного и неопределенного артикля. В старославянском языке существовал постпозитивный артикль, остатки которого прослеживаются в разговорных формах: *парень-то он хороший; погода-то нынче плохая выдалась*.

Артикль является аналитическим средством, принимающим на себя семантико-грамматическую характеристику имени существительного. В немецком языке артикль склоняется, то есть относится к флективно-аналитическим средствам.

В русском языке категория определенности/неопределенности передается спорадически через употребление неопределенных местоимений *какой-то, некий* или указательных местоимений *тот, этот*. Неопределенное существительное часто является ремой высказывания и ставится тогда в конец предложения. Иногда происходит транспозиция неопределенности в русской фразе: вместо неопределенного имени употребляется неопределенное наречие, ср.:

Ein Lärm entstand daneben – Где-то рядом раздался шум.

Выводы

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что типологические признаки сходства в системе русского и немецкого имени существительного явно преобладают. Это объясняется общностью происхождения языков, обусловившей аналогичность грамматических категорий. Различия касаются состава этих категорий, их внутреннего членения, средств выражения и функционирования. По мере развития языков эти различия, с одной стороны, стираются, о чем свидетельствует, например, сокращение количества падежей и рост омонимичных форм в обоих языках. С другой стороны, различия могут и усугубляться, что подтверждается, например, разной скоростью восприятия и грамматической адаптации иноязычных слов в немецком и русском языках.

Сопоставительная типология имени прилагательного в немецком и русском языках

1. Общая характеристика и структурно-семантическая классификация.
2. Грамматические категории.
3. Проблема краткой формы.
4. Типология склонения.
5. Синтаксические функции.
6. Выводы

Общая характеристика и структурно-семантическая классификация

Имя прилагательное относится в сравниваемых языках к именным частям речи и обозначает признак предмета в широком смысле слова. Ведущей характеристикой прилагательного, позволяющей ему выступать в виде самостоятельной части речи, является его общекатегориальное атрибутивное значение [ср.: Кубрякова 1977: 351]. Генетическое родство немецкого и русского языков обуславливает аналогичность его грамматических

категорий. Категории рода, числа и падежа являются в обоих языках относительными, поскольку зависят от грамматических категорий определяемого имени существительного. Специфичной для прилагательного и в том, и в другом языке является категория компаративности, различающая степень выраженности признака предмета. В обоих языках эта категория характеризует только качественные прилагательные.

Значительные типологические различия между языками наблюдаются в области формоизменения. Краткая форма немецкого прилагательного, давно утратившая флексию, совпала с однокорневым наречием. В современном немецком языке это омонимичные формы, различающиеся, однако, функционально. Краткое прилагательное выступает, как правило, в функции предикатива, наречие – в функции обстоятельства. На этом основании В.Г. Адмони настаивает на разграничении краткой формы прилагательного и наречия [Admoni 1986: 148 f.]. В русском языке краткая форма прилагательного существует, однако здесь отмечается тенденция к ее вытеснению полной формой [ср. Крушельницкая 1961: 73]. Наречие же в русском языке имеет характерный суффикс *-о*, что исключает омонимию.

Не совпадает в рассматриваемых языках и вычленение структурно-семантических классов внутри категории прилагательных. Хотя два основных класса – качественные и относительные прилагательные – представлены и в том, и в другом языке, их состав существенно различается. Особенно это касается класса относительных прилагательных. В русском языке он заметно шире по объему, поскольку русский язык обладает гораздо большими возможностями образования суффиксальных прилагательных от существительных, ср.: *поле – полевой, лето – летний, комната – комнатный*. В немецком языке класс относительных прилагательных ограничен; их функцию берут на себя первые компоненты сложных существительных. Таким образом, развитие словосложения в немецком языке компенсирует меньшую развитость аффиксального словообразования. Ср.: *Feldblume, Sommerferien, Zimmerpflanze*.

Различия в структурно-семантическом расчленении относительных прилагательных усугубляются тем, что в русском языке выделяется особый подкласс притяжательных прилагательных, образуемых от названий лиц и животных [ср. Виноградов 1986: 165-171], ср.: *папин галстук, дедов характер, волчий appetit*. Этот подкласс отсутствует в немецком языке, в котором соответствующие значения передаются генитивными сочетаниями или сложными словами. Ср.: *Papas Halstuch, Opas Charakter, Bärenhunger*. В грамматиках русского языка к притяжательным прилагательным причисляются и местоимения типа *мой, твой, свой*. С типологической точки зрения их целесообразно оставить в классе местоимений, имеющих соответствие в немецком языке.

Грамматические категории

Остановимся на онтологически присущей имени прилагательному категории градации степени качества. Типологическое сходство, состоящее в одинаковом распределении качественного признака по степени его представленности (сравнительной или превосходной), не исключает типологических различий. Основное из них касается способа выражения степени сравнения. В немецком языке это синтетический суффиксальный способ, из которого есть только одно исключение – частица *am*: *schön – schöner – am schönsten*. В русском языке степени сравнения образуются как синтетически, так и аналитически: *красив / красивый – красивее (более красивый) – красивейший (самый красивый)*.

Не столь явные различия наблюдаются в употреблении сравнительной и превосходной степеней. К.Г. Крушельницкая отмечает, что в русском языке сравнительная степень в функции определения употребляется только в аналитической форме: *более теплый день* [Крушельницкая 1963: 81]. Из этого следует, что синтетическая форма сравнительной степени в русском языке функционально соответствует краткой форме, нейтрализуя

ее по роду и числу, что, в свою очередь, является признаком аналитизма. Ср.: *он красив, она красива, они красивы – он /она /они красивее*.

Специфику сравнительной степени в немецком языке составляет ее употребление с оттенком неопределенной степени качества, что чуждо русскому языку. В зависимости от контекста она может означать и ослабленную, и более высокую степень качества [ср. Крушельницкая 1963: 82]: *ein älterer Mann – пожилой или более старый человек; eine größere Stadt – небольшой или более крупный город; längere Zeit – некоторое или более продолжительное время*.

В обоих языках превосходная степень употребляется для выражения высокой степени качества безотносительно к сравнению: *in kürzester Frist – в кратчайший срок*. Однако в современном немецком языке эта тенденция представлена более весомо. Так на материале рекламных текстов и текстов СМИ отмечены случаи подобного употребления, для которых отсутствуют эквиваленты в русском языке, ср.: *der totalste Wahnsinn, das Maximalste, die finanziell optimalste Lösung, einer seiner langjährigsten Freunde* [Sick 2004: 42 f.f.].

Проблема краткой формы

Упомянутая выше проблема краткой формы прилагательного в немецком языке дискутируется в [Admoni 1986: 148 f.f.]. В.Г. Адмони разводит краткую форму качественного прилагательного и омонимичную ей форму качественного наречия на основании различий в их потенциальной сочетаемости. Одни краткие формы ассоциируются с определением предметов, например: *groß, niedrig, alt*, другие ориентированы на определение действий или процессов: *rasch, schnell, langsam*. Тем не менее, продолжительное сосуществование омонимичных форм ведет к их функциональному совмещению в сознании носителей языка. Одним из следствий этого совмещения явилось выделение Г. Паулем предикативного определения как особого члена предложения, имеющего двойную синтаксическую зависимость. Специфика предикативного определения вытекает из неопределенности его морфологической формы, не привязывающей его к какому-то одному члену предложения. Именно поэтому предикативное определение как особый член предложения в русском языке отсутствует: здесь прилагательное должно быть определено по форме, что делает его не предикативным, а простым определением. Ср.: *Ich trinke den Kaffee warm. – Я пью кофе теплым*.

Другим следствием синкретичности краткой формы является процесс, обратный утрате флексии, а именно употребление в склоняемой форме даже таких слов, которые еще в недавнем прошлом воспринимались только как наречия. Б. Зик называет этот процесс «нелегальной адъективацией наречия» и приводит такие примеры: *eine schrittweise Zunahme des Wachstums in Richtung..., eine gebührenpflichtige Verwarnung, eine teilweise Zunahme, eine stufenweise Ausbildung* [Sick 2004: 110 f.]. В русском языке аналогами приведенных примеров будут прилагательные *пошаговый, частичный, поступенчатый*, которым не всегда соответствуют наречия, ср.: *частично*, но: **пошагово*.

Осмыслить типологическое значение проблемы краткой формы в немецком языке и ее аналогов в русском поможет обращение к ее функционированию и переводу. Посмотрим на эту проблему на материале поэтических текстов Р. Ауслендер и выполненных нами переводов.

Особую сложность в стихах Р. Ауслендер представляет перевод заголовка, особенно в тех случаях, когда в заголовок выносятся краткая форма прилагательного. Например, не удастся найти подходящего эквивалента для заголовка стихотворения *Zu kurz*, в котором речь идет о краткости момента, дня, месяца и целой жизни для того, чтобы решиться произнести *да*. Ср.:

Zu kurz

Schnee im Haar
Komm ich zu dir

Lege dir meine Worte
Zu Füßen

Du
Traurig wie ich
Weil der Tag zu kurz
Das Jahr zu kurz
Das Leben zu kurz

Um das vollkommene
JA
Zu sagen

Слишком коротко

Снег в волосах
Прихожу к тебе

К ногам кладу
свои слова

Ты
Печален как я
Ведь день такой короткий
Год такой короткий
Жизнь так коротка

Чтоб сказать
окончательно
ДА

Наглядной иллюстрацией переводческих трудностей, связанных с краткой формой прилагательного, может служить стихотворение, посвященное Сезанну. Его вторая строфа содержит прилагательное в краткой форме *unwiderruflich*, синтаксическая функция которого остается открытой: ее можно истолковать либо как постпозитивное определение, либо как предикатив. Строй русского языка вынуждает переводчика более однозначно определить смысловые отношения внутри строфы: переводческое решение склонилось в пользу сказуемости в обобщенно-личной форме. Третья строфа содержит неразличимое по форме прилагательное-существительное *Grün*, которое в переводе должно быть определено как то или другое. Переводческие трансформации ведут, как правило, к более конкретным смыслам. Ср.:

Cézanne

*Bei ihm lernten
Felsen und Bäume
durchsichtig sein*

*Hugel
aus Äther
unwiderruflich*

*Grüne Essenz
Grün
in blauer Haut*

*Der Umriss
die Helle innen:
Stoff ohne Schwerkraft*

Сезанн

*При нем стали
деревья и скалы
прозрачны*

*Холмы
эфирны
другого нет*

*Зеленый экстракт
Зелень
в коже синей*

*Контур
В нем свет:
силы тяжести нет*

Таким образом, вопреки известной тенденции к большей автономности слова в русском языке [Адмони 1965: 22-24] в поэзии Розы Ауслендер слово, благодаря краткой форме прилагательного-наречия, оказывается в синтаксическом смысле более свободным, чем в соответствующих русских переводах. В этом видится не только яркое подтвер-

ждение индивидуального стиля поэтессы, но и свидетельство типологического расхождения языковых систем.

Типология склонения

Совсем по-иному обстоит дело с полной формой немецкого прилагательного, которое функционирует в полном соответствии и закономерностями закреплённо-напряжённого строя языка. Это проявляется в том, что полное прилагательное входит в состав предложения через посредство синтаксической группы, ядром которой является существительное. В связи с этим В.Г. Адмони обосновывает тенденцию к монофлексии в группе существительного и характеризует прилагательное как морфологически переменный класс слов [Admoni 1986: 143]. В русском языке склонение прилагательных автономно, то есть не зависит от их вхождения в группу существительного. Это не означает, однако, что прилагательное автономно как класс слов, поскольку функционально оно связано с существительными и, как было показано выше, своей формой подчас ярче обнаруживает функциональную зависимость, чем это происходит в немецком языке.

Автономность склонения прилагательных в русском языке можно рассматривать как признак его унификации. Полные прилагательные склоняются по местоименному типу, ср.: *такой красивый лес, такому новому дому*. Различия обусловлены фонетическими закономерностями и зависят от твердости или мягкости согласного, к которому присоединяется окончание, ср.: *красный – синий*. Краткие прилагательные утратили склонение и изменяются только по родам и числам: *он здоров, она здорова, они здоровы*. На более ранних ступенях развития русского языка эти формы склонялись по именному типу, о чем свидетельствуют некоторые реликтовые формы, ср.: *среди бела дня, на босу ногу, по добру по здорову*.

Современный немецкий язык сохранил именное склонение прилагательных наряду с местоименным, что и обуславливает переменный характер морфологии прилагательного. Прилагательное последовательно подчиняется тенденции к монофлексии, принимая местоименное окончание там, где оно отсутствует у существительного или сопровождающего его слова, и именное (нейтральное) окончание во всех остальных случаях, ср.: *roter Wein, hartes Brot, warme Milch – der neue Computer, das gelbe Bleistift, die silberne Kugel*. Особую сложность представляет употребление именной группы в родительном падеже, где детерминант существительного и прилагательное имеют разные окончания, ср.: *Im Herbst dieses merkwürdigen Jahres*. Не случайно в современном языке наблюдается тенденция к морфологическому выравниванию форм местоимения и прилагательного, которая распространяется и на сочетания местоимение + существительное. Б. Зик сетует на частотность «неправильных» форм *diesen Jahres* [Sick 2004: 90 f.f.].

Реализуемое таким образом в рамках монофлексии упрощение склонения наводит на мысль о том, что сама монофлексия является лишь частным случаем более общей тенденции к унификации словоизменения в немецком языке. Крайним выражением этой тенденции можно считать потерю флексии краткой формой прилагательного. Эта тенденция охватывает и синтетический русский язык, в котором краткое прилагательное уже в значительной мере тоже утратило флексию.

Синтаксические функции

Функционирование имени прилагательного имеет в обоих языках много сходных черт. Совпадает, например, употребление полной формы прилагательных в качестве препозитивного определения. Различия проявляются в функционировании краткой формы. В обоих языках она может употребляться в качестве предикатива, но в немецком языке она в этом случае стилистически нейтральна, а в русском языке получает семантический отте-

нок сиюминутности описываемого состояния. Ср.: *Sie ist lustig (jetzt und überhaupt)* – Она весела (сейчас, а вообще она невеселая).

Краткая форма прилагательного более употребительна в немецком языке, чем в русском. Она выступает в функциях обособленного и предикативного определений. В русском языке в первом случае употребляются полные прилагательные, а вторая функция вообще не реализуется. Ср.: (1) *Die Blumen, frisch und schön, freuten das Auge.* – Цветы, свежие и красивые, радовали глаз. (2) *Er kam müde nach Hause.* – Он пришел домой усталым.

Выводы

Резюмируя сопоставительную характеристику прилагательных в немецком и русском языках, отметим, что в этой категории наблюдаются значительные различия формального плана, которые обуславливают ее функционирование, не совпадающее в целом ряде случаев. Определяющими факторами функциональных расхождений можно считать, с одной стороны, развитие монофлексии в группе существительного в немецком языке, а с другой – формальное совпадение краткого прилагательного с однокорневым наречием. Тенденция к монофлексии в группе существительного делает прилагательное в атрибутивной функции морфологически переменной единицей, что составляет уникалию немецкого языка. Уникальна и краткая форма прилагательного, совпадающая с наречием. Использование этой формы в художественных текстах таит в себе широкие экспрессивные возможности. Потерю автономности склонения прилагательного и его омонимию с наречием можно рассматривать как развитие аналитических черт в морфологии немецкого языка.

Уникальные черты русских прилагательных по сравнению с немецкими состоят в их словообразовательном потенциале, в рамках которого образуются не только уменьшительные и увеличительные формы, но и многие производные (относительные) прилагательные, которым в немецком языке соответствуют первые компоненты сложных слов. В этом, а также в сохранении автономности склонения прилагательного можно видеть консервацию синтетических черт его морфологии в русском языке.

Глагол в немецком и русском языках

1. Общая характеристика.
2. Морфологические классы глаголов
3. Структурно-семантические классы.
4. Грамматическая категория времени и вида.
5. Грамматический залог.
6. Грамматическая категория наклонения.
7. Выводы

Общая характеристика

Глагол в русском и немецком языках объединяет все слова со значением действия, процесса, состояния. Он противопоставит имени существительному, образуя с ним взаимосвязанную пару. Взаимосвязь имени и глагола реализует в языке неразрывное единство философских категорий материи и движения. Как материя не мыслится без движения, так и имя в индоевропейских языках не мыслится без глагола.

Генетическое родство немецкого и русского языков обуславливает аналогичность структурно-семантических классов и грамматических категорий глаголов. Глаголы в обоих языках изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям. Переходные глаголы имеют категорию залога. Признаки сходства не исключают, тем не менее, определенных различий. Основное из них затрагивает видо-временные системы, отражающие разные

возможности восприятия категории времени в индоевропейских языках. Э. Прокош так пишет об этом: «...принцип сочетания времени и вида в греческом и санскрите показывает, вероятно, довольно точно положение в праиндоевропейском. В балтийско-славянских языках все больше и больше подчеркивался сравнительно объективный элемент – вид, тогда как в западных языках, особенно в итальянских и германских, более субъективный временной фактор развился в такой мере, что виды были значительно редуцированы, хотя позже они были восстановлены вторичными образованиями» [Прокош 1954: 150].

Отмеченная Э. Прокошем тенденция в развитии индоевропейских языков позволила Г. фон Вригту выделить «две точки зрения, с которых логик изучает время» [Вригт 1986: 513-538]: первая учитывает порядок событий, следующих друг за другом на оси времени, вторая сосредоточена на природе временной субстанции.

В немецкой темпоральной системе, включающей предшествующие времена, воплощается первая точка зрения, которая представлена в метафорических образах прямо-направленного движения, пути. Эта точка зрения реализуется и в других индоевропейских языках. К.Г. Красухин отмечает, что предикат «двигаться, идти» – один из наиболее частых при темпоральных именах [Красухин 1977: 74]. Ср.: *Die Zeit vergeht (wie im Fluge), время проходит, пролетает, течет*. Тем не менее, другие факты свидетельствуют о размежевании восприятия времени в немецком и русском языковом сознании. Так глагол «приходить» приобрел функцию вспомогательного в некоторых немецких диалектах, ср.: *er kam gelaufen*, что подтверждает линейность восприятия времени. Русское же слово *время* этимологически восходит к корню **uert-* ‘двигать, поворачивать’ (*вертеть, вращать, воровать*) [ср. Красухин 1997: 64]. Восприятие времени как циклического процесса предопределяется и метафорическим словосочетанием *круглый год*, восходящим к архаической народной системе членения года славянами [ср. Толстой 1997: 21]. Тем самым внимание концентрируется на внутренней структуре этого процесса, которая получает формальное выражение через словообразование. Например, глагольная приставка в русском языке всегда привносит идею темпоральной структуры [Кронгауз 1997: 153], представляя действие как законченное, совершенное. Ср.: *делать – сделать*.

Морфологические классы глаголов

Морфологическая характеристика глаголов в немецком и русском языках не совпадает. Различия начинаются с основных форм: в русском языке их две (инфинитив и настоящее время), а в немецком три (инфинитив, претерит и причастие II).

В русском языке спряжение глагола зависит от характера соотношения между основой настоящего времени и основой инфинитива, что определяет принадлежность глагола к тому или иному классу. Различают 5 продуктивных классов, по которым спрягаются большинство глаголов, в том числе и вновь образованные, и 17 непродуктивных классов (около 400 единиц) [Аникина 1979: 243-244]. Разбиение на классы производится, однако, по единому принципу, который можно назвать *относительным*, поскольку он учитывает характер соотношения основ. Непродуктивность класса определяется, в основном, реликтовым соотношением типа *мыть – моют*, которое не может использоваться в новообразованных глаголах. Каждый непродуктивный класс обнаруживает своего рода неправильность формообразования.

В немецком языке морфологический класс глагола определяется его принадлежностью к сильному или слабому типу спряжения. Сильные глаголы считаются непродуктивными, их число ограничено (около 150 корней), слабые являются продуктивными и служат образцами спряжения для вновь образованных глаголов. Принцип распределения глаголов по классам можно считать *абсолютным*, так как он задает определенные форманты: аблаут и отсутствие суффикса в претерите сильных глаголов и дентальный суффикс при отсутствии аблаута в претерите слабых глаголов; аблаут и сильные суффиксы в причастии II сильных глаголов и дентальный суффикс при отсутствии аблаута в причастии II.

К неправильным глаголам относятся в немецком языке три небольших группы: претерито-презентные, смешанные и собственно неправильные.

Следующие таблицы дают суммарную картину формообразования глагола в русском и немецком языках.

Таблица 4

Основные формы правильных глаголов в русском и немецком языках

	Инфинитив	Наст. время	Прош. время	Причастие
Русский	-ать, -еть, -овать, -нуть, -ить, -ти <i>думать</i> <i>болеть</i> <i>рисовать</i> <i>крикнуть</i> <i>говорить</i> <i>везти</i>	-ај, -еј, -уј, -н, мягкий согл. или шипящий: <i>думај-ут</i> <i>болеј-ут</i> <i>рисуј-ут</i> <i>крикн-ут</i> <i>говор'-ат</i> <i>вез-ут</i>		
Немецкий	Infinitiv -en: <i>arbeiten</i> <i>sprechen</i> <i>schreien</i>		Präteritum Ablaut / -te: <i>arbeitete</i> <i>sprach</i> <i>schrie</i>	Partizip II ge-(Ablaut) + en/ t: <i>gearbeitet</i> <i>gesprochen</i> <i>geschrieen</i>

Таблица 5

Неправильные глаголы в русском и немецком языках

Русский: непродуктивные глаголы	Немецкий: (unregelmäßige Verben) Präteritopräsentia, смешанные, собственно неправильные
17 классов: <i>искать – ищут</i> <i>жечь – жгут</i> <i>мыть – моют</i> <i>стать – станут</i> <i>бороться – борются</i> <i>плыть – плывут и др.</i>	<i>können, mögen, wollen, müssen, dürfen, sollen, wissen</i> <i>brennen, kennen, nennen, rennen, senden, wenden sein, werden, tun, gehen, stehen, bringen, denken</i>

Общий вывод, который напрашивается при контрастивном анализе формообразования глагола в сравниваемых языках, состоит в том, что русская система формообразования имеет более гибкий характер. Это проявляется как в самом принципе разбиения на классы, учитывающем соотношения разных основ, так и в обилии продуктивных и непродуктивных классов, многообразии формообразующих суффиксов инфинитива и окончаний основ настоящего времени. В немецком языке система формообразования глагола отличается большим единообразием. Кроме того, в ней используется индоевропейское средство – аблаут, вытесненный из формообразования русского глагола.

Структурно-семантические классы

Структурно-семантические классы разбивают глаголы по присущему им обобщенному значению, которое влияет на формирование их грамматических категорий, а через

них и синтаксических структур. Выделение категориального семантического признака глагола до сих пор является проблемным. Многие исследователи считают таким признаком процессуальность [Stepanowa/Helbig 1978; Moskalskaja 1983: 50]. Другие выдвигают на первое место в качестве главенствующего признака акциональность, которая модифицируется лексическим значением, определяя актуальное состояние предмета в объективной действительности [ср., например, Admoni 1986: 163; Фефилов 1985: 39]. Большое значение имеет при этом направленность действия на объект или его признак, на субъект или его признак [А.И. Фефилов 1985: 40]. Эти различия лежат в основе разделения глаголов на субъектные / объектные, переходные / непереходные / возвратные, личные / безличные.

Утрата глаголом акционального признака ведет к его десемантизации и переходу в разряд вспомогательных или связочных. Контаминация модально-прагматических признаков ведет к расширению семантики глагола и позволяет провести разграничение шифтерных и не-шифтерных глагольных категорий [Якобсон: 99-100].

Как было отмечено выше, структурно-семантические классы глаголов в немецком и русском языках совпадают. Различия имеют частный характер и затрагивают, в основном, объем классов и их употребительность. Рассмотрим классы по отдельности.

Полнозначные – неполнозначные глаголы

Полнозначные глаголы имеют самостоятельное лексическое значение и составляют в сравниваемых языках большинство. Их характеристика дается далее по отдельным структурно-семантическим группам. К неполнозначным глаголам, утратившим по разным причинам самостоятельное лексическое значение, относятся вспомогательные, связочные, модальные, фазисные и функциональные [Абрамов 1999: 222]. Сравнительная характеристика неполнозначных глаголов в немецком и русском языках выявляет неоднозначную картину (ср. таблицы 6, 7).

Таблица 6

Вспомогательные, связочные и модальные глаголы

	Вспомогательные	Связки	Модальные
Русский	<i>быть</i>	<i>быть, являться бывать, оказываться слыть, казаться стать, делаться</i>	<i>долженствовать хотеть мочь</i>
Немецкий	Hilfsverben <i>haben sein werden</i>	Kopulaverben <i>sein werden bleiben scheinen heißen</i>	Modalverben <i>können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen lassen</i>

Таблица 7

Фазисные и функциональные глаголы

	Фазисные	Функциональные
Русский	<i>Начать / начинать Стать (он стал читать) Кончать / кончить Продолжать / продолжить</i>	<i>Приходить (в упадок) Встретить (понимание) Найти (выражение)</i>
Немецкий	<i>Beginnen / anfangen Aufhören fortfahren</i>	<i>Zum Ausdruck bringen In Frage kommen Sich in Bewegung setzen</i>

Данные таблиц 6 и 7 можно проинтерпретировать следующим образом. Большая аналитичность немецкого языка обуславливает количественное преобладание в нем вспомогательных глаголов, с помощью которых образуются аналитические временные и залоговые формы. Гибкость грамматического строя русского языка объясняет вариативность его связочных глаголов. Система модальных глаголов в немецком языке более унифицирована. Их меньшее количество в русском компенсируется синонимичными формами категории состояния *можно, нельзя, надо, нужно и др.*

Вариативность русских фазисных глаголов обусловлена наличием видовых пар. Специфическую семантику обнаруживает фазисный глагол *стать*, сочетая признаки начинательности и качественного изменения в поведении субъекта. В немецком языке аналог отсутствует, что затрудняет перевод таких, например, предложений, как: *Он стал регулярно приходить к нам.*

Что касается функциональных глаголов, образующих глагольно-именные конструкции, то их распространение в обоих языках связывается с тенденцией к именному стилю. Десемантизации подвергаются при этом такие глаголы, как *приходить /kommen, встретить /treffen, найти /finden*, которые используются в языках с разной частотностью и в разных сочетаниях. Ср.: *принести извинения, соболезнования и zum Ausdruck, zur Debatte, in Bewegung bringen*. По свидетельству В. Гладрова, системные исследования в этой области отсутствуют [Gladrow 1989: 386].

Личные – безличные глаголы

Эти структурно-семантические группы выделяются по отношению глаголов к субъекту действия. Основная масса глаголов представляет собой в обоих языках личные глаголы, которые имеют все формы лица и числа. Безличные глаголы употребляются в форме, совпадающей с формой 3-го лица ед.числа. Они обозначают действия, которые происходят как бы сами по себе, без участия действующего лица. Можно выделить две основные группы безличных глаголов:

1. глаголы, безличность которых мотивирована;
2. глаголы идиоматично безличные.

Собственно (или мотивированно) безличные глаголы обнаруживают в обоих языках сходство в семантике. Они обозначают явления метеорологии, физические состояния природы и человека. В русском языке такие глаголы употребляются в односоставных безличных предложениях, ср.: *Светает; Темнеет*. В немецком языке предложения с аналогичной семантикой являются формально двусоставными, однако подлежащим выступает в них безличное местоимение *es*. Ср.: *Es graut; Es dunkelt*. Венгерский исследователь Д. Цица называет такие случаи «симуляцией субъекта», отмечая, что в венгерском языке такой субъект может быть выражен. Возникают предложения типа “*regnet der Regen*” [Czicza 68]. Класс таких предложений в немецком языке шире. Он включает и такие выражения, которым в русском соответствуют безличные фразеологические сочетания, в которых «симулируемый» субъект выходит на поверхность. Ср.:

<i>Es regnet, es schneit. Es blitzt. Es donnert.</i>	<i>Идет дождь, идет снег. Сверкает молния. Гремит гром.</i>
--	---

Безличные глаголы, обозначающие состояния или эмоции человека, независимые от его воли, тоже употребляются в разных структурных типах предложений, в которых безличность распространяется на одушевленный объект. В русском языке эти структуры многообразнее, они не всегда безличны. В немецком языке они различаются только

наличием или отсутствием формально-безличного местоимения, что определяет порядок слов. Личное местоимение в косвенном падеже обозначает объект, который охватывается обезличенным действием. Ср.:

<i>Mich hungert. / Es hungert mich.</i> <i>Mich durstet. / Es durstet mich.</i> <i>Mich schläfert. / Es schläfert mich.</i> <i>Mich ekelt. / Es ekelt mich.</i>	<i>Я голоден.</i> <i>Я хочу пить.</i> <i>Меня клонит ко сну.</i> <i>Меня тошнит.</i>
--	---

Признаком межъязыкового сходства является использование личных глаголов в безличном употреблении. Эти случаи показательны для типологии языков и близки к идиоматике. В русском языке такие случаи встречаются чаще, ср.:

<i>Es atmet sich leicht hier.</i>	<i>Он дышит легко. – Здесь легко дышится.</i> <i>Цветы запахло. – Запахло цветами.</i> <i>Снег замел улицы. – Снегом замело улицы.</i> <i>Лодка прибилась к берегу. – Лодку прибило к берегу.</i>
-----------------------------------	--

Идиоматично безличные глаголы десемантизированы. В каждом языке они употребляются в специфических выражениях, составляющих фразеологический код этого языка. Ср.:

<i>Worum handelt es sich?</i> <i>Wie steht es mit...?</i> <i>Es gibt...</i>	<i>О чем идет речь?</i> <i>Как обстоят дела?</i> <i>Есть много книг.</i>
---	--

Субъектные и объектные, переходные и непереходные глаголы

По мнению некоторых ученых, противопоставление глаголов по семантическим признакам «действие – процесс» имеет универсальный различительный характер и влияет на формирование структур внутри одного языка и типологических межъязыковых особенностей [Welke 2002: 165]. Эта оппозиция позволяет, в частности, семантически противопоставить переходные и непереходные глаголы.

Описывая семантику переходности, А. Вежицкая считает, что прототипический объект переходного глагола является «бессловесным неодушевленным» и что прототипические переходные глаголы—это глаголы физического действия, такие как *ломать*, *рубить*, *строить*, *открывать*. Прототипический переходный сценарий, по ее мнению, «отмечает намеренное действие человека, в течение которого человек контролирует «бессловесные объекты» и воздействует на них: рубит дерево, ломает ветку, разводит огонь, жарит мясо, строит убежище и т.д. Действия подобного рода настолько существенны для выживания людей, что едва ли удивительно, что основной сценарий, разыгрываемый в них, закодирован практически повсеместно в грамматике человеческих языков» [Вежицкая 1999: 69]. Русский и немецкий языки не составляют исключения.

Тем не менее, в немецком языке наблюдается более высокая степень формализации. Это ведет к тому, что во многих случаях формально переходный, то есть требующий дополнения в винительном падеже, глагол на самом деле таковым не является, что подтверждает сопоставление с русским языком. Как правило, это глаголы с транзитивными приставками. Ср.: *Fragen beantworten – отвечать на вопросы*, *etw. beobachten – наблюдать за чем-либо*. Соответствующие русские глаголы причисляются к объектным: они требуют объекта в форме предложного сочетания существительного.

Непереходные глаголы обозначают ненаправленные действия субъекта, его занятость или изменения его состояния. Такие глаголы называются субъектными, ср.: *шуметь*, *дерзить*, *мигать*, *работать*, *фантазировать*, *глохнуть*, *слепнуть*. А.И. Фефилов замечает, что в некоторых случаях объектный признак, имплицированный в семантиче-

ской структуре такого глагола, эксплицируется отдельно стоящим словом, ср. *шуметь* – *производить шум* – *Lärm machen*. В немецком языке это происходит чаще, чем в русском, ср. немецкие соответствия некоторым приведенным выше русским глаголам: *taub werden*, *blind werden*, а также: *einen Rausch bekommen* – *хмельть*, *seicht werden* – *мельть*, *sauer werden* – *киснуть*, *grau werden* – *седеть*, *schwach werden* – *слабеть* [Фефилов 1985: 42-45].

К непереходным глаголам относятся и возвратные. По характеристике А. Вежбицкой, прототипический возвратный сценарий отличается от прототипического переходного сценария в нескольких отношениях: в него вовлечен человек, а не человек и объект, в него вовлечена идея «того же самого» («нечто происходит с этим же человеком») и в нем не (обязательно) предусмотрена идея намеренного действия [Вежбицкая 1999: 70]. Ср.: *он умывается*, *бреется*, *радуется* – *er wäscht sich*, *rasiert sich*, *freut sich*.

В русском языке возвратность передается синтетически с помощью частицы *–ся*, а в немецком аналитически, с помощью возвратного местоимения *sich*. Однако русская частица *–ся* является многозначной, обозначая не только возвратные действия, но и взаимные (*они целуются*). Она может обозначать имманентное свойство предмета (*собака кусается*). Все это значительно сужает класс возвратных глаголов в немецком языке по сравнению с русским. То, что в русском языке передается глаголом с частицей *–ся*, в немецком языке часто оформляется непереходным глаголом или словосочетанием, ср.: *хвастаться* – *prahlen*, *интересоваться* – *Interesse haben*, *дурачиться* – *einen Narren spielen* [Фефилов 1985: 51].

Категория времени и вида

Категория глагольного времени ориентирует действие относительно некоторой внешней точки отсчета, прежде всего, относительно момента речи, независимого от действия, или относительно другого действия. В этом смысле категория времени имеет действительный характер. Категория вида, или способа действия, не зависит от внешних условий номинации, является «внутренней» системой координат, структурирующей характер протекания действия [ср. Кронгауз 1997: 152-153].

Упомянутая выше тенденция размежевания германских и славянских языков по признаку видо-временных корреляций реализовалась постепенно в течение длительного времени. Этот сложный процесс затронул и ту, и другую группу языков. Виды были редуцированы не только в германских, но и в славянских языках, которые утратили индоевропейский аорист, сохранив двучленную оппозицию совершенного / несовершенного вида. Перестройка индоевропейского вида в древнерусском языке началась, согласно В. Климонову, с прошедшего времени вместе с исчезновением маркированной формы имперфекта и связанной с ней формы плюсквамперфекта. Следствием этого стало разделение функций первоначально синкретичных маркеров времени и вида. Постепенно функцию выражения времени принял на себя суффикс *–л–* с последующими окончаниями, а аспектуальная функция закрепилась за аффиксами основы. При этом стерлось различие между статальным значением, первоначально присущим перфекту, и акциональным значением аориста. Оба значения объединились в претерите с суффиксом *–л–*. Прошедшее время утратило маркировку вспомогательным глаголом *быти* [Климонов 2004: 200-202]. Объяснение этому процессу может быть дано через закон поэтапного вытеснения маркированности, сформулированный Т. Веннеманном в качестве диахронической максимы.

Немецкий язык полностью утратил маркировку вида как грамматической категории, однако в нем сохранились некоторые семантические признаки, которые в структуре глагола дополнительно маркируют совершенный вид. По мнению чешской исследовательницы Р. Козмовой, это происходит за счет определенных семантических перспектив: временной, пространственной, модальной и каузальной. Каждая из приведенных перспектив придает глаголу определенный семантический оттенок. Временная характеристика задает фазисность (*schlafen* – *einschlafen*), пространственная – направление движения (*steigen* –

aussteigen), модальная – интенсивность действия (*trinken – saufen*), каузальная – каузативность (*springen – sprengen*) [Kozmova 2004: 235]. Таким образом, отсутствующая в немецком языке категория вида частично восполняется словообразовательными средствами, придающими глаголу определенные *видовые оттенки*.

Другой способ частичной компенсации категории вида в немецком языке – создание видовой оппозиции между инфинитивом глагола и отглагольным существительным, обозначающим действие. Инфинитив, как правило, обозначая процесс, имеет несовершенный вид, а субстантивный дериват – совершенный. Например: *Die Versendung des Haferflockens führte zu...; Das ständige Versenden...* [Aptacy 2004: 22-25]. Языки, обладающие этой категорией, меньше нуждаются в аспектуальной характеристике имен. Так в русском языке один и тот же девербатив может иметь различные характеристики способа протекания действия. Ср.: *ход* как процесс (*крестный ход*) и как однократное действие (*ход конем*).

Типологическое сопоставление немецкой и русской видо-временных систем дает сложную картину. Шестичленной темпоральной системе немецкого языка соответствуют пять видо-временных ступеней современного русского языка. При этом распределение глагольных форм по темпоральным или видо-временным ступеням и в том, и в другом языке неравномерно.

Настоящее время выражается в немецком языке презенсом, а в русском только имперфективным презенсом, ср.: *ich lese – я читаю*. В современном немецком языке презенс является самым частотным глагольным временем. Статистические подсчеты, основанные на мангеймском корпусе письменных текстов, содержащем романы, публицистику, научную прозу и драмы, оценивают его частотность на фоне других времен в 52 % [Duden 1995: 143]. В частности, в немецком языке значительно больше, чем в русском, распространено употребление настоящего времени вместо будущего. Одну из причин этого К.Г. Крушельницкая видит в отсутствии формы настоящего времени у русских глаголов совершенного вида [Крушельницкая 1961: 113].

Для выражения **прошедшего времени** в немецком языке используется трехчленная оппозиция: претерит – префект – плюсквамперфект. Некоторые исследователи полагают при этом, что в современном языке наблюдается процесс грамматикализации перфекта, который вытесняет претерит. Особенно активно этот процесс протекает в южно-немецких диалектах [Dahl 1995: 356-f.]. В разговорном языке распространение получает так называемый «ультра-перфект», содержащий удвоение перфектной формы типа: *gesehen gehabt haben, getroffen gehabt haben*. Благодаря Интернету подобные формы проникли и в письменный язык [Sick 2004: 180]. Тем не менее, пока преждевременно говорить об изменении парадигмы.

В контрастивном плане именно ступень прошедшего времени наиболее сложна для сопоставления. В русском языке в прошедшем времени реализуется видовая оппозиция: имперфективному претериту противостоит перфективный: *я читал – я прочитал*. Наиболее близок русскому прошедшему времени немецкий претерит, поскольку он выражает наиболее общее значение – предшествование данного действия моменту речи, независимо от его отношения к другим действиям [Крушельницкая 1961: 115]. По данным грамматики серии Дуден, основанными на статистическом обследовании значительного корпуса примеров в Институте немецкого языка г. Мангейма, претерит является наиболее употребительной формой выражения прошедшего в немецком языке. Его частотность на фоне всех других времен составляет около 38 %, на долю перфекта приходятся 5,5 %, а на долю плюсквамперфекта – 3,2 % [Duden 1995: 143].

В немецком языке грамматически реализуется категория предшествования, выражаемая плюсквамперфектом и отсутствующая в русском языке. Различие между претеритом и перфектом имеет функциональный характер, поскольку зависит от сферы употребления. В русском языке видовое различие реализуется системно и перекрывает все сферы употребления прошедших времен в немецком языке.

Для выражения **будущего действия** в немецком языке представлена двучленная оппозиция футурума I и II, противопоставленных по признаку завершенности. Это противопоставление наиболее близко оппозиции простого и аналитического будущего в русском языке. Сходство состоит и в значении, поскольку в обоих языках будущее время обозначает событие, которого еще нет в действительности, которое только планируется, прогнозируется или предполагается. Из этого вытекает, что граница между временем и наклонением в сфере будущего становится расплывчатой [ср., например, Hentschel, Weydt 1994: 95]. Это обнаруживается во многих языках, в которых будущее время имеет модальный компонент значения и наоборот, модальные глаголы часто имеют футуральную ориентацию. Вспомогательные глаголы будущего времени в английском языке *will, shall* произошли от модальных глаголов. Немецкий модальный глагол *sollen* используется для выражения так называемого презумптивного будущего. Перевод подобных конструкций содержит и в русском языке модальный оттенок неизбежности действия. Ср. пример, приводимый К.Г. Крушельницкой и рекомендуемый ею вариант перевода:

Als man Wallau zum zweiten Mal eingesperrt hatte, war es seiner Frau klar, dass sie ihren Mann nicht mehr wiedersehen sollte (A. Seghers) – ...что ей не суждено больше его увидеть [Крушельницкая 1961: 126].

Функциональная сфера футурума в немецком языке перекрещивается с выражением значения предположения, релевантного либо для настоящего, либо для прошедшего времени. По мнению некоторых лингвистов, модальное значение будущих времен в немецком языке превалирует над временным. Такое употребление менее характерно для русского языка, в котором соответствующие модальные значения, как правило, передаются модальными словами. Ср.:

Er wird krank sein – Он, вероятно, болен;

Er wird das gesagt haben – Он, вероятно, сказал об этом.

В русском языке значение предположения встречается только в разговорной речи, главным образом, в вопросах. Ср.: *Вы будете здесь главный? А далеко еще будет до города?* [Крушельницкая 1961: 127]. Модальное значение будущего времени в русском языке более весомо, чем в немецком языке, представлено в эмоционально-экспрессивной сфере. Оно может быть переосмыслено, например, как эмоционально-отрицательное, ср.: *Придет он вам!* (= *Вовсе он не придет!*) В сочетании с отрицанием будущее простое обозначает невозможность действия в настоящем [Гвоздев 1955: 322]. Иллюстрируя справедливость этого утверждения, Е.М. Кубарев приводит примеры переводов русских предложений, содержащих отрицание в сочетании с простым будущим, на немецкий язык [Кубарев 2001: 18]. Переводы на немецкий язык и их обратные переводы эксплицируют модальные глаголы и слова:

<i>Плечью обуха не перешибешь</i> («Дубровский», гл. 3)	<i>Ein Beil kann man mit einer Peitschenschnur nicht durchhauen</i> (перев. А. Элиасберга)	Обратный перевод: <i>Топор нельзя перерубить кнутом.</i>
<i>Не выгонишь дьяволенка!</i> («Тихий Дон», ч.3, гл. 7)	<i>Der kleine Teufel ist nicht wegzuja-gen</i> (перев. О. Гальперн)	Обратный перевод: <i>Чертенка невозможно выгнать.</i>

Исследователи отмечают и функциональную транспозицию русского будущего времени в сферу прошедшего, где оно выражает предстоящее по отношению к другому действию в прошедшем («будущее в прошедшем»). В немецком языке в таких случаях употребляется, как правило, претерит [Крушельницкая 1961: 125].

Таким образом, сфера функционирования будущих времен в немецком и русском языках существенно различается. В русском языке она значительно шире. Рассматривая немецкий язык на фоне других европейских языков, О. Даль полагает, что он, и особенно

его нижненемецкие диалекты, вполне могут обходиться без футурума, во всяком случае, специальной маркировки отнесенности к будущему времени через глагольную категорию не требуется. Например, в русском предложении *Завтра пойдет дождь* будущее время обязательно, поскольку настоящее время у русских глаголов совершенного вида отсутствует. В немецком языке здесь возможны два варианта: *Morgen wird es regnen / Morgen regnet es*. На этом основании О. Даль относит немецкий язык к северному ареалу, в языках которого (за исключением английского) будущее время часто отсутствует [Dahl 1952: 366 f.]. Тенденция к ограниченному употреблению будущего времени поддерживается в немецком языке и тем, что сфера функционирования второго футурума чрезвычайно узка и охватывает, в основном, специальные тексты, содержащие разного рода прогнозы.

Системные межъязыковые различия темпоральных парадигм влекут за собой различия в интерпретации их семантики и функционирования. В русистике семантика и функционирование глагольных времен интерпретируется, как правило, в категориях функционально-семантических полей (ФСП). Такой подход позволяет проследить взаимосвязи собственно темпоральных категорий с аспектуальными, с одной стороны, и финитных глагольных форм с инфинитными, прежде всего, с деепричастием, с другой. «Общетемпоральное» поле включает три характерных функционально-семантических группировки: аспектуальные ФСП, ФСП временной локализованности и таксисные ФСП. Конкретные описания перечисленных ФСП предпринимаются в терминах категориальных ситуаций, позволяющих конкретизировать системно-языковые связи при актуализации глагола в высказывании [Бондарко 2003].

В германистике интерпретация семантики и функционирования глагольных времен исходит из других теоретических посылок. Отсутствие в немецком языке категории вида и отсутствие деепричастия как гибридной глагольно-наречной формы размывает членение «общетемпорального» поля в понимании А.В. Бондарко. Акценты интерпретации делаются на различении таких категорий как «время действия» (*Ereigniszeit oder Faktzeit*), «время произнесения или восприятия (читающим или слушающим – О.К.)» (*Sprechzeit*) и «время рассмотрения» (в исторической перспективе – О.К.) (*Betrachtzeit*). Таким образом, признается двойная релятивация действия или события во времени, то есть двойная дейкτικότητα: во-первых, по отношению ко времени произнесения или восприятия и, во-вторых, по отношению ко времени возможного рассмотрения, которое обозначается наречиями или конкретными датами [GDS: 1690 f.f.].

Сопоставление подходов показывает, что в германистике интерпретация происходит, в основном, в рамках ФСП временной локализованности, хотя этот термин и не употребляется. Грамматические времена определяют локализованность действия или события на временной оси относительно говорящего. Немецкая темпоральная система позволяет и углублять временную перспективу при выражении предшествования. При этом возникают отношения независимого таксиса, реализуемого в сложносочиненном, темпоральном сложноподчиненном предложении или в цепочке предложений. Ср. выражение временной последовательности действий:

Rieger hatte unbegrenzte Vollmacht zur Zwangsaushebung erhalten, und unter seinem Kommando kam es während des Jahres 1757 zu drei groß angelegten Menschenjagden (R. Safranski, 17);

Seitdem das Theaterwesen sich emanzipiert hatte..., waren überall die Theaterphilosophen...an der Arbeit (R. Safranski, 187).

В русских соответствиях приведенных примеров таксисные отношения временной последовательности сохраняются, хотя допустима, особенно во втором примере, их интерпретация как отношений совмещения во времени, поскольку в русском языке отсутствуют специальные показатели предшествования. Ср.:

С тех пор как театральное дело эмансипировалось..., за работу принялись театральные философы (перевод наш – О.К.).

Зависимый таксис, выражающий сопутствующие временные обстоятельства, имеет в немецком языке ограниченное применение в связи с невысокой частотностью причастных оборотов в самостоятельном употреблении.

Особого внимания в плане сопоставления подходов заслуживает, на наш взгляд, понятие *Betrachtzeit*. В нашем понимании наличие специальных показателей этого времени в высказывании может свидетельствовать о релятивации двоякого рода. С одной стороны, это может быть указание на время рассмотрения в конкретной исторической перспективе, обозначенной датой или наречием, релевантной для определения истинности высказывания. Авторы трехтомной «Грамматики немецкого языка» приводят для иллюстрации этого понятия пример *1812 ist Napoleon Herrscher über fast ganz Europa*. Время рассмотрения обозначено здесь датой 1812, совпадающей со временем события и предшествующей моменту речи [GDS: 1691].

С другой стороны, на наш взгляд, время рассмотрения может быть сигналом обобщения, снятия конкретности, что может осуществляться наречиями типа *gewöhnlich*, обобщенными субъектами типа *man*, *die Leute*. И в том, и в другом случаях понятие времени рассмотрения оказывается продуктивным для разграничения действий, локализованных и нелокализованных в времени, которое предлагает проводить А.В. Бондарко на русских глаголах [Бондарко 2003: 210-216]. Различия основных типов временной локализованности (конкретных и неконкретных действий) и временной нелокализованности (простой повторяемости, узуальности и временной обобщенности) реализуются в русском языке за счет видовых оттенков и средствами контекста [там же и далее]. В немецком языке различение этих смысловых оттенков происходит за счет лексического наполнения высказывания и контекста и категориально обобщается понятием «время рассмотрения». Приведем один пример:

Im Hausgang begegnete er wieder Mina. Sie strich ihm im Vorbeigehen über den Kopf. Das tat sie sonst nicht (M. Walser, 41).

Выделенное наречие изменяет время рассмотрения действия последнего предложения относительно первых двух. В первых двух предложениях время рассмотрения совпадает с фактическим временем совершения действия и локализуется как прошедшее относительно времени говорения. В последнем предложении наречие *sonst* придает высказыванию обобщающий характер, следствием чего оказывается гораздо более глубокая временная перспектива, охватывающая многочисленные встречи с Миной, при которых она не гладила мальчика по голове. При этом конкретной локализации во времени последнее предложение не имеет.

Категория залога

Категория залога рассматривается в современных грамматических теориях как частный случай диатезы. Основываясь на модели А.А. Холодовича – В.С. Храковского, Р. Леч пишет: «Как пассивная рассматривается любая предикативная или атрибутивная конструкция, диатезная структура которой исключает соответствие подлежащего или главного члена определительного сочетания (на синтаксическом уровне) агенсу (носителю / производителю действия, субъекту) на семантическом уровне» [Леч 1991: 181]. При этом изменение логико-прагматической последовательности аргументов считается признаком архетипического (личного) пассива, который автор, как и многие другие исследователи, относит к прототипическому, или образцовому [ср., например, Шубик 1989: 5]. В непрототипических пассивных конструкциях происходит изменение перспективы с позиции не агенса, а пациенса. Последний становится семантически носителем события, выполняя функцию первого аргумента [ср.: Welke 2002: 268]. Ср.: *Man zerbricht die Vase – Die Vase zerbricht*.

Типологизация пассивных конструкций производится исследователями по-разному. К. Вельке, рассматривая диатезу как обмен семантическими ролями аргументов, приходит к заключению о неадекватности этой концепции и расширяет ее, вводя понятие пер-

спективации событий [Welke 2002: 164]. Он считает, что ролевая конверсия идет рука об руку с переосмыслением значения действия в значение процесса. Именно это объясняет, по его мнению, с которым трудно не согласиться, невозможность конверсии безличного пассива [Welke 2002: 260]. С.А. Шубик рассматривает безличный пассив как особый залог, который он называет *тотивом*, имея в виду, что семантика глагола в таких конструкциях характеризуется суммарностью, структурной нерасчлененностью [Шубик 1989: 50-51]. Тем самым автор фактически отмечает изменение семантики глагола в безличных пассивных конструкциях. Развивая эту мысль со своих позиций, К. Вельке, приходит к выводу о том, что при пассивизации конверсия затрагивает ингерентную семантику глагола [Welke 2002: 260].

А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова выстраивают несколько иную типологию пассивных конструкций в немецком языке. Авторы исходят из двух моментов их систематизации: *субъектности и агентивности*. Наиболее частотной является субъектная безагентивная конструкция, соответствующая двучленному пассиву типа *Der Hund wird geschlagen* [Зеленецкий, Новожилова 2003: 106]. Семантику бессубъектных пассивных конструкций авторы определяют как комплексную, подчеркивая их моноремность. Структурная нерасчлененность, о которой пишет С.А. Шубик, распространяется здесь на все высказывание. Ср.: *Später wurde zu Abend gegessen*. Тем не менее, исходная позиция А.Л. Зеленецкого и О.В. Новожиловой: разграничение синтаксического (субъектность) и семантического (агентивность) параметров, – позволяет им по-иному оценить безличный пассив. В самом деле, бессубъектные агентивные конструкции, как пишут авторы, «бесспорно, личные, тогда как бессубъектные безагентивные [конструкции] правильнее характеризовать как неопределенно-личные» [Зеленецкий, Новожилова 2003: 108]. Различие эксплицируется при одноязычных трансформациях и при переводе на русский язык, ср.:

Im Zimmer wird öfters von den Studenten getanzt – Im Zimmer tanzen öfters Studenten – В комнате часто танцуют студенты; Im Zimmer wird öfters getanzt – Im Zimmer tanzt man öfters – В комнате часто танцуют.

Контрастивный анализ пассива в немецком и русском языках выявляет различия формально-семантического и функционального планов. До недавнего времени считалось, что в немецком языке образование форм страдательного залога полностью унифицировано и происходит с помощью вспомогательного глагола *werden* и причастия II основного глагола [Крушельницкая 1961: 166]. Постепенно, однако, в пассивную парадигму немецкого языка были включены и другие формы, разрушив миф о ее унифицированности. Пассивная морфологическая парадигма интерпретируется сегодня в терминах теории поля. При этом, на наш взгляд, следует применять не сегментную, а «ростковую» модель поля, учитывающую «прорастание» все новых средств пассивизации и изменение их соотношения относительно друг друга [ср.: Köller 1983: 20-21]. При этом происходит грамматикализация некоторых глаголов с пассивным значением, которые переходят в разряд вспомогательных.

Так У. Энгель включает в пассивную парадигму кроме вспомогательного глагола *werden* такие глаголы как *sein*, *bekommen* / *erhalten* / *kriegen* и *gehören*. Расширение пассивной парадигмы влечет за собой размежевание семантических оттенков пассивных форм, которое У. Энгель описывает на основе оппозиций. Инвариантным признаком пассивности он считает ориентированность на событие, характеризуя значение всех вспомогательных глаголов как *geschehensbezogen*. Тем самым негласно признается изменение семантики пассивного глагола, поскольку не делается различия между процессом и действием, признается только их событийный характер.

Далее различие проводится по дифференциальному признаку *незавершенности и законченности* события, что выражается терминами *im Verlauf befindlich – abgeschlossen*. Эти признаки различают вспомогательные глаголы *werden* и *sein*: *Die Hütte wird gebaut – Die Hütte ist gebaut* [Engel 1996: 454-456]. Сложность структуры пассивного поля в немецком языке находит отражение в том, что незавершенный процесс может быть дополни-

тельно дифференцирован по признакам *ориентированности на лицо* или *на норму*. Введение этих признаков позволяет Энгелю различать семантику вспомогательных глаголов *bekommen / erhalten / kriegen*, с одной стороны, и глагола *gehören*, с другой. Ср.: *Sie bekommt den Brief ausgehändigt – Das gehört ihm gesagt* [Engel 1996: 457-459].

Последние примеры показывают, что в немецком языке пассивизации может подвергаться не только агенс, но и адресат. Р. Леч называет возникающие при этом конструкции косвенно-пассивными. Он относит к ним сочетание форм вспомогательного глагола *kriegen* с причастием II. Ср.: *Der Vater kriegt von dem Sohn einen Brief geschrieben* [Леч 1991: 200]. В русском языке пассивное значение сохраняет в таких случаях атрибутивное причастие, тогда как адресат этим значением не затрагивается. Ср.: *Отец получил написанное сыном письмо*. Немецкому пассиву с *gehören* соответствуют в русском языке безличные конструкции с глаголом *следует*, ср.: *Ему следует сказать об этом*. Таким образом, косвенно-пассивные конструкции не имеют прямых соответствий в русском языке.

К косвенному пассиву Р. Леч относит и безличные пассивные конструкции, также не имеющие пассивных аналогов в русском языке, ср.: *Es wird geschlafen; Es wird getanzt* [Леч 1991: 200]. И тот, и другой факты свидетельствуют о большем распространении пассива в немецком языке, что отмечается и другими исследователями [ср. Крушельницкая 1961: 169; Зеленецкий, Новожилова 2003: 104]. Среди причин межъязыковых функциональных различий К.Г. Крушельницкая в первую очередь называет большее распространение в немецком языке переходных глаголов, которые, как отмечалось выше, образуют прототипический пассив. Другие причины большей функциональной нагруженности пассива в немецком языке К.Г. Крушельницкая видит в особенностях формальной и актуальной (тема-рематической) организации предложения. В частности, пассив позволяет избежать совпадения именительного и винительного падежей или неопределенности деятеля в активных предложениях с неопределенно-личным местоимением *man* [Крушельницкая 1961: 169-171]. О большей употребительности пассива в немецком языке говорит и наличие целого ряда модально-пассивных конструкций типа: *Der Text übersetzt sich leicht (=kann leicht übersetzt werden); Der Text lässt sich leicht übersetzen; Der Text ist zu übersetzen; Der Text gehört übersetzt* [Леч 1991: 200-201].

Функциональные различия между немецким и русским пассивом охватывают, как справедливо отмечает К.Г. Крушельницкая, сферу стилистики. Ограниченность употребления пассива в русском языке делает залоговые противопоставления стилистически более значимыми. Сфера их употребления ограничена, в основном, деловой речью. В немецком языке, где стилистические различия между активными и пассивными формами не столь ярко выражены, последние употребляются не только в деловой, но также и в разговорной речи, и в художественных текстах [Крушельницкая 1961: 171].

Кроме системных пассивных форм в обоих языках существуют неканонические пассивные конструкции: сочетания функциональных глаголов с косвенными и предложными падежами существительных. Р. Леч отмечает поразительное сходство сравниваемых языков в системах таких неканонических средств. Это касается, прежде всего, семантики глаголов, переходящих в класс функциональных. К полным эквивалентам автор относит: *получать – erhalten, находить – finden, наталкиваться – stoßen (auf), терпеть – erleiden, переживать – erleben* и ряд других. В обоих языках широко представлен тип *оставаться нерешенным, без ответа – ungelöst, ohne Antwort bleiben*. Для обоих языков характерны конструкции типа *быть, являться предметом, объектом, жертвой, мишенью – Gegenstand, Objekt, Opfer, Zielscheibe sein*. Незначительные различия касаются частотности некоторых функциональных глаголов и употребления отдельных предлогов [Леч 1991: 210].

Категория наклонения

Семантическую основу категории наклонения составляет отношение действия к действительности, его оценка в плане реальности / нереальности. В индоевропейских языках наклонение является очень важной глагольной категорией, без которой немислима

полная характеристика глагола. В современных грамматиках наклонение рассматривается как прагмаграмматическая категория, поскольку отношение высказывания к действительности формируется говорящим / пишущим.

В немецком и русском языках при выражении категории наклонения проявляется много сходных черт. Совпадает состав категории, которая представлена трехчленными семантико-прагматическими оппозициями: изъявительное – повелительное – сослагательное наклонения. Различия наблюдаются в формальных парадигмах и в сфере функционирования и касаются, в основном, повелительного и сослагательного наклонений.

Повелительное наклонение, шире представленное в русском языке, составляет своего рода компенсацию слабого развития в нем сослагательного наклонения. Р. Jakobson вводит для обозначения повелительности более широкий термин «призывное наклонение», выделяя в его составе оппозицию собственно повелительного (*imperative*) и побудительного наклонений (*hortative*). В повелительном наклонении призыв к участию в каком-то действии или событии выдвигается в качестве требования, в то время как побудительная форма добавляет к этому требованию элемент увещевания. Побудительная форма выражается с помощью частицы *-ка* и имеет более разветвленную парадигму по сравнению с повелительным наклонением. Р. Jakobson описывает парадигму побудительности, включая в нее: а) отправителя речи (говорящего), б) адресата, в) и отправителя, и адресата, г) отправителя и адресатов. Ср. соответственно:

А) *напишу-ка, буду-ка писать*;

Б) *напиши-ка, пиши-ка*;

В) *напишем-ка, будем-ка писать* (или более мягкое *давай-ка писать*);

Г) *напишемте-ка, будем-ка писать* (более мягкая форма *давайте-ка писать*)

[Jakobson 1972: 105]. Подобные формы побудительности в немецком языке отсутствуют. Характерно, что они охватывают формы, принципиально невозможные и в повелительном наклонении немецкого языка, а именно обращение к самому себе в первом лице единственного числа (а) и обращение, включающее отправителя и адресатов, во втором лице множественного числа (г). Последнее в немецком языке включает только адресатов в обычной или вежливой форме: *schreibt, schreiben Sie*.

Таким образом, русское призывное наклонение богаче как по составу форм, так и по их семантике. Оно характеризуется также более широкой сферой употребления. Это касается, в частности, его употребления в бессоюзных условных предложениях русского языка, где оно приобретает повествовательную функцию. В немецком языке в этих случаях оно невозможно. Ср.: *Приди он раньше, этого не случилось бы* (*Wenn er früher gekommen wäre, wäre es nicht dazu gekommen*). Р. Jakobson считает, что в таких случаях «говорящий высказывает некоторое противоречащее фактам допущение» [Jakobson 1972: 105-106]. Подобные формы возможны и в потенциально самостоятельном предложении, выражая предположение о том, что некто принужден к действию: *Все отдыхают, а он беги* [там же: 106]. Соответствующая форма совершенного вида обозначает неожиданное действие: *Все отдыхают, а он (ни с того, ни с сего) побеги*. От глаголов несовершенного вида в таких случаях употребляется описательная форма с вспомогательным глаголом *давай*: *Все отдыхают, а он (ни с того, ни с сего) давай бежать* [там же: 106].

Расширение функциональной сферы повелительного наклонения в русском языке распространяется и на выражение вежливости.

Языковой эталон вежливости, представленный в том или ином языке, опирается на многовековую социокультурную традицию. Особенно наглядно это проявляется на материале сопоставления языковых форм вежливости в различных, порой даже близкородственных языках. Сопоставление в этом аспекте немецкого и русского языков дает богатую пищу для размышлений.

Небезынтересно сопоставление толкования слова ‘вежливый’ в указанных языках. Словарь С.И. Ожегова объясняет его как ‘соблюдающий правила приличия, учтивый’ [Ожегов 1994: 62]. В толковом словаре немецкого языка под редакцией Г. Вари-

га значение прилагательного 'höflich' толкуется шире - как 'wohlerzogen, verbindlich, takt-, rücksichtsvoll, zuvorkommend' [Wahrig 1989: 662], то есть 'хорошо воспитанный, обязательный, тактичный, учтивый, предупредительный'. Нетрудно заметить, что в языковом сознании русских вежливости отводится гораздо более скромное место, чем у немцев. На это есть свои причины.

В западноевропейских языках эталон вежливости сложился в средние века на основе рыцарской культуры, глубоко проник в языковое сознание народов, а в новое и новейшее время поддерживается развитием демократических форм общения. Основные черты вежливого эталона во многом сохранились до настоящего времени. В русском языковом сознании формы вежливости имеют другую историческую основу. Отсутствие куртуазной культуры вызвало к жизни иные формы общения людей друг с другом. Вежливость понимается скорее как нечто формальное, как этикет и может принимать отрицательные коннотации, например, в словосочетании *вежливый отказ* или при характеристике персонажей, ср.: *неприятно вежливый, холодненький, чистенький и вежливый* (М. Горький «Жизнь Клима Самгина», с. 32, 33). Недостаток вежливости восполняется в сознании русских душевностью, наличие которой извиняет и грубость, и многое другое.

Описание феномена вежливости как такового далеко выходило бы за пределы данной работы. В некоторых случаях в этой связи употребляется более узкое понятие, передаваемое выражением 'konversationelle Höflichkeit', то есть 'разговорная вежливость', под которой понимается учет при взаимодействии в разговоре желаний и потребностей партнера [Langner 1994: 28]. Наша гипотеза состоит в структурировании сферы соответствующего речевого поведения. В лингвистической литературе представлены образцы такого структурирования. Например, Н.И. Формановская приводит структуру значения обобщенных языковых единиц, употребляемых в ситуациях приветствия, прощания, знакомства, включая в нее момент речи, актантов, модальность необходимости вступить в контакт со стороны говорящего, речевое действие, его цель и желательную тональность общения [Формановская 1982: 49-52]. В работах по логике речевого общения данная сфера описывается с помощью максим вежливости, конкретизирующих принцип кооперации Грайса: 1) не будь назойлив; 2) открывай возможности выбора; и 3) будь приветлив [цит. по: Langner 1994: 29]. Первая и третья максимы создают 'желательную тональность общения', вторая конкретизирует речевое действие, задавая его модус. Однако в перечисленных максимах отсутствует языковое средство, являющееся, по определению Н.И. Формановской, «первоэлементом речевого этикета» [Формановская 1982: 47] – обращение. Таким образом, в нашей гипотезе вежливое речевое поведение структурируется через: 1) обращения; 2) модус речевого действия и 3) средства создания желательного тона общения, включая оценочные речевые действия. Попытаемся выявить соотношение этих составляющих речевого поведения в сопоставляемых языках. Основной акцент сделаем на модусе речевого действия, который связан с тем, оставляется ли партнеру возможность выбора или ему диктуются условия. Различия европейских и русского языков здесь тоже очень показательны. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные формы выражения вежливого побуждения к действию, повсеместно распространенные в современном немецком языке и гораздо меньшее количество этих форм в русском языке.

В немецком языке представлена специальная вежливая форма, которая отличается от побудительного обращения к нескольким лицам и включает в качестве обращения местоимение, совпадающее по форме с местоимением 3-го лица множественного числа, ср.: *nehmen Sie, kommen Sie*. В русском языке вежливая форма совпадает со 2 лицом множественного числа и, как правило, усиливается модальным словом *пожалуйста*, ср.: *возьмите, пожалуйста; проходите, пожалуйста*.

Различия этим не ограничиваются. В современном немецком языке для выражения вежливого побуждения, как правило, широко используется целый комплекс средств: формы сослагательного наклонения с семантикой потенциальности сочетаются с модальными глаголами со значением возможности и усиливаются почти обязательным добавлением

«волшебного слова» *пожалуйста*. Приведем в качестве примера стандартную фразу, которую (с региональным варьированием) можно услышать в Германии почти повсеместно из уст представителей самых разных слоев населения:

Könnten Sie mir bitte sagen, wo die Mozartstrasse ist?

Другими словами, вежливость воспринимается как отсутствие императивности или категоричности высказывания, которое получает модальную окраску потенциальности. Побуждение к действию имеет при этом завуалированный характер и облекается в форму вопроса. Слово *bitte* функционально приближено к модальной частице со значением вежливой просьбы. Здесь налицо языковая избыточность: формы выражения вежливости дублируются в одном высказывании трижды.

Носители русской культуры, как правило, не задумываются о том, оставляют ли они партнеру возможность выбора: вполне вежливым здесь считается употребление императивных форм в сочетании со словом *пожалуйста*:

Скажите, пожалуйста, как пройти к...?

Эти формы могут смягчаться императивными же выражениями:

будьте так добры, будьте любезны.

Однако вряд ли можно утверждать, что такие смягчающие формы распространены повсеместно. Скорее они представлены в культуре образованного и даже – еще уже – элитного слоя общества. В свою очередь в русскоязычной культурной среде вряд ли можно представить себе употребление высказывания, соответствующее приведенной выше стандартной фразе из современного немецкого языка:

* *Могли бы Вы мне пожалуйста сказать, где находится улица Моцарта?*

Сопоставление вежливых высказываний показывает, что сфера употребления повелительного наклонения в русском языке несколько шире. Как было упомянуто выше, повелительное наклонение употребляется в русском языке в некоторых других случаях, в которых в немецком языке оно не допустимо, например, вместо сослагательного наклонения для выражения долженствования или уступки. Ср.: *А он возьми да и скажи...; Не имей он друзей, совсем пропал бы; Будь он хоть семи пядей во лбу, и то не справился бы с этим.* Семантическая транспозиция русского повелительного наклонения объясняется, возможно, тем, что из всех глагольных форм в русском языке императив ближе всего к неосложненной глагольной основе и представляет собой самую общую немаркированную форму глагола. В немецком языке одна из причин ограниченного употребления императива кроется в том, что он не образует двусоставного предложения, который является здесь основным структурным типом предложения.

Значительные типологические различия наблюдаются также при сопоставлении парадигм, семантики и функционирования **сослагательного наклонения**. Парадигма временных форм немецкого конъюнктива еще более контрастирует с парадигмой русского сослагательного наклонения, чем это наблюдается при сопоставлении времен индикатива. Это объясняется двумя причинами. С одной стороны, немецкий конъюнктив не только сохраняет все шесть времен, присущих индикативу, но и «подкрепляется» двумя синонимичными формами кондиционалиса, что расширяет его парадигму до восьми форм. С другой стороны, русское сослагательное наклонение претерпевает редукцию темпоральной парадигмы сравнительно с индикативом и употребляется в одной единственной форме прошедшего времени с частицей *бы*. Временные значения создаются в русском языке только лексическим способом. Тем самым темпоральную семантику русского сослагательного наклонения можно охарактеризовать как недифференцированную, тогда как немецкий конъюнктив обладает в сфере выражения времени семантически значимыми различиями, которые связаны с его функционированием. Не останавливаясь на правилах употребления конъюнктива, которые можно найти в грамматиках немецкого языка, перейдем к типологическим различиям.

Уникалию немецкого языка относительно русского составляет употребление конъюнктива в косвенной речи. В этой связи А.Л. Зеленецкий / О.В. Новожилова развивают

введенное Р. Якобсоном понятие «категория засвидетельствованности», основным средством выражения которой является косвенная речь [Зеленецкий, Новожилова 2003: 83-88]. Категория засвидетельствованности имеет эксплицитное выражение в болгарском языке и позволяет сообщить о событии, основываясь на сообщении другого лица, снах, догадках, на собственном прошлом опыте. Эта категория позволяет выразить, что некто был свидетелем чего-либо [Якобсон 1972: 101]. На наш взгляд, семиотика косвенности предполагает нечто другое, а именно то, что чье-то мнение, переживание, оценка и под. включаются в основное высказывание по типу интертекста [Гундарева, Кострова 2005: 4]. В немецком языке этот интертекст маркируется вводящим союзом и специальным наклоном – конъюнктивом, где он не имеет значения сослагательности, а рассматривается как «сигнал релятивации» [Glinz 1994: 445]. Г. Глинц характеризует употребление конъюктива в косвенной речи как универсальную возможность релятивировать содержание пропозиции, представить его как нечто, услышанное от других, или как собственное мнение, которое к моменту произнесения высказывания могло измениться [там же]. В некоторых случаях последующий контекст содержит прямое указание на такое изменение. Ср.:

In den ersten Monaten seines Wirkens äußerte Schiller mehrmals die Auffassung, das Mannheimer Theater sei das zur Zeit beste in Deutschland. Nachdem er einigen Ärger mit den Schauspielern, dem Publikum und der Spielplangestaltung erleben musste, revidierte er sein Urteil [R. Safranski, 186].

В других случаях глагол, вводящий косвенную речь, прямо указывает на отстранение, подчеркивая демонстративность действия придаточного предложения, ср.:

Helmut zeigte ihr, dass er staune [M. Walser, 40].

В любом случае подлежащее предложения, вводящего косвенную речь, обозначает (прямо или метонимически) лицо, которому приписывается релятивация высказывания. Обозначаемое им имя выполняет функцию «опосредующего лица» [Гундарева, Кострова 2005: 64]. Ср.:

Manche Stammgäste behaupteten, dass er...den Frauen gefalle [M. Walser: 14]; ... *aber Johann glaubte, dass er dem Vater näher sei* [ebd., 41].

Это дает возможность выстраивать целые цепочки высказываний, показывая их зависимость от одной вводящей пропозиции.

В русском языке маркировка косвенности происходит, как правило, только с помощью союза, вводящего придаточное объектное, поэтому при переводе на русский язык оттенки релятивации будут утрачены. В русском языке релятивация выражается частицами *якобы, мол, де*, передавая оттенок отчужденности говорящего от содержания передаваемого высказывания другого лица. Степень отчуждения при этом, на наш взгляд, гораздо более сильная, чем в немецком языке, а употребляются эти частицы сравнительно редко, придавая высказыванию к тому же разговорный характер. В этом состоит значительное типологическое различие сравниваемых языков.

Вместе с тем, Г. Глинц отмечает как нормальное явление употребление индикатива при передаче косвенной речи, особенно если она содержит придаточное объектное, подчеркивая, что такая релятивация возможна, но вовсе не обязательна [там же: 450 f.]. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи употребления индикатива даже при бессоюзном употреблении придаточных объектных. Ср.:

Wahrscheinlich wusste sie nicht, dass Großvater das Haus gezeichnet und gebaut hatte [M. Walser, 38]; *Aber er wusste, Josef war mit dem Rad des Vaters nach Hemigkofen gefahren* [ebd., 48].

В подобных случаях происходит выравнивание нормы употребления с другими европейскими языками. Высказывание утрачивает грамматическую избыточность, которую придает ему употребление конъюктива. Особенно частотны такие высказывания в устной разговорной речи и ее моделировании в художественной прозе. Ср.:

Weißt du, dass sie krank ist? [Böll, 101]; *Kirsch, du bürgst mir dafür, dass der Zische nicht aus der Stube geht* [Noll, 263].

Проблема авторства речи особенно остро стоит в прессе, где журналисты часто прибегают к непрямому цитированию чужих мнений, недвусмысленно отмежевываясь от них, не эксплицируя собственную позицию. Важная роль отводится при этом употреблению конъюнктива. Пробный анализ немецких газетных текстов аналитического характера показал, что его основной функцией является здесь обозначение интертекстуальной косвенности. По данным Р.А. Лекомцевой, частотность конъюнктива, используемого для обозначения косвенности, в газетном стиле почти в два раза превышает его употребление в потенциально-ирреальном значении. В процентном отношении это выражается так: конъюнктив в косвенной речи составляет 63 % всех употреблений, конъюнктив в потенциально-ирреальном значении – 37 % [Лекомцева 2004: 91]. Из временных форм конъюнктива наиболее частотной является презенс [там же: 65], дающий возможность однозначно переадресовать высказывание другому лицу. Ср.:

Mietfreies Wohnen sei die beste Altersversorgung, sagte der Landesdirektor (F.A.Z., 2002:82); *Claudia sagte, Stoiber könne sich jetzt nicht „wegducken“* (F.A.Z., 2000:51).

Тем не менее, и в публицистическом стиле примерно в 22% случаев употребляется индикатив [Лекомцева 2004: 65], что можно расценивать как тенденцию к потере маркированности, которая представляет собой универсальный диахронический закон.

Выводы

Рассматривая типологию глагола в немецком и русском языках, следует признать значительные структурно-семантические и функциональные различия, существующие в рамках этой категории. Глубинная причина этих различий кроется в разном способе осмысления и языкового выражения акциональности и процессуальности в немецкой и русской лингвокультурах, что отражается, прежде всего, на категории темпоральности. В русской лингвокультуре темпоральность понимается с позиций способа протекания действия, которое категориально расценивается как завершенное или незавершенное. В немецкой лингвокультуре на передний план выходит линейность как универсальное свойство времени, в связи с чем в категории темпоральности выделяется субкатегория предшествования.

Различия в категории залога также многомерны. Русский страдательный залог семантически и функционально беднее немецкого пассива, что связано, по-видимому, с местом этой категории в общей системе глагольных категорий того и другого языка. Частично это восполняется более интенсивным развитием в русском языке категории рефлексивного залога. Общая картина залоговых противопоставлений еще ждет своего полного описания.

Категория наклонения имеет в немецком и русском языках непропорциональные парадигмы, что особенно ярко проявляется в сослагательном наклонении. В немецком языке оно принимает на себя ряд специфических функций, не свойственных этому наклонению в русском языке. Это и синкретизм темпоральных значений, и выражение косвенности высказывания. Компенсацией более слабого развития сослагательности в русской языковой системе служит более полная функциональная парадигма повелительного наклонения, которое в ряде случаев расширяется до призывного. В общем плане различия в функционировании категории наклонения, имеющей явно выраженный лингвопрагматический характер, можно объяснить спецификой этнических поведенческих стереотипов.

Введение в сравнительную типологию синтаксического уровня

1. Область формально-структурных отношений как сфера проявления специфики синтаксической типологии немецкого и русского языков.
2. Автономно-собранный и закреплено - напряженный строй предложения в индоевропейских языках. Характеристика простого предложения немецкого и русского языков в указанном аспекте.

Область формально-структурных отношений как сфера проявления специфики синтаксической типологии немецкого и русского языков

Принципы синтаксической типологии разработал в ряде своих работ академик И.И.Мещанинов. синтаксиса языка представляет собой такую подсистему (или уровень) структуры языка, которая имеет дело с единицами более сложными, чем слово. Синтаксический уровень, как и всякий другой уровень языка, располагает своим собственным составом единиц –это словосочетание и предложение.

Предложение – главная единица синтаксического строя, характеризующаяся определенной системой отношений: отношений подчинения и отношений сочинения. Кроме того предложение – это и определенная система построения, т.е. наличия целого набора моделей предложения. Обе эти системы являются очень важными типологическими признаками, которые используются для характеристики конкретных языков в сравнительной типологии.

Общие черты для русского и немецкого языков прослеживаются в семантике предложения. И в том, и в другом языке имеются личные, безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, бытийные и т.п. предложения. Черты различия обнаруживаются в области формально-структурных отношений, т.е. в том, в какой форме выражаются эти значения предложений в немецком и русском языках.

Будучи языками одной и той же языковой семьи, немецкий и русский языки располагают также в значительной степени одинаковыми средствами выражения синтаксических категорий, в том числе такими средствами синтаксической связи, как согласование, управление, примыкание, порядок слов, интонация. Различия наблюдаются в формах и степени использования сходных формальных средств выражения, в их отношении и взаимодействии.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что различия между немецким и русским языками в области синтаксиса имеют почти исключительно формально-структурный характер.

Автономно-собранный и закреплено-напряженный строй предложения в индоевропейских языках. Характеристика простого предложения немецкого и русского языков в указанном аспекте

Характеризуя перестройку структуры индоевропейского предложения, В.Г. Адмони выделяет две основные линии. Одна из них ведет к тому, что развертывание предложения происходит при сохранении автономности слова. Возникающий при этом строй предложения В.Г. Адмони называет «автономно-собранным». Другая линия состоит в радикальной переработке изначально ненапряженной структуры, которая превращается в «напряженную», «закрепленную» структуру, при потере словом его автономности [Адмони 1963: 22-25]. К языкам автономно-сбранного строя относятся русский язык, греческий, латинский, древнеиндийский, т.е. ярко выраженные флективные языки. Развитая система флексий и обеспечивает автономный характер слова, его свободную позицию в предложении, например: Моя любимая подруга приехала вчера в Петербург; Вчера в Петербург приехала моя любимая подруга; Моя любимая подруга приехала в Петербург вчера; В Петербург моя любимая подруга приехала вчера и т.д., или латинский: Pater amat filius; Filius amat pater; Pater filius amat; Amat pater filius и т.д.

При закрепленно-напряженном строе предложения (немецкий, английский, французский языки) слово лишено в значительной степени самостоятельности и в связи с этим

резко усиливается вес синтаксических групп, развиваются особые формы порядка слов. Недостаточное развитие флективной системы именно и обуславливает в этих языках не-самостоятельность слова, его привязанность к определенным синтаксическим группам.

Но вот что пишет о строе немецкого предложения Ш.Балли, который сравнивал с ним строй французского предложения, в результате чего он пришел к несколько иным выводам, чем при сравнении немецкого и русского языков. Это является хорошей иллюстрацией принципа относительности типологических признаков языков. Он писал: “ ... речь идет об относительной свободе конструкции предложения. Последняя же, в свою очередь, зависит от большей или меньшей независимости элементов предложения, и эта независимость, находящаяся под серьезной угрозой во французском языке, обеспечивается в немецком густой системой флексий» [Балли 1955: 214].

И далее: «Немецкий язык предоставляет составным частям предложения большую независимость. Парадоксальным следствием рамочной конструкции, имеющей синтаксическое происхождение, является то, что она предоставляет большую независимость элементам высказывания. Немецкий язык являет нам картину “ рубленого “ синтаксиса с ограниченными сочетаниями, в которых слова сохраняют относительную свободу и сами по себе могут анализироваться в их отдельных элементах...» [Балли 1955: 214].

Но по сравнению с русским языком слово в предложении немецкого языка сохраняет свободу лишь в определенных словосочетаниях, а не в предложении в целом, и количество этих словосочетаний ограничено и сами они резко противопоставлены друг другу, чего нет в предложении русского языка. Поэтому в плане исторического развития структуры простого предложения немецкий и русский языки принадлежат к типологически разным группам, несмотря на генетическое родство.

Типологические черты синтаксического построения предложения тесно взаимосвязаны, как видим, с типологическими чертами морфологического уровня языков. Отсутствие системы флексий у слова в английском и французском языках и обуславливает его “связанность“ в предложении в этих языках, месторасположение каждого слова в них строго фиксировано, слово не обладает никакой автономностью. В немецком языке оно частично автономно на уровне словосочетания, что и обуславливает несколько промежуточное положение немецкого языка между языками с ярко выраженным закрепленно-напряженным строем и языками с автономно-собранным строем, каким является русский язык, в котором слово автономно на уровне предложения.

Общей тенденцией построения простого предложения в немецком языке является тенденция к синтаксически “строгим “ моделям, что проявляется в обязательной сочетаемости целого ряда предикативных образований. Такова способность именительного падежа сочетаться со спрягаемой формой глагола, обязательная сочетаемость переходного глагола с дополнением, обязательная сочетаемость связки с предикативом, тенденция к обязательной сочетаемости вспомогательного глагола с глагольным именем; ср. в русском языке: А я – бежать! (именительный падеж сочетается с неличной, с неспрягаемой формой глагола). Ты прочитал книгу ? – Да, прочитал (отсутствует показатель лица в именительном падеже при личной форме глагола); аналогично: Пойдешь в кино ? – Пойду; Ты можешь плавать ? – Могу (отсутствие глагольного имени при вспомогательном глаголе); Он болен (отсутствие связки).

Обязательная сочетаемость предполагает необходимую комплексность реального состава синтаксического образования: если в нем появляется один компонент, то здесь же должен появиться и другой соответствующий компонент. Сравним следующие примеры

Русский язык	Немецкий язык	Английский язык
Вы больны ? – Да, болен.	Sind Sie krank? – Ja,	Are you ill ? – Yes, I am
	Ich bin es.	

А также: Hast du das Buch gelesen ? – Ja, ich habe es gelesen, Ich las es; ср.англ.: Have you read the book ? – Yes, I have. Gehst du ins Kino ? – Ja, ich gehe; Kannst du schwimmen ? – Ja, ich kann schwimmen (es) и т.п.

Таким образом, четко видно, что структурно завершить немецкое предложение связочный и вспомогательный глаголы не могут, в отличие от близкородственного ему английского языка, который в данном случае характеризуется большим сходством с русским языком.

Придать необходимую устойчивость предложению как единице речевой коммуникации может только сочетание “подлежащее + связочный или вспомогательный глагол + предикатив или именная часть глагольной формы, или то и другое вместе“ (определенным заместителем третьей части данной формулы выступает местоимение *es*).

Следовательно, обязательная сочетаемость компонентов предложения и требует закрытой схемы предложения, т.е. обязательного наличия всех компонентов структурной схемы. В русском же языке, как и в английском, мы можем наблюдать наличие открытой схемы предложения, т.е. такой, где возможно опущение каких-либо компонентов предикативного сочетания. Таким образом, тенденции к синтаксически строгим моделям в немецком языке противостоят в русском языке тенденции к образованию более гибких синтаксических моделей.

Проявлением тенденции к синтаксически строгим моделям предложения немецкого языка является рамочная конструкция, монофлексия в группе существительного, однократное отрицание, соблюдение полной синтаксической схемы предложения. В русском языке монофлексия отсутствует, ср.: мой любимый друг, но *mein lieber Freund*; предложение может иметь полинегативный характер: Ничего никому не скажу; в русском языке отсутствует рамка, и часто не соблюдается полная структурная схема предложения, т.е. значительно количество предложений с открытой схемой. Все это и есть проявления тенденции к более гибким синтаксическим моделям в русском языке.

Сравнительная характеристика простого предложения в немецком и русском языках

1. Тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения.
2. Порядок слов.
3. Формы глагольного и именного сказуемых.
4. Сравнительная типология подчинительных словосочетаний в немецком и русском языках

Тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения

Общей для немецкого и русского языков являются тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения, но между немецким и русским языками существуют чрезвычайно значительные различия в степени обязательности этих черт. Для немецкого языка характерно их доминирующее положение, для русского – наличие большого количества отступлений. Посмотрим, в чем это выражается.

Двусоставность предполагает наличие в предложении двух главных членов: подлежащего и сказуемого. Этот типологический признак проявляется в немецком предложении даже в тех случаях, где само содержание противоречит этому, например, в безличных предложениях, в которых двусоставность поддерживается формальным подлежащим *es*: *Es taut. Es schneit* – формально-двусоставные предложения. Критерий формальности играет в строе немецкого языка очень важную роль, поэтому все предложения классифицируются в первую очередь по формальному признаку на односоставные и двусоставные. Отдельно можно выделить, хотя это и не является общепринятым, формально-двусоставные предложения с формальным подлежащим *es*.

Следующим критерием классификации является семантика подлежащего, в зависимости от которой предложения немецкого языка классифицируются на личные, неопределенно-личные и безличные. Как личные, так и безличные предложения могут быть двусоставными и односоставными. Примером односоставных личных предложений могут служить императивные предложения, ср.: *Komm sofort! Geht jetzt!* Двусоставные безличные предложения приведены выше; односоставными безличными предложениями, выражающими состояние человека или пассивный процесс, становятся при инверсии, например: *Ihm wurde angst und bange. Im Saal wurde getanzt.* Неопределенно-личные предложения немецкого языка всегда являются двусоставными: *Hier wohnt man gemütlich.*

В русском же языке наблюдается значительное отклонение в сторону односоставности, даже когда предложение по содержанию двусоставно; так неопределенно-личные предложения являются формально-односоставными, хотя по смыслу в них предполагается действующее лицо: *По вечерам поют песни.*

В русском языке односоставные глагольные предложения образуют особую подсистему простых предложений, они выделяются в особые самостоятельные типы простого предложения. В системе односоставных глагольных предложений русского языка выделяются как наиболее характерные и ярко очерченные типы следующие:

1) определенно-личные предложения: предложения, организуемые первым лицом глагола: *Пишу, читаю при лампаде; Идем лесом;*

2) неопределенно-личные предложения – предложения, организуемые третьим лицом множественного числа глагола: *В соседней комнате тихо разговаривают;*

3) обобщенно-личные предложения – предложения, организуемые вторым лицом единственного числа глагола (чаще всего) и иногда первым и третьим лицом множественного числа глагола: *Любишь кататься – люби и саночки возить; Что имеем – не храним, потерявши – плачем; Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются;*

4) безличные предложения: *Светает; На улице тихо.*

Первый и второй из приведенных типов являются в немецком языке двусоставными. Обобщенно-личные предложения отсутствуют как тип. Между русскими и немецкими безличными предложениями имеются существенные различия. Тем не менее, межъязыковые параллели, как будет показано ниже, помогают разобраться в некоторых тенденциях развития сравниваемых языков. Так в русской грамматике при описании безличных предложений до недавнего времени господствовал формально-грамматический подход. Он представлен, например, у Е.М. Галкиной-Федорук, которая выделяет типы безличных предложений с глагольным и именным сказуемым. К предложениям с глагольным сказуемым она относит такие, в которых сказуемое может быть выражено следующим образом: 1) невозвратным глаголом: *светает, белеет*; 2) возвратным глаголом: *сперкается, нездоровится, хочется, не спится*; 3) глаголами бытия, существования (которые в настоящем времени могут отсутствовать) в сочетании с родительным падежом: *не хватает силы, хватает денег, нет воды, не было времени, не будет войны; у меня нет времени*; 4) формой инфинитива: *не видать бы тебе злого горюшка. Не догнать тебе бешеной тройки. Быть бычку на веревочке. Вам не видать таких сражений*; 5) краткой формой страдательных причастий: *Сказано – сделано; Куплено у него три аришина ситца* [Галкина-Федорук 1958: 108].

Попытвемся найти соответствия приведенных типов в немецком языке. Первому типу в немецком языке соответствуют также безличные предложения: *Es graut, Es dämert.* Но в русском языке этот тип включает и такие предложения, которым в немецком соответствуют двусоставные: *В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча – In dieser Zeit bekam ich...; Надоумило меня сходить к нему – Ich kam auf den Gedanken..., Es ist mir eingefallen...* Второму типу в классификации Галкиной-Федорук в немецком языке соответствуют безличные предложения частично с подлежащим *es* (формально двусоставные), частично с местоимением *mich* (формально односоставные): *Es durstet mich; Mich durstet.* Третьему типу в немецком языке соответствуют, как прави-

ло, двусоставные или формально-двусоставные предложения: *Ich habe keine Zeit; Es mangelt mir an Zeit*. Специфической особенностью четвертого типа предложений русского языка является дательный субъекта; по семантике это двусоставные, но не номинативные предложения, речь о них пойдет чуть ниже. Они имеют идиоматический характер, в том смысле, как его понимает В.М. Савицкий [Савицкий 2007] и приобретают в немецком языке черты регулярной двусоставности. Пятому типу можно найти как одно, так и двусоставные соответствия в немецком языке: *Gesagt – getan; Es wurde...gekauft*.

Возвращаясь к классификации Е.М. Галкиной-Федорук, приведем типичные для русского языка безличные предложения с именным сказуемым. Е.М.Галкина-Федорук выделяет здесь следующие подгруппы.

1) Сказуемое выражено словами категории состояния, соотносимыми с наречиями на *-о* без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: *Холодно, стыдно, горько, надо, нужно, можно, нельзя, жарко, сыро, хмуро, пасмурно. Горько сознавать, что.. Стыдно лгать. Полно говорить!* и т.п.

2) Сказуемое выражено словами категории состояния, восходящими к форме существительного без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: *Грех обижать; Стыд молчать* [Галкина-Федорук 1958: 108]. В немецком языке им будут соответствовать, скорее всего, формально-двусоставные предложения с подлежащим *es*.

Предложения, состоящие из предикативного слова на *-о* и инфинитива, называются безлично-инфинитивными предложениями. И в них возможен также дательный субъекта. Как отмечает Е.М.Галкина-Федорук, наличие или отсутствие дательного субъекта придает таким предложениям или более субъектный характер или более объектный: *Ему стыдно было признаться ...*

Особой по значению группой безличных предложений является группа, выражающая модальное значение долженствования. В эту группу относятся предложения с глаголами: *надлежит, (надлежало), следует (следовало), стоит (стоило), подобает (подобало)*. В немецком языке им соответствуют формально-двусоставные предложения типа *Es muss gesagt werden...*

Таким образом, среди подсистемы безличных предложений между немецким и русским языками наблюдаются существенные различия как в семантике, так и в структуре. По семантике в немецком языке это две подгруппы, выражающие состояние природы и внутреннее состояние человека, в русском же языке – это и состояние природы, и внешнее, а не только внутреннее состояние человека с различными оттенками субъективной модальности. По структуре в немецком языке это предложения глагольного типа, в русском языке – предложения глагольного или инфинитивного типа.

Вторая тенденция в построении простого предложения, характерная для обоих языков, – это тенденция к глагольности. Под **глагольностью** понимается наличие в предложении спрягаемого глагола в функции сказуемого. Большинство предложений относятся в обоих языках к глагольному типу.

К безглагольным и, следовательно, односоставным предложениям относятся в обоих языках номинативные предложения, из которых многие являются бытийными. Хрестоматийным примером таких предложений в русском языке являются строчки А. Блока *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*. В немецком языке такие предложения тоже присутствуют, ср.: *Tiefe Stille*. К назывным предложениям относятся надписи разного рода, ср. нем.: *Augenarzt; Gleis 3* и русск.: *Хирург; 3 платформа*.

К предложениям, отступающим от глагольности, относятся в обоих языках, кроме того, двусоставные, а не только односоставные, подобные отмеченным выше, безглагольные предложения типа. В русском языке безглагольными являются предложения с именным сказуемым в настоящем времени, в которых в качестве глагола-связки подразумевается глагол *быть*: *Юрий Гагарин – первый человек, полетевший в космос*. В немецком языке такие структуры представляют собой исключение, ср.: *Träume – Schäume, Ein Mann – ein Wort*. К формально безглагольным предложениям относятся в обоих языках повели-

тельные предложения, выраженные инфинитивом, а в немецком языке еще и причастием, ср: *He dumgamtha! Stillgestanden! Schweigen!*

Инфинитивные предложения немецкого языка очень однообразны по структуре, однозначны и непродуктивны. В русском же языке инфинитивные предложения очень богаты различными семантическими оттенками и очень продуктивны, имеют разнообразную структуру. Они могут приобретать следующие семантические оттенки.

1) Оттенок объективной неизбежности действия или обусловленности его в силу тех или других обстоятельств: *Кому назначено – не миновать судьбы.*

2) Оттенок субъективной обязательности действия, который создается императивными предложениями с императивом в роли единственного главного члена [ср.: Скобликова 1997: 155]: *He шутить! Прекратите разговоры!*

3) Оттенок вопросительности. В таких предложениях вопрос «связан с выяснением перспективы потенциально возможного действия»: *Куда идти? Что написать?* [ср.: Скобликова 1997: 156].

4) Оттенки желательности / нежелательности, колебания, нерешительности, сомнения, а также удивления, недоумения, сожаления и др. Е.С. Скобликова приводит такие примеры инфинитивных предложений для выражения нежелательности осуществления действия, в частности опасения последствий нежелательного действия: *Соловьи не боятся света, но все-таки не спугнуть бы; Как бы не спугнуть!* [Скобликова 1997: 160].

5) Оттенки условия, уступительности и цели. Например, предложения для выражения целеустремленного желания-намерения обозначают «внутренний волевой импульс»: *Только бы не промахнуться* [Скобликова 1997: 161].

Таким образом, мы видим, что в русском языке существует богатая подсистема безглагольных (без финитного глагола) односоставных предложений, что является еще одним подтверждением гибкости его языкового строя. Обратимся к третьей тенденции, свойственной предложению в индоевропейских языках, а именно номинативности.

Номинативность означает выражение подлежащего именительным падежом. Для немецкого языка – это правило, отклонения от которого единичны: *Der Gäste waren viele.* В русском языке тенденция к номинативности проявляется не так ярко, о чем свидетельствует наличие большого количества определенно-личных, неопределенно- и обобщенно-личных предложений, где какое-либо подлежащее вообще отсутствует. Кроме того, в русском языке, как пишет Г.А. Золотова, становится все «более очевидной необоснованность традиционного противопоставления именительного падежа косвенным как носителя субъектного значения носителям объектных значений» [Золотова 2001: 139]. Наблюдения над функционированием некоторых косвенных падежей с субъектным значением «привело к более широкому, преодолевающему морфологический номинативизм, определению субъекта как носителя предикативного признака» [там же: 147].

По мнению многих исследователей, вопрос о субъекте русского предложения должен решаться в аспекте соотношения синтаксиса и семантики. Дело в том, что в русском языке подлежащее как синтаксическая структура нередко не совпадает с субъектом как единицей семантической структуры. Например, в предложениях, выражающих состояние, типа 1) *У сестры грипп;* 2) *Отцу не спится;* 3) *Больного знобит* – субъект носителя состояния выражен разными падежами: в (1) родительным падежом с предлогом *у*, во (2) дательным падежом и в (3) винительным падежом [ср. Золотова 2001: 135]. Сопоставление с немецким языком показывает, что во всех этих случаях субъект будет выражен именительным падежом: *Die Schwester hat Grippe; Der Vater kann nicht einschlafen; Der Kranke frostelt.* Межъязыковое сопоставление подтверждает правильность определения субъекта как синтаксически независимого субстанциального компонента субъектно-предикатной структуры, обозначающего носителя предикативного признака [Золотова 2001: 133].

Синтаксический признак независимости субъекта проявляется не в том, что он должен быть выражен именительным падежом, а в том, что он не зависит в своей форме от управляющего глагола, ср.:

Маше верили; Диссертацию обсудили – зависимые формы; объект.

Маше не хочется есть; С диссертацией не получилось – независимые формы; субъект.

Г.А. Золотова видит в таких случаях «назначение субстанциальной словоформы вступать в предикативную связь с признаковой словоформой [Золотова 2001: 139]. Межъязыковое сопоставление отчасти подтверждает такую трактовку, ср.: *Mascha hat keinen Hunger*. Но: *Mit der Dissertation hat es nicht geklappt* – предложение формально безличное; тем не менее, и здесь субстанциальная словоформа определяется глагольно-признаковой. Исследователи, стоящие на позициях семантического синтаксиса, признают и для немецкого языка возможность выражения субъекта косвенными падежами. Г.Н. Эйхбаум замечает при этом, что субъект выражается номинативом в предложениях самой разной семантики, а «аккузативом и дативом в предложениях избирательной семантики – психического и физического состояния (Ihn fiebert, Dem Mann ist unwohl)» [Эйхбаум 1996: 90].

Таким образом, опираясь на данные семантического синтаксиса, можно говорить о значительных отклонениях от номинативности в строе простого предложения русского языка и об ограниченной возможности таких отклонений в строе немецкого языка.

Возникает вопрос, как расценивать предложения с неноминативным субъектом в аспекте односоставности / двусоставности. В традиционных грамматиках они определяются как односоставные (ср. приведенную выше классификацию Е.М. Галкиной-Федорук). Однако, признавая в них наличие синтаксической позиции субъекта, следует, видимо, признать и их двусоставность.

В заключение следует отметить, что в целом в системе простого предложения между немецким и русским языками наблюдаются сходства: в обоих языках имеются как двусоставные, так и односоставные предложения. Качественные различия заключаются в наличии в немецком языке формально-двусоставных предложений.

Но между подсистемами двусоставных и односоставных предложений имеются существенные как качественные, так и количественные различия: в немецком языке отсутствуют обобщенно-личные и безлично-инфинитивные предложения (качественные различия); инфинитивные и безличные предложения ограничены специфическими сферами употребления, а следовательно и семантикой в немецком языке, имеют однообразную структуру, резко отличающуюся от подобных предложений русского языка, обладающих широкой сферой употребления и богатыми семантическими оттенками (количественные различия). В русском языке происходит своего рода компенсация: увеличение отклонений от номинативности влечет за собой уменьшение качественно-количественных отклонений от двусоставности.

Порядок слов

Различаются следующие формы порядка слов: 1) *контактный / дистантный*; 2) *препозитивный / постпозитивный*. Эти формы выделяются на основании того, предшествует ли какое-либо слово другому слову, рассматриваемому как отправной пункт в данной конструкции порядка слов, либо следует за ним.

Для немецкого языка характерен в самостоятельном и главном предложениях контактный порядок слов в группе существительного, контактное расположение подлежащего и сказуемого (финитного глагола) и дистантное расположение сказуемого; дистантное расположение подлежащего и сказуемого в придаточном предложении.

В русском языке, наоборот, не таким обязательным является контактное расположение подлежащего и сказуемого в простом и самостоятельном предложениях и их дистантное расположение в придаточном предложении: но контактное расположение превалирует в сказуемом.

3) *Фиксированный / нефиксированный* порядок слов. Для немецкого языка характерно сочетание фиксированности и нефиксированности в системе порядка слов: ср. “рубленный синтаксис” по Ш. Балли. Для русского языка характерен нефиксированный порядок слов. Для английского и французского – строго фиксированный, так как выполняет смысловоразличительную функцию, функцию выражения члена предложения, в силу того, что английское и французское слово не имеет флексий, и отношения между словами в предложении передаются в значительной мере с помощью порядка слов. Ср.:

They call him “fynny-fynni” / This evening he got a call. Die Mutter nannte den Vater “Bubikopf.” / Den Vater nannte die Mutter “Bubukopf.” Am Abend hatten sie einen Telefonanruf / Sie hatten einen Telefonanruf am Abend / Einen Telefonanruf hatten sie am Abend.

Смысловоразличительная функция порядка слов, функция выражения членов предложения в немецком и русском языках сведена к минимуму: *Die Mutter liebt die Tochter; Мать любит дочь.* Однако, порядок слов в немецком языке является более связанным, чем в русском языке. Он имеет больше ограничений в расстановке членов предложения. Такое различие в возможностях порядка слов в двух языках связано с ролью и местом порядка слов в системе двух языков.

В немецком языке порядок слов является ведущим синтаксическим средством для разграничения типов предложения: самостоятельное повествовательное, вопросительное и подчиненное предложения различаются, прежде всего, местом спрягаемой формы глагола. В русском языке эти типы предложения не зависят от расположения спрягаемой формы глагола. Порядок слов в немецком языке используется для обеспечения цельности и организации предложения как определенного законченного единства, что осуществляется с помощью глагольно-сказуемостной рамки.

Таким образом, порядок слов в немецком языке выполняет, прежде всего, структурно-грамматическую функцию. В русском языке порядок слов является свободным в грамматическом отношении, его роль в структурном оформлении предложения невелика. А.М.Пешковский определяет порядок слов в русском языке как вспомогательное средство второго ранга, подчеркивая при этом, что он имеет даже меньшее значение, чем интонация [Пешковский 1956: 52].

В русском языке отсутствует строгая определенность места членов предложения, однако их расположение нельзя считать абсолютно свободным. Существуют некоторые общие тенденции, определенные нормы расположения членов предложения в отношении друг к другу. В русском языке имеется широко развитая система согласования и управления, и слова в предложении располагаются в соответствии с этими грамматическими средствами.

Говоря об определяющих факторах словорасположения в русском языке, А.А.Шахматов пишет: “Порядок слов в словосочетаниях определяется в большей части случаев взаимоотношением господствующих и зависимых слов”. Следует отметить, что и в немецком языке порядок слов выполняет не одну только грамматическую функцию.

В отношении расположения главных членов предложения в обоих языках различают две возможности, а именно: прямой и обратный порядок слов. В отличие от немецкого языка расположение подлежащего и сказуемого в русском языке ни при прямом, ни при обратном порядке слов не связано с определенным местом в предложении. В русском языке подлежащее при прямом порядке слов может и не находиться непосредственно в начале предложения. Между подлежащим и сказуемым могут также располагаться второстепенные члены предложения (обычно не больше двух): И вдруг ее сердце сильно и часто забилося (Толстой, Сестры). В современном немецком языке наблюдается преобладание прямого порядка слов. Этот же факт отмечается в лингвистической литературе и по отно-

шению к современному русскому языку. Общим для немецкого и русского языков является при прямом порядке слов тенденция расположения подлежащего и сказуемого в непосредственной близости.

При инверсии в отличие от немецкого языка составные части сказуемого в русском языке наряду с контактными расположением могут находиться и на расстоянии друг от друга. При этом вторая составная часть сказуемого часто стоит в начале предложения, а спрягаемая часть – в конце : *Говорить о своем горе она не хотела, а с этим горем на душе говорить о постороннем она не могла* (Л.Толстой, Анна Каренина). Ср.: ... und mit dieser Trauer in der Seele konnte sie von Kleinigkeiten nicht sprechen. Следовательно, для немецкого языка абсолютно невозможна постановка спрягаемой части в конец распространенного самостоятельного предложения.

В отличие от немецкого языка в русском языке возможна инверсия частей составного сказуемого и при прямом порядке слов: Но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса (М.Лермонтов, Княжна Мэри). Ср., в немецком языке, где подобная перестановка частей сказуемого возможна только при инверсии: ... gekleidet aber waren sie nach den strengsten Vorschriften des besten Geschmacks.

Для расположения второстепенных членов в немецком языке имеет значение степень смысловой и синтаксической связи их с каким-либо членом предложения. Из всех второстепенных членов определение наиболее тесно связано с определяемым словом. Для него характерно непосредственное примыкание к определяемому слову, причем согласованные определения примыкают препозитивно.

В русском языке такие зависимые слова как прилагательные, местоимения, числительные, причастие, согласующиеся с существительным при атрибутивных отношениях предшествуют определяемому слову, например: Его спокойствие, мягкий голос и простота лица ободрили мать (М.Горький, Мать). Однако, возможна и постпозиция притяжательных, указательных и отрицательных местоимений: Голос его звучал тихо, но твердо (М.Горький, Мать). Машина эта имела вид почти правильного котла (И.А.Тургенев Записки охотника). Если тело мое умрет, существования никакого уже не может быть? (Л.Толстой, А.Каренина). Для немецкого языка постпозиция указательных, притяжательных и отрицательных местоимений невозможна.

Довольно часто в русском языке встречается постпозиция определения, если оно несет на себе логическое ударение. В немецком языке таким определением могут соответствовать также лишь препозитивные определения: То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком (А.Чехов, Сестры). In jener Zeit galten die Liebe, gute und gesunde Gefühle als Überbleibsel.

Расположение остальных членов предложения в немецком языке является более свободным и зависит от их участия в образовании структурной раки; в русском языке расположение второстепенных членов не связано с их отношением к сказуемому. Общим для немецкого и русского языков являются возможности постановки второстепенного члена предложения на первое место в предложении и его функции. На первом месте в немецком предложении, как и в русском, может стоять любой второстепенный член предложения.

При наличии в одном предложении прямого и косвенного дополнений, в немецком языке косвенное дополнение предшествует прямому. В русском языке, напротив, прямое дополнение обычно предшествует косвенному. Из других второстепенных членов в немецком языке наиболее тяготеет к сказуемому обстоятельство образа действия, особенно выраженное наречием. Поэтому оно так же, как и прямое дополнение, реже выступает на первом месте. Однако, оно не имеет фиксированного места и обычно располагается внутри рамки сказуемого, ближе к его спрягаемой части: Sie laernten ungebuehrluch auf der Treppe (Th.Mann, Buddenbrooks).

Как указывается в лингвистической литературе, в русском языке расположение обстоятельства образа действия зависит от его значения и от того, какой частью речи оно выражено. Обстоятельство образа действия, выраженное качественными наречиями, а так-

же наречиями со значением меры, количества обычно ставится перед сказуемым: Жизнь всегда была такова – она ровно и медленно текла куда-то мутным потоком годы и годы ... (М.Горький, Мать). Обстоятельство образа действия , выраженное существительным или наречием, образованным от имени существительного, обычно следует за глаголом-сказуемым: Мы поехали шагом (И.А.Тургенев, Записки охотника).

Менее связано со сказуемым в немецком языке обстоятельство места и времени (обычно относится ко всему предложению). Для обстоятельства времени в русском языке характерна препозиция по отношению к сказуемому.

Среди явлений, характеризующих порядок слов в немецком языке, особое место по своеобразию занимает рамочная конструкция. В ее основе лежит принцип постановки на дальнем расстоянии друг от друга тесно связанных по смыслу слов. Структурная рамка осуществляется разными средствами в самостоятельном (главном) и подчиненном предложении. Рамочная конструкция в немецком языке выполняет функцию объединения предложения, благодаря чему возникает очень четкая структура предложения.

Русскому языку рамочная конструкция не свойственна. Структура русского предложения является более гибкой. Здесь элементы сказуемого и члены группы сказуемого, наиболее тесно связанные с ним, а также подлежащее и сказуемое располагаются в непосредственной близости друг к другу.

Таким образом, между порядком слов немецкого и русского языков наблюдаются как общие черты, так и черты различия. В обоих языках порядок слов может выполнять две основные функции: формально-грамматическую и семантико-стилистическую. Разница заключается в различной роли этих функций в обоих языках. В русском языке основной функцией порядка слов является функция семантико-стилистическая. Это вызвано тем, что порядок слов в русском языке является свободным, т.е. ни один член предложения не имеет твердого места. В немецком же языке обе функции играют большую роль: места сказуемого и определения выполняют преимущественно структурно-грамматическую функцию, а места подлежащего, дополнения, обстоятельства – преимущественно семантико-стилистическую.

Такое соотношение функций порядка слов в немецком языке связано с сочетанием в нем относительно свободного (подлежащее, дополнение, обстоятельство) и твердого, фиксированного (сказуемое, частично определение) порядка слов. Наличие элементов фиксированного порядка слов делает структуру предложения в немецком языке более четкой, чем в русском языке.

В расположении членов группы сказуемого наблюдаются две противоположные тенденции: в немецком языке слова, наиболее тесно связанные со сказуемым, располагаются в конце предложения или перед спрягаемой частью сказуемого, в русском языке – в непосредственной близости от спрягаемой части сказуемого.

Формы глагольного и именного сказуемых

В типах сказуемых между немецким и русским языками наблюдается, в общем, значительное сходство. Во-первых, в обоих языках имеется как глагольное, так и именное сказуемое. Во-вторых, и в немецком, и в русском языках глагольное сказуемое может быть простым и составным, а именное сказуемое – составным.

Простое глагольное сказуемое выражено одним глаголом, либо в простой, либо в сложной форме : las, schrieb, lese, werde schreiben; читал, писал, читал бы, буду писать. Составное глагольное сказуемое состоит из так называемых функциональных глаголов и полнозначных глаголов в форме инфинитива. В качестве функциональных глаголов выступают: 1) модальные глаголы; 2) их семантические синонимы, такие как wünschen, begehren, brauchen, Lust haben, den Wunsch haben, vermögen, (es) nötig haben, die Möglichkeit

haben, imstande sein, außerstande sein, wissen, verstehen, fähig (bemüht, gezwungen, willig) sein; 3) глаголы anfangen, beginnen, anheben, im Begriff sein, aufhören, schließen, Schluss machen, fertigbringen, zustande bringen, fortsetzen, fortfahren, bleiben, pflegen, gewohnt sein.

Но в составном глагольном сказуемом имеются и некоторые расхождения. Так во-первых, в немецком языке составное глагольное сказуемое может быть не только двучастным, но и трехчастным, состоящим из функционального глагола + существительное / прилагательное / причастие + глагол: den Wunsch haben zu reisen, gewohnt sein zu reisen. В немецком языке инфинитив употребляется с особой частицей zu в подавляющем большинстве случаев, в русском языке – без какой-либо частицы.

В составном глагольном сказуемом в немецком языке с инфинитивом могут сочетаться такие функциональные глаголы как scheinen, glauben: Er scheint krank zu sein. В русском языке им соответствует простое глагольное сказуемое с вводным словом “кажется”. Конструкции lassen + Infinitiv, kommen + Partizip II, bekommen, erhalten + Partizip II; tun + Infinitiv являются также формами составного глагольного сказуемого. В русском языке им соответствует простое глагольное сказуемое.

Значительные расхождения наблюдаются между формами составного именного сказуемого немецкого и русского языков. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в немецком языке обязательно наличие связки во всех типах именного сказуемого; в русском же языке правилом является нулевая форма связки в настоящем времени изъявительного наклонения. Немецкий предикатив всегда выражен неизменяемой формой, согласование с подлежащим наблюдается только в категории падежа; русский предикатив представляет собой, наоборот, изменяемую форму, которая согласуется с подлежащим прежде всего в роде и числе, и только в незначительном количестве случаев – в падеже, так как основным падежом предикатива в русском языке является творительный падеж в отличие от немецкого языка, где падежом предикатива является именительный падеж.

В русском языке именительный предикатива употребляется только в настоящем времени изъявительного наклонения. Следствием такого рассогласования предикативного имени с подлежащим является такой вид грамматического плеоназма, который невозможен в немецком языке, а именно категория рода и числа выражается наряду с именем существительным и формой связки (для числа) еще и в предикативном имени. Ср.: Das Zimmer ist gefegt (род выражен один раз; единственное число – один раз). Комната подметена (род выражен два раза; единственное число – два, но не формой связки, а формой предикатива). Ср. также: Er (sie) war(en) müde – Он (она) (они) был, была, были усталым, усталой, усталыми.

В немецком языке имеется два связочных глагола: sein, werden, которым соответствуют связочные глаголы русского языка “быть, становиться”. Но в немецком языке связочными могут быть и глаголы heissen, scheinen, bleiben. В русском языке им могут также соответствовать составные именные сказуемые с подобными связками: Trotz seiner schweren Leiden blieb Nikolai Ostrowski ein flammender Patriot, ein großer Schriftsteller. Mensch sein -- heißt Kämpfer sein. Das heißt gearbeitet: Несмотря на тяжелую болезнь Николай Островский оставался пламенным патриотом ... Быть человеком – значит быть борцом. Вот это называется поработать! Но подобным именным сказуемым немецкого языка может соответствовать и простое глагольное сказуемое с вводным словом “кажется”.

Сходства между немецким и русским языками наблюдаются и в плане морфологической принадлежности предикатива, в качестве которого в обоих языках выступают существительные, прилагательные, местоимения, причастия, числительные. Это могут быть и наречия, но наречному предикативу немецкого языка не всегда соответствует наречие-предикатив русского языка. Ср.: Wer ist dort? Alle sind hier, но: Drei Jahre sind vorbei. In einer Stunde bin ich zurück. Die Stunde ist aus. Bist du schon auf?

Предложные группы в качестве предикатива также не всегда находят себе соответствие в предложных группах русского языка. Ср.: Er ist in Not, но Die Sache ist von Wich-

tigkeit. Er wurde zu einem guten Violinspieler. Ihre Augen waren von einem tiefen Blau. Das Handtuch ist zum Abrocknen. Das ist zum Lachen!

Кроме этих форм сказуемого в немецком и русском языках имеются фразеологизированные сказуемые: vom Regen in die Taufe kommen, in Ohnmacht fallen, zum Wort greifen; попасть из огня да в полымя, упасть в обморок, взять слово, дать пощечину. В немецком языке такие сказуемые больше распространены, чем в русском, вследствие тенденции немецкого глагола к двучастности формы. Поэтому в русском языке большинству таких сказуемых немецкого языка соответствует простое глагольное сказуемое: Abschied nehmen, Gebrauch machen, in Erfüllung gehen, sich in Bewegung setzen, zum Ausdruck bringen и т. п.

Все изложенное относительно простого предложения можно подытожить в следующих заключениях.

В построении немецкого и русского простого предложения преобладают две противоположные тенденции – тенденция к синтаксически строгим моделям в немецком языке и тенденция к синтаксически более гибким моделям в русском языке.

Наличие общих тенденций к двусоставности, глагольности и номинативности предложения в сравниваемых языках не исключает существенной разницы в степени фронтальности этих черт. Для немецкого языка ведущей является тенденция к двусоставности предложения, для русского – тенденция к односоставности. Значительные отступления от номинативности и глагольности в предложениях русского языка приводят к качественным различиям между системами моделей элементарного предложения в сравниваемых языках.

Порядок слов выполняет в немецком и русском языках общие функции: структурно-грамматическую и семантико-стилистическую. Основные черты различия заключаются здесь в различной роли этих функций в каждом из языков, что обусловлено в свою очередь различными формами порядка слов: частично фиксированным в немецком языке и свободным в русском языке.

Формы глагольного и именного сказуемых характеризуются довольно значительными частными различиями на фоне общего сходства.

Сравнительная типология подчинительных словосочетаний в немецком и русском языках

Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям. Одним из основных признаков словосочетания является синтаксическая связь, соединяющая компоненты словосочетания. Если компоненты словосочетания находятся в равных отношениях друг к другу, что может быть проверено простой их перестановкой без изменения содержания словосочетания, то мы говорим о сочинительной синтаксической связи, например “ отец и сын “ или “ сын и отец “; Bruder und Vater, Vater und Bruder.

Если же компоненты словосочетания находятся в неравных отношениях друг к другу, т.е. один компонент подчинен другому, то мы говорим о подчинительной синтаксической связи. В таких словосочетаниях перестановка членов оказывается невозможной без существенного изменения смысла целого. Ср.: большой город – словосочетание; город большой – предложение; eine große Stadt; die Stadt ist groß.

Итак, одним из отличий подчинительных словосочетаний от сочинительных является неравное отношение компонентов подчинительного словосочетания друг к другу; в них различается основной член и зависимое слово (слова). Следующее различие лежит в средствах связи: сочинительная связь осуществляется как посредством союзов, так и без них; подчинительная связь осуществляется, как правило, без каких-либо средств, либо посредством предлогов.

Подчинительная связь выражается в следующих отношениях: атрибутивных, объектных и обстоятельственных. Перечисленные выше синтаксические отношения получают свое материальное выражение в виде различных конкретных приемов, с помощью которых передаются синтаксические связи. Это следующие приемы: согласование, управление, примыкание.

Как справедливо отмечает В.Н. Ярцева, синтаксические приемы зависят от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней. Атрибутивные отношения выражаются при помощи всех трех видов связи, объектные – с помощью управления, обстоятельственные – управления и примыкания. Вследствие более развитой системы флексий в русском языке преобладает согласование в выражении атрибутивных отношений в большей мере, чем в немецком языке, так как в немецком языке этому препятствует нейтральная флексия в группе существительного, т.е. тенденция к монофлексии.

Управление и примыкание играет одинаковую роль при выражении объектных и обстоятельственных отношений в обоих языках. Управление наблюдается и при выражении атрибутивных отношений: *Er ist dem Vater ähnlich* – Он похож на брата, а также примыкание: доктор Щусев – *D-r Morten*, врач Иванова – *Arzt Iwanowa*, диктор Ангелина Вовк – *Ansager Angelina Wowk*, но преобладающим является здесь согласование; подобные случаи очень редки в обоих языках.

К подчинительным словосочетаниям в обоих языках относятся группа существительного и группа глагола. Группа существительного состоит из ядра (существительного) и относящихся к нему слов, которые уточняют и конкретизируют его. Основным условием синтаксического объединения слов в группе существительного является смысловая связь между членами группы: обогащающие и уточняющие определения, подлинные определения и служебные компоненты группы существительного.

К подлинным определениям относятся полнозначные части речи, к служебным – служебные части речи, такие как частицы, предлоги, а в немецком языке и артикль. Роль артикля в группе существительного немецкого языка очень велика. Артикль является постоянным членом группы существительного. Из всех зависимых компонентов группы существительного он принимает самое активное участие в построении препозитивной рамки, включающей в себя все согласующиеся члены группы с зависимыми от них компонентами.

Рамочная конструкция в группе существительного присуща и русскому языку. Сходство в данном случае с немецким языком заключается в том, что включает рамку в русском языке также ядро, т.е. имя существительное, но начинают рамку как служебные компоненты группы существительного, так и полнозначные, подлинные определения. В немецком языке рамку начинают, как правило, служебные компоненты – артикль или же промежуточные между служебными и подлинными определениями. Ср.: все его сыновья – *all seine Söhne*; лежавшая на дороге пыль – *der Staub auf dem Wege*, ... недавно расчищенная дорожка – *der vor kurzem freigemachte Weg*;... Налево чернело глубокое ущелье – *Links lag im Dunkel eine tiefe Schlucht*; (*Eine*) *tiefe Schlucht lag links im Dunkel*.

Кроме того, артикль в наибольшей мере обеспечивает возможность монофлексивного построения группы. Оформление группы существительного по принципу монофлексии является следующей отличительной чертой немецкой группы существительного от группы существительного русского языка, ср.: *ein schönes Mädchen* – красивая девушка. Монофлексия является лишь своеобразным развитием принципа согласования. Она является одним из структурных средств, содействующих более тесной организации группы существительного.

Особая роль артикля в немецком языке в организации препозитивной рамки и монофлексии основывается не только на большей частоте употребления артикля. Она основывается еще и на том, что в целом ряде случаев артикль может вводиться в группу специально для осуществления какого-либо структурного требования, например, для вы-

ражения падежа. В русском языке падеж четко выражается в самой форме существительного.

Согласующиеся препозитивные определения выражаются в обоих языках именами прилагательными: новый дом, железная крыша, das neue Haus, ein eisernes Dach; местоимениями: какой-то мальчик, моя тетрадь, ein gewisser Junge, mein Heft, порядковыми числительными: первый номер, пятый дом, die erste Nummer, das fünfte Haus, полными формами причастий: решенная задача, зеленеющие кусты, die gelöste Aufgabe, grünende Sträucher; существительными (правда, в этом случае согласование соблюдается не всегда): город Москва, поэт Маяковский, die Stadt Moskau, der Dichter Majakowski.

Несогласующиеся постпозитивные определения выражаются в обоих языках именами существительными. Здесь различаются беспредложные и предложные словосочетания. Отношения между словами в беспредложных словосочетаниях выражаются формами косвенных падежей без предлогов. Не все падежные формы зависимого слова одинаково употребимы в беспредложных именных словосочетаниях: в немецком языке в данной функции возможен только генетив; в русском языке также чаще других употребляется родительный падеж, но здесь возможны дательный и творительный падежи, употребление которых ограничено более или менее узким кругом слов, например: цена людям, мера силам, корм скоту; Мужик сам знает цену хлебу; кепка блином, волосы ершом, галстук бабочкой. Моисей ходит уже в шляпе котелком (А.Чехов, Моя жизнь). В сапогах бутылками ... стоит под крыльцом (А.Блок) ... сменил усы колечком на усы кисточкой (Федин, Необыкновенное лето); вышивка крестиком, посадка гнездами, богатство идеями, недовольство результатами.

Наиболее типичные и возможные соответствия немецкого языка данным словосочетаниям русского языка – это сложные слова: menschenwert, Viehfutter, Brotwert, Beulenhut и т.п.

Винительный падеж не употребляется в качестве беспредложного определения ни в немецком, ни в русском языках.

Предложные именные словосочетания в немецком и русском языках характеризуются также заметными различиями: в качестве предложного определения в русском языке выступают не только дательный и винительный падежи, но и родительный (в немецком языке он почти неупотребителен), а наиболее продуктивными являются словосочетания с предлогом “ с ” и творительным падежом и словосочетания с предлогом “ в ” и предложным падежом.

Большинству словосочетаний с определительным предложным родительным падежом соответствуют в немецком языке, как правило, сложные существительные, ср.: подсвечник из бронзы, носки из шерсти, ограда из камня, букет из васильков, венки из листьев; Bronzenleuchter, Wollsocken, Steinmauer, Basiliskstrauss, Blätterkranz. Все они выражают значение отношения происхождения в широком смысле этого слова.

В русском языке возможна трансформация в относительное прилагательное: бронзовый подсвечник ... и т.п.: отношение к материалу: платье из шелка (шелковое платье), хлеб из кукурузы (кукурузный хлеб); На дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла ... лачужка (М.Лермонтов, Тамань); тюрбан из марли (марлевый тюрбан), но однако: рамка из сосновых шишек, битки из свежего мяса, брошка из чистого золота, якорь из выгнутых гвоздей, штора из синей светомаскировочной бумаги – трансформация в относительные прилагательные невозможна. И в русском, и в немецком языке это словосочетания, так как они содержат прилагательные –определения второго ранга.

Таким образом, сложные слова соответствуют предложным словосочетаниям со значением отношения, так как родительный беспредложный здесь невозможен, а категория относительных прилагательных в немецком языке непродуктивна. В остальных случаях словосочетаниям русского языка с родительным определительным с предлогом соответствуют также предложные сочетания, но как правило, с дательным и винительным, так

как предложный генетив в современном немецком языке является непродуктивным, реликтовым явлением.

Словосочетаниям “ с + творительный падеж “ русского языка соответствуют в немецком языке в большинстве случаев словосочетания mit + Dativ; “ в + предложный падеж “ русского языка – in + различные падежи (в большинстве случаев Dativ) в немецком языке.

В немецком языке выделяется еще группа существительного с участием монофлексива. В русском языке соотносительного с этим явления по форме нет, ср.: zwischen Affe und Mensch, Antrag Kanitz, Schulzes Beruf als Lehrer, Ende Oktober = между человеком и обезьяной, заявление Каница, профессия Шульце как учителя, в конце октября.

Сравнительно-сопоставительная характеристика структуры группы глагола

Состав группы глагола чрезвычайно широк. В связи с общими структурными тенденциями в строе немецкого языка группа глагола-сказуемого приобретает особое значение с точки зрения оформления всего предложения.

Прежде всего, те компоненты предложения, которые синтактико-семантически относятся ко всему предложению в целом, оценивая реальность сказуемого отношения (модальные члены, отрицания, модальные частицы), или соотносясь как с подлежащим, так и со сказуемым (предикативное определение, некоторые виды обстоятельств) оказываются формально включенными в группу глагола-сказуемого.

Сходства с русским языком проявляются, прежде всего, в том, что и в русском языке в группу глагола - сказуемого формально входят предикативное определение, обстоятельства образа действия, меры, обстоятельство цели и т.п. Отличия проявляются в том, что модальные слова, частицы, отрицания не входят формально в группу глагола, а представляют собой вводные слова.

Кроме того, группа глагола–сказуемого имеет в немецком языке тенденцию охватывать все предложение, за исключением первого места с точки зрения порядка слов. Для группы глагола русского языка данное явление, явление рамки в группе глагола не свойственно.

Подводя итог сравнительной характеристике подчинительных сочетаний в немецком и русском языках, можно сказать, что в обоих языках выделяются такие подчинительные словосочетания как группа существительного и группа глагола. В соответствии с общей тенденцией к синтаксически строгим моделям группа существительного в немецком языке является структурно более спаянной, чем группа существительного в русском языке, благодаря построению ее по принципу монофлексии.

Группа глагола-сказуемого является в немецком языке более емкой по сравнению с группой глагола–сказуемого русского языка, вследствие формального включения в нее модальных членов, частиц, отрицаний и охвата группой глагола всего предложения, за исключением первого места.

Сложное предложение в немецком и русском языках

1. Общая характеристика.
2. Сопоставительный анализ союзных сложноподчиненных предложений (СПП) в немецком и русском языках: система и функционирование СПП с придаточными времени.
3. Сопоставительный анализ СПП с относительной связью в немецком и русском языках: система и функционирование атрибутивных СПП.
4. Экземплярное сравнение функционирования: СПП с придаточными условия в немецком и русском политическом дискурсе.

5. Выводы.

Общая характеристика

Принимая полевую структуру синтаксиса, расположим простое предложение в центре общесинтаксического поля. Сложное предложение отойдет к его периферии, образуя переходный сегмент к сверхфразовому единству (гиперсинтаксису) [Кострова 1992]. Периферийность сложного предложения определяется его более низкой частотностью по сравнению с простым, а также тем, что оно совмещает с собственно предложенческой категорией предикативности самую разнообразную семантику, аналогичную семантике членов предложения. Результатом этого совмещения является переход цельнопредложенческой предикативности на новый, более высокий уровень – уровень суперпредикатности. На этом уровне традиционный предикат передает свои функции единицам, соединяющим элементарные предложения в цельное, – союзу или союзному слову. Их суперпредикатная функция [ср. Степанов] состоит в том, что они формируют отношения внутри сложного предложения.

Благодаря генетическому родству немецкого и русского языков, эти отношения в них аналогичны как по способу соединения предложений, так и по семантике соединяющих элементарные предложения единиц. Аналогичны как семантические типы сложносоподчиненных предложений, так и виды придаточных по синтаксической функции. Различия касаются частностей, в основном, объема значения или сферы функционирования отдельных союзов.

Типологические различия заключаются в формально-структурной области и охватывают прежде всего структурирование придаточного предложения. Основная тенденция состоит в более строгом оформлении придаточного в немецком языке, что проявляется в постановке спрягаемого глагола на последнее место, в обязательности подлежащего в придаточном предложении и в некоторых других частных моментах. Рассмотрим типологические сходства и различия на примерах СПП с союзной и относительной связью. Из союзных СПП проанализируем СПП с придаточными времени (СППвр) и придаточными условия (СППУ), из относительных – СПП с придаточными определительными.

Сопоставительный анализ союзных сложноподчиненных предложений (СПП) в немецком и русском языках: система и функционирование СПП с придаточными времени

Контрастивный системно-функциональный анализ языковых явлений имеет целью показать сходство и выявить различия, наблюдаемые как в системах языков, так и при употреблении исследуемых единиц в сопоставляемых языках. Результаты такого анализа могут послужить основой контрастивной грамматики как того, так и другого языка, нехватка которой остро ощущается в практическом преподавании иностранных языков.

Исследования показывают, что базовой сферой функционирования сложноподчиненных предложений с придаточными времени (далее СППвр) является объективированная авторская речь, где процент их частотности среди других высказываний обстоятельного типа приближается к 80 % [Кострова, 1991]. Их основная функция состоит в членении временного континуума и организации темпорально упорядоченной объективированной речи. При сопоставлении в этом аспекте немецкого и русского языков открывается уникальная возможность проследить взаимодействие темпоральных союзов с актуальной семантикой предикатов при обозначении аналогичных темпоральных ситуаций. Кроме того, предпринимаемый анализ может выявить сходства и различия языков в отношении иконичности/неиконичности представления указанных ситуаций и связанной с этим степени их функциональной экспрессивности. Исследование построено на материале оригинальных немецких источников и их переводов на русский язык.

Темпоральные системы как немецкого, так и русского языков включают в себя в качестве основных конститuentов глагольные времена, наречия времени и сложные предложения с темпоральным значением. В целях упрощения анализа оставим в стороне наречную сферу и сосредоточим внимание на взаимодействии двух оставшихся сфер. Исходной посылкой является типологическое различие немецкого и русского языков, наблюдаемое в системе глагольных времен. Оно состоит в том, что в немецком языке темпоральная глагольная парадигма включает в себя ряд относительных времен, обозначающих предшествование, а в русском языке аналогичная парадигма неотделима от аспектуальной. Таким образом, парадигматическое сопоставление глагольных времен дает асимметрическую картину:

Таблица 18

Контрастивная семантика глагольных времен в немецком и русском языках

	Немецкий язык	Русский язык
Выражение предшествования	+	–
Выражение аспекта (вида)	–	+

В системах темпоральных союзов обоих языков существует традиция семантического описания на основе пространственных понятий *впереди* – *сзади* и отношений между ними [Eichinger 1989: 398; Крейдлин, 1997: 140]. Членение временного континуума происходит также аналогично (см. таблицу 2). В составе темпоральных союзов обоих языков используются пространственные по происхождению предлоги: *в, до, перед* в русском языке, *in, nach, vor, bis* в немецком, а также наречия пространственной семантики: *после* в русском языке и *lang*¹ в немецком. На наш взгляд, можно говорить о метафоризации темпоральными союзами, содержащими перечисленные компоненты, пространственных концептов по аналогии с тем, как происходит метафоризация пространственных предлогов [Ehrich 1989: 1-7; Meibauer 1995: 58-60; Kostrowa 1998: 22 f.].

Различия в системах темпоральных союзов имеют, по сравнению с видо-временной системой, более частный характер. В обоих языках есть союзы, которые вне контекста индифферентны к выражению относительного времени. В немецком языке это союзы *als* и *wenn*, в русском им соответствует один союз – *когда*. В семантике других союзов в той или иной форме присутствует значение относительности. Основное отличие русских темпоральных союзов от немецких состоит в том, что в русском языке преобладают составные или аналитические формы, в немецком – синтетические. Составные союзы в русском языке представляют собой «нецельнооформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово» [Русская грамматика 1980: 716]. Наиболее продуктивно участвуют в образовании таких союзов предлоги различной структуры, местоименное слово *тогда*, наречия *пока, после* и частица *не*. С их помощью образованы союзы *в то время как, перед тем как, с тех пор как, до тех пор пока не, до того как, после того как*. В Академической грамматике русского языка отмечается неустойчивость составных союзов, значение которых может меняться в зависимости от различного акцентирования [Русская грамматика 1980: 717]. Внутренняя форма таких союзов представляется достаточно ясной, поскольку их составные элементы сохраняют знаменательность.

Немецкие темпоральные союзы значительно более устойчивы по форме. Это, в основном, однословные лексемы, хотя некоторые из них по происхождению восходят к сочетаниям предлогов с местоимениями или артиклями (*nachdem, seitdem, indem, indessen*), а другие – к сочетаниям местоимений с наречиями (*sobald, sooft, sowie*). В этом

¹ Ср. этимологию, приводимую в словаре Kluge: 502

смысле система немецких темпоральных союзов представляется более формализованной, чем система аналогичных русских союзов.

Этимология немецких темпоральных союзов тоже не вызывает разночтений. Тем не менее, в истолковании семантики отдельных союзов в русском и немецком языковом сознании исходят из разных традиций. Это относится к союзам, обозначающим предшествование/следование. Отношения предшествования и следования представляют собой две стороны понятия временной последовательности. Два действия могут быть по-разному охарактеризованы относительно друг друга. В. Хартунг иллюстрирует это такими примерами:

- (1) Er hat sich von allen verabschiedet. Dann/danach ist er weggefahren;
- (2) Er ist weggefahren. Davor/vorher hat er sich von allen verabschiedet [Hartung 1966: 143].

В действительности «прощание» в обоих случаях происходит до отъезда, то есть речь идет о различном языковом представлении одного и того же отношения. В (1) это отношение передается в плане синтактики иконически¹, то есть последовательность действий в речевой цепи соответствует их последовательности в реальной действительности. В (2) имеет место опережающее (неиконическое) представление действия, обозначенного в последующем предложении. В русском языковом сознании значение союза *после того как* истолковывается иконически в соответствии с семантикой наречного компонента *после*, что предполагает следующую трансформацию (1):

(1*) После того как он попрощался со всеми, он уехал (=отъезд *следует* за прощанием).

Иконически же истолковывается и семантика союзов *прежде чем, перед тем как* – как выражение предшествования в соответствии со значением компонентов *прежде/перед*. Некоторые авторы специально это подчеркивают [Формановская 1979: 187]. Трансформация (2) показывает, однако, что при семантической иконичности возникает синтаксическая неиконичность:

(2*) Прежде чем уехать, он попрощался со всеми (=прощание *предшествует* отъезду).

В немецком языковом сознании эквивалентные союзы имеют противоположную интерпретацию: союз *nachdem* интерпретируется как выражающий идею предшествования, а синонимичные союзы *ehe, bevor* – как выражающие идею следования [Gelhaus 1998: 405]. Это означает, что семантическая иконичность в немецком языковом сознании уступает место формально-грамматической иконичности, которая наиболее ярко проявляется в обязательном употреблении плюсквамперфекта как формы предшествования в придаточных предложениях с союзом *nachdem*.

Два способа языкового представления онтологической последовательности действий: иконический и опережающий (неиконический), рассматриваемые с позиций синтаксиса и семантики, на наш взгляд, более адекватны, чем традиционные понятия предшествования и следования², в которых эти аспекты не разводятся. В частности, именно учет семантико-синтаксической иконичности/неиконичности позволяют снять разночтения в семантической интерпретации таких союзов как *nachdem* и *ehe/bevor* и их русских эквивалентов. Соотношение немецких и русских темпоральных союзов с семантикой относительности представлено в таблице 2.

¹ О понятии языковой иконичности ср., например, Якобсон 1983: 104-107, а также Nöth 2000.

² Справедливости ради следует отметить, что многие авторы отказываются от понятий предшествования и следования в пользу более общего понятия разновременности. См., например, Формановская 1979: 186; Полянский 1990.

Системы темпоральных союзов с относительным значением
в немецком и русском языках

Относительное темпоральное значение	Немецкий язык	Русский язык
Одновременность	Während, indem, indessen Solange, sooft Sobald	В то время как Пока, покамест, покуда Всякий раз как
Разновременность	Nachdem Ehe, bevor Kaum dass/als	После того как Прежде чем, перед тем как Едва/лишь только
Временное начало	Seit/seitdem sowie	С тех пор как Как только
Временной конец	Bis	(до тех пор) пока (не) до тех пор как

Из таблицы следует, что семантика русских временных союзов в известной мере компенсирует отсутствие в русском языке относительных глагольных времен. Наряду с семантикой союза к компенсирующим факторам следует отнести в русском языке категорию вида [Бондарко 1971: 44-45]. Это подтверждается, в частности, обязательным употреблением глаголов несовершенного вида для выражения одновременности в придаточном предложении [Гвоздев 1955: 415], преимущественным употреблением глаголов совершенного вида при выражении временного следования в предложениях с союзом *preжде чем* [Гвоздев 1955: 408], употреблением глаголов разных видов при выражении частичного совпадения действий или событий во времени [Формановская 1979: 186].

Исследователи категории русского вида высказывают предположение об участии союзов в выражении этой категории [Бондарко 1971: 54]. Это предположение косвенно подтверждается при межъязыковом сопоставлении на материале немецкого языка. При отсутствии в этом языке вида как грамматической категории практически каждый немецкий темпоральный союз имеет аспектуальную характеристику. *Als* обозначает однократное действие или событие, *wenn* – повторяющееся. Есть союзы, устанавливающие временной предел действия: *bis*, союзы, обозначающие его начало: *seit(dem)*. Внутренняя форма союзов *während* и *solange* указывает на длительность. Значение союза *nachdem* формируется через смысл завершенности действия, производный от понятия его законченности [ср.: Луценко 1985: 46; Steube 1980: 39].

Аспектуальная окрашенность немецких союзов проявляется еще и в том, что многие из них ограничивают выбор глагола-сказуемого относительно его предельности/непредельности. Например, союз *bis* допускает в качестве предикатов почти исключительно предельные глаголы. В тексте высказывания этот признак поддерживается дополнительными показателями предельности: наречиями типа *schlieЯlich*, *plutzlich*. В русском языке с соответствующим союзом *пока не* употребляются глаголы совершенного вида, ср.:

...*der Mann blickte ihr nach, bis sie die Tür hinter sich geschlossen hatte* (Sak., 44) – ...
муж проводил ее взглядом, пока за ней не закрылась дверь (Русск. Перевод, 42).

В некоторых случаях союз способствует полному переосмыслению семантики предикативного глагола: предельный глагол может получить непредельный смысл:

Zugleich aber auch schon, während noch dieses Lachen erklang, ließ der oben Geliebteste unten, neben dem Stuhlbein, die Reitpeitsche pfeifen (Th.M., 367) – Но не успел еще замереть в воздухе этот смех, как тот на эстраде, кого так страстно обласкали сейчас, шелкнул хлыстом у ножки стула (Русск. Перевод, 334).

Глагол *erklingen* является характеризованным по способу действия и обозначает его начало. Но в приведенном контексте под влиянием семантики темпорального союза он приобретает смысл длительности. В следующем примере наблюдается переосмысление неопределенного глагола в предельный:

Als etwa 15 Zahlen in verschieden langen Gliedern auf der Tafel standen, verlangte Cipola die gemeinsame Addition (Th.M., 342) – Когда на доске было записано примерно 15 различных чисел, Чиполла потребовал, чтобы публика сложила их (Русск. Перевод, 314).

Глагол *stehen* получает результирующий смысл, который в русском переводе передается причастием совершенного вида.

К факторам, компенсирующим отсутствие категории вида в немецком языке, можно отнести, на наш взгляд, развитие эпистемического значения предпочтения у временных союзов *ehe/bevor*. В разговорной речи (или при ее моделировании) они утрачивают временное значение и начинают характеризовать действие придаточного как недостаточно предпочитаемое, ср.:

Ich gehe ins Kloster, bevor ich Emma heirate – Лучше уж пойду в монастырь, чем жениться на Эмме (Руди Келлер);

Die Fuhrunternehmer stellten lieber die Lage in schwärzesten Farben dar, ehe sie sich für die Besserung der allgemeinen Versorgung ein Bein ausrissen (Schulz, 373) – Ну и владельцы машин не пожалели черной краски, расписывая создавшееся положение, лишь бы палец о палец не ударить ради снабжения жителей (Русский перевод, 340).

Итак, парадигматическое сопоставление показывает, что системы темпоральных союзов в обоих языках компенсируют ту или иную системную недостаточность, взаимодействуя с аспектуальными, а в отдельных случаях с модальными сферами.

Сопоставление функционирования союзов может быть проведено в двух аспектах: относительно места придаточного в СПП и способа представления темпорального отношения в тексте.

Каждая из трех возможных позиций придаточного в СПП функционально релевантна. Препозиция используется, как правило, в интродуктивной функции, интерпозиция – в функции дополнительной характеристики, придаточное предложение в постпозиции используется для развития повествования [Гулыга 1971: 81, Распопов 1964: 34, Beugel 1970: 199, Heidolph u. Kollektiv 1981: 793]. Сопоставление с русским языком подтверждает специфику каждой позиции, обнаруживая вместе с тем функциональные различия.

В контрастивном плане сопоставление функционирования вовлекает в анализ синонимические конструкции, специфичные для каждого языка. В русском языке к ним относятся деепричастные обороты, которые выступают в интродуктивной функции вместо темпорального придаточного в немецком. Такие обороты обозначают сопутствующие обстоятельства действия в главном предложении и соответствуют немецким придаточным с разными союзами. Характерно, что в зависимости от семантики немецкого союза стержневое деепричастие может быть совершенного или несовершенного вида, ср.:

Nachdem er seinen Seidenhut, seinen Schal und Mantel abgetan, kam er... wieder nach vorn (Th.M., 334) – Сняв шелковый цилиндр, шарф и крылатку, Чиполла снова вернулся к рампе (Русск. Перевод, 308);

Wenn sie im Bett lag, hörte sie manchmal noch lange die Männer in der Wohnstube auf und ab gehen (Sak., 53) – Лежа в постели, она порой еще долго слышала в горнице мужские шаги (Русск. Перевод, 49).

Уточняющий характер интерпозитивного придаточного подтверждается на материале переводов тем, что такое придаточное теряет в русском языке статус предложения и редуцируется до словосочетания и даже отдельного слова, ср.:

Man hatte die Szene mit Spannung verfolgt und applaudierte ihr, als sie beendet war, indem man sowohl "Bravo, Cippolla!" wie "Bravo, Giovanotto!" rief (Th.M., 340) – Все затаив дыхание следили за этой сценой и встретили ее развязку аплодисментами, крича то – «Браво, Чиполла!», то – «Браво, Джованотто!» (Русск. Перевод, 313).

Межъязыковое сопоставление подтверждает и функцию развития повествования постпозитивными придаточными: в русском переводе на их месте могут появляться потенциально самостоятельные предложения:

Sie mussten noch manche Wegschanke heben, bis sie endlich zum alten Fährhaus kamen (Sak., 42) – Им пришлось поднять еще несколько стволы, и вот наконец они подъехали к дому паромщика (Русский перевод, 45);

Die Frauen kicherten belustigt, bis eine sagte... (Sak., 9) – Женщины захихикали. Потом вдруг кто-то сказал... (Русский перевод, 15) .

Сопоставление способов передачи темпоральных отношений может быть рассмотрено в связи с их семантикой. Такое сопоставление выявляет универсальные и специфические средства, используемые русским и немецким языками для выражения одной и той же понятийной категории с аналогичными прагматическими установками. Одновременный учет семантики и прагматики дает когнитивно-прагматическую ситуацию, которая принимается за единицу контрастивного сопоставления.

Семантика одновременности выражается в языках большей частью аналогично. Различия касаются случаев, когда временные придаточные соприкасаются с модальной сферой. Отношение полной одновременности реализуется, как правило, в ситуации описания двух действий, являющихся разными сторонами одного глобального процесса. Прагматическая установка: параллельное включение двух повествовательных перспектив. В немецком языке используется союз *während*, в русском – союз *пока*:

Er saß... im Hintergrunde des Podiums und rauchte, während irgendwo im Saale unterderhand die Vereinbarungen getroffen wurden, denen er gehorchen sollte (Th.M., 346) – Он сидел в глубине эстрады спиной к публике и курил, пока где-то там в темном зале мы улавливались, что ему предстояло выполнить (Русский перевод, 317).

Отношение одновременности реализуется также через ситуацию темпорального ограничения процесса повторяющимися условиями его осуществления. В немецком языке используются союзы *solange*, *wenn sobald*, в русском – союзы *пока*, *когда*, *как только*:

Solange er sich unbeweglich hielt, stumpfte der Schmerz in den Nackenmuskeln ab (Apitz, 428) – Пока он стоял неподвижно, боль в шее притуплялась (Русский перевод, 293).

Выражение отношений частичной одновременности в немецком и русском языках совпадает не всегда. Наиболее характерное отличие русского языка состоит в замене немецкого придаточного на деепричастный оборот. Такие замены осуществляются, напри-

мер, в ситуациях обозначения двух действий одного лица, из которых одно действие является фоном другого. Придаточное предложение может при этом находиться как в пре-, так и в постпозиции. Ср.:

Während er die Treppe zu seinem Arbeitszimmer emporschritt, holte Alexander die Zeitungen aus der Tasche (Weisk., 331) – Подымаясь со второго этажа к себе в кабинет, Александр вынул из кармана газеты (Русский перевод, 331);

“Wie bitte?” öffte sie Adrienne nach, während sie die letzten Nadeln in ihre Frisur steckte (Weisk., 520) – «Пардон, как вы сказали?» – передразнила она Адриенну, втыкая в прическу последние шпильки (Русский перевод, 469).

Частичное совпадение во времени имеет место в ситуации прерывания процесса непредвиденным действием. Такая ситуация передается в немецком языке СППвр с союзом *als*, в русском же – сочетанием несовершенного вида глагола-сказуемого в главном предложении с придаточным предложением, вводимым союзом *когда*. СППвр служит переходом к новой теме. Ср.:

Krämer saß noch über dem Appel für den morgigen Tag, als Höfel eintrat (Apitz, 117) – Кремер еще сидел над сводкой для утренней проверки, когда вошел Гефель (Русский перевод, 84).

Аналогично передается ситуация, обозначающая прерванное намерение. В русском языке неожиданность прерывания, как правило, выражается лексически, ср.:

Erschreckt wollte Leopold von Wrbata sich zurückziehen, aber er war noch nicht über die Schwelle, als auf der gegenüberliegenden Wand eine Portierre auseinandergerafft wurde (Weisk., 295) – Перепуганный Польди хотел уйти, но не успел он переступить порог, как на противоположной стене раздвинулась портьера (Русский перевод, 359).

Ситуация иконического представления временного соотношения реализуется в обоих языках в СППвр с препозитивными придаточными, вводимыми союзами *nachdem*, *als*, *kaum dass* в немецком и *после того как*, *когда*, *едва только* в русском языке, а также в СППвр с постпозитивными придаточными, вводимыми соответственно союзами *bis* – *пока (не)*. В русском языке в некоторых случаях возможны деепричастные обороты или идиоматические структуры.

Иконически представляются обычно законченные, следующие друг за другом этапы более глобального действия. Иногда новый этап противопоставляется предшествующему с помощью противительного союза *aber*, ср.:

Nachdem er nämlich ausgeschrieben und das Geschriebene unter dem Blatt Papier verheimlicht hatte, drückte er den Wunsch aus, zwei Personen möchten aufs Podium kommen (Th. Mann, 336) – После того как он написал что-то на доске и прикрыл написанное листком бумаги, на эстраду были приглашены два человека из публики в качестве помощников (Русский перевод, 309);

Als der erregte Mensch sich aber steigerte, ...riss Max plötzlich den Mund auf und fletschte die Zähne, als wolle er zubeißen (Sak., 39) – Но когда разъяренный уполномоченный пуще того взвинтился..., Макс вдруг разинул рот и ощерил зубы – вот-вот укусит (Русский перевод, 39).

СППвр с союзом *bis* в немецком языке и союзом *пока* с отрицанием *не* в русском выражают в обоих случаях продолжительность действия до его логического конца. В русском языке вместо грамматического отрицания может быть употреблен глагол совершен-

ного вида, имплицитный отрицание лексическое. Наличие отрицательной частицы усиливает лексическое отрицание. Ср.:

Wir müssen warten, bis sich das Wasser verläuft (Sak., 57) – Подождать надо, пока вода не спадет (Русский перевод, 53);

Er sah Druskat an, verschlagen lächelnd, der musste warten, bis der Applaus endlich verrauscht war (Sak., 87) – Лукаво улыбаясь, он взглянул на Друската. Тот подождал, пока отгремят рукоплескания (Русский перевод, 76).

Межъязыковое сопоставление показывает, что иконическое представление временного предшествования в немецком и русском языках в большинстве случаев совпадает. Такое представление реализуется, кроме отмеченного выше, в ситуациях, обозначающих ответную реакцию на действие партнера или наступление события, в ситуациях, обозначающих восприятие персонажа в конечной фазе движения и некоторых других. Расхождения между языками проявляются в ситуациях иконического обозначения следования. В немецком языке здесь используются постпозитивные придаточные с союзами *ehe, bevor*, в русском – сложносочиненные предложения с союзными словами *тогда, потом*, эксплицирующими семантику следования. Ср.:

Lange hielt er die Schicksalspost auf der ölschmutzigen Hand, ehe er sich die Hände wusch und dann hinausging auf den weiträumigen Abstellplatz (Schulz, 316) – Он долго держал роковое письмо в перепачканной маслом руке, потом вымыл руки под краном и ушел за дом (Русский перевод, 230).

Опережающее представление временного соотношения событий реализуется в немецком языке в СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзами *nachdem, als*, а также в СПП с препозитивными придаточными с союзами *ehe, bevor*. В первом случае в русском языке используются СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзом *когда*, во втором – СПП с союзами *прежде чем, раньше чем*, а также синтаксические идиомы. В обоих языках опережающим способом может быть представлена, например, ответная реакция на действие партнера, ср.:

“Jaja”, nickte er vor sich hin, nachdem ihm Krämer den Grund seines Besuches erklärt hatte (Apitz, 89) – Да-да, – закивал он, когда Кремер объяснил ему причину своего визита (Русский перевод, 65);

Ehe sie das Brett wieder auflegten, zählte Brendel...die Dielen (Apitz, 262) – Потом положили доску, но перед тем Брендель сосчитал половицы (Русский перевод, 181).

Опережающим способом представляются неосуществившиеся события, за которыми следуют другие, реальные. В русском языке модальность неосуществленности или скрытое отрицание немецких предложений эксплицируется, но при этом утрачивается форма СПП:

...noch ehe er aber mit wilden Fäusten gegen die Tür trommeln konnte, war Kropinski bei ihm (Apitz, 438 f.) – С искаженным от ужаса лицом он хотел было заколотить руками по двери, но подоспевший Кропинский оттащил его прочь (Русский перевод, 299);

Doch bevor er sich aufs neue den Fluten seiner Beredsamkeit hingeben konnte, wurde Rankl unterbrochen (Weisk., 31) – Но Ранкль не успел снова отдаться потоку красноречия... (Русский перевод, 33).

Подводя итоги системно-функционального сопоставления немецких и русских СП-Пвр, можно заключить, что в языковом представлении временных отношений в немецком

и русском языках присутствует как сходство, так и различие. Сходство обусловлено общностью происхождения языков, использующих через систему темпоральных союзов аналогичный способ членения временного пространства. Общность генетического (культурного) контекста обуславливает в системном плане аналогичность метафорических переносов *пространственный предлог/наречие > темпоральный союз*, а в функциональном плане – аналогичность когнитивно-прагматических ситуаций. Основное отличие состоит в том, что в немецком языке выражение темпоральных отношений имеет более формальный характер, чем в русском. Это проявляется в следующем.

Система немецких темпоральных союзов более формализована, чем аналогичная система в русском языке. Немецкие союзы более устойчивы по форме; в отдельных случаях они теряют семантическую иконичность в пользу либо синтаксической иконичности, либо эпистемического значения предпочтения (*nachdem, ehe, bevor*). Русские темпоральные союзы могут в зависимости от логического ударения менять свою форму. При этом они практически всегда сохраняют семантическую иконичность.

В немецком языке сопутствующие обстоятельства формально не отличаются от темпоральных: и те, и другие выражаются придаточными предложениями. В русском языке сопутствующие обстоятельства передаются специальным средством – деепричастными оборотами.

В немецком языке чаще имеет место опережающее представление реальной последовательности действий, особенно в СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзом *nachdem*.

Иконическое представление временных отношений сохраняется в немецком языке за счет изменения внутренней формы союзов *ehe, bevor* в постпозиции, в то время как в русском языке в этих случаях последовательность действий эксплицируется лексически наречиями *тогда, потом*.

Смысловое отрицание действия или события, имплицитное в немецком языке в предложениях с союзом *bis*, в русском языке может эксплицироваться отрицательной частицей в составе союза *пока не*.

Отмеченные особенности соответствуют общей более строгой синтаксической организации немецкого предложения в сравнении с русским.

Сопоставительный анализ СПП с относительной связью в немецком и русском языках: система и функционирование атрибутивных СПП

СПП с относительной связью вот уже несколько десятилетий находятся в центре лингвистических исследований. При этом именно сопоставительно-типологические изыскания оказываются особенно плодотворными, поскольку типологически различные языки обнаруживают в их структуре и употреблении значительные различия. Так Б. Комри пишет, что немецкое относительное предложение, приводимое как образец предложений такого типа для европейских языков, распространено только в Европе и редко встречается в языках других частей света [Comrie 1995: 23 f.f.]. Разумеется, языки, географически далеко удаленные друг от друга, обнаруживают большие различия. Однако и в европейских языках, как показывают Г. Глинц и Г. Цифонун, достаточно оснований для контрастивно-го сопоставления [Glinz 1994: 745; Zifonun 2001].

При сопоставительном анализе немецких и русских СПП с относительной связью мы ограничимся только такими предложениями, в которых придаточные выполняют функцию определения. Как и в случае с СППвр, начнем с системного сопоставления, которое послужит основой для сравнения функционирования.

В европейских языках относительное предложение интерпретируется, как правило, как приименное [Формановская 1979: 177; Smits 1989: 39; Glinz 1994: 736; Zifonun 2001: 9], то есть предложение, зависящее от имени. В обоих языках отмечается, что оно рефери-

рует к целой пропозиции [Glinz, там же; Фигуровская 2000: 73]. Атрибутивные придаточные распадаются на две группы в зависимости от того, насколько тесно они связаны с определяемым именем. Однако эти группы выделяются по-разному. В немецкой грамматике во главе угла находится содержание придаточного, различающее направление номинации: придаточное либо ограничивает антецедент, либо добавляет к нему новую информацию. Придаточные называются соответственно **рестриктивными** и придаточными-**приложениями** [Eroms 2000: 293; Zifonun 2001: 9]. В грамматиках русского языка основное внимание уделяется просодической форме относительного предложения, тесно связанной с его тема-рематическим членением. Группы придаточных называются соответственно **одночленными** и **двучленными** [Поспелов 1959]. Последние называются также **дополнительными** [Формановская 1979: 177]. Несмотря на различные принципы вычленения, группы придаточных, в основном, совпадают: рестриктивным предложениям соответствуют одночленные, а придаточным-приложениями – двучленные относительные предложения. Ср.³:

DEU *Mann, der sehr alt geworden ist;*

Karl der Große, der in Rom zum Kaiser gekrönt wurde;

RUS *Есть люди, у которых вместо души популярная библиотека;*

Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что...

Системы вводящих относительных местоимений в обоих языках образуют два ряда: указательный и вопросительный. Указательные относительные местоимения в немецком языке начинаются на *d-* (*der*), а в русском имеют в своем составе звук *т-* (*тот, такой*). Вопросительный ряд образуют соответственно местоимения и наречия, начинающиеся на *w-* (*welcher, wo, wie u.a.*), и имеющие в своем составе звук *к-* (*который*) [Heringer 1996: 217, 219; Черемисина, Колосова 1987: 159]. Но значимость обоих рядов в немецком и русском языках не совпадает. В немецком языке они примерно равноценны [Zifonun 2001: 38], в русском же языке местоимения *тот, такой, что* функционируют в качестве коррелятов главного предложения, тогда как основной вводящий элемент *который* происходит из вопросительного слова.

Между языками наблюдаются и количественные различия в составе относительных местоимений, что обуславливает семантико-стилистическую дифференциацию. В русском языке представлены синонимические варианты местоимения *который*: *какой* имеет обобщающее сопоставительное значение, *кой, кои* имеет более высокую степень обобщения [Формановская 1989: 178] и воспринимаются как устаревшие. В немецком языке различие между *der* (*die, das, die*) и *welcher* не затрагивает семантической сферы. Последнее является устаревшим [Wahrig: 1424].

Типологически важное различие между языками обнаруживается в области развития аналитических черт. В немецком языке это находит выражение в фиксированном месте относительного местоимения в начале придаточного предложения, тогда как в русском оно перемещается на второе место, если функционально необходима форма родительного падежа. Ср.:

DEU *Das Problem, dessen Lösung bald gefunden werden wird...*

RUS *Проблема, решение которой скоро будет найдено...*

**проблема, которой решение скоро будет найдено...*

проблема, отмахиваться от решения которой грешно...

В русских атрибутивных относительных предложениях отмечаются и другие аналитические черты. Это употребление несклоняемого местоимения *что*, ср.:

Гюго ворвался в классический и скучноватый век, как вихрь, что несет потоки дождя, листья, тучи, лепестки цветов...;

Где эта девушка, что я влюблен... (из песни).

³ Примеры, если не указаны источники, взяты из: ZIFONUN 2001 и ФОРМАНОВСКАЯ 1979.

К аналитическим чертам можно, пожалуй, отнести и ограничения в употреблении относительного местоимения *koi*, которое встречается практически только во множественном числе и имеет иронический оттенок. Ср.:

**Она привезла подарок, кой произвел большое впечатление;*
?*Она привезла подарки, кои произвели большое впечатление*
Она подарила мужу игрушку, коей он и был очень доволен.

В целях контрастивного сопоставления небезынтересно проследить разницу в этимологии вводящих слов, которая в известном смысле определяет их семантику и семантику всего придаточного предложения. Характерно, что типичные для немецкого и русского языков относительные местоимения обнаруживают почти полярную семантику. Действительно, немецкое относительное местоимение *der* согласно данным этимологических словарей Г. Пауля [Paul 1960: 124] и Ф. Клуге [Kluge 1999: 172] возникло из указательного местоимения. Это означает, что первоначально оно имело указательную, то есть референциальную функцию. Русское относительное местоимение *который* восходит к старославянской форме *кѣи*, сочетавшей со значением относительности семантику вопросительности и неопределенности (*который, какой-то, какой-нибудь, некоторый*) [Цейтлин, Вечерка, Благова 1994: 302]. Таким образом, семантика русского относительного местоимения связана со значением неопределенности, но такой неопределенности, которая не мыслится без анафорической отсылки к антецеденту, даже в тех случаях, когда он – антецедент – отсутствует: *Попался, который кусался* [Мишланов 2000: 142]. Возможно, его анафоричность объясняется тем, что в современном языке местоимение утратило значение неопределенности, сохранив его только при употреблении в контексте исчисления [Ожегов 1992], ср.: *который раз тебе говорю*. Таким образом, семантика русского относительного местоимения *который* объединяет в себе анафоричность (не всегда референциальную) и неопределенность, ограниченную порядком исчисления. Это семантическое отличие делает наглядным контрастивное сопоставление.

Базой для сравнения функционирования СПП с определительными придаточными в обоих языках можно считать семантику относительной синтагмы, под которой Г. Цифонун понимает конструкцию *антецедент + придаточное предложение* [Zifonun 2001: 9]. Семантические различия относительных местоимений в немецком и русском языках обуславливают различное членение поля относительности. Это различие усугубляется тем, что в немецком языке антецедент употребляется с артиклем, выбор которого отчасти предопределяет семантику последующего определительного предложения. Контрастивное сопоставление с русским языком помогает выявить эту взаимосвязь.

Именное выражение образует ядро относительной синтагмы, а определительное придаточное модифицирует это ядро [Zifonun 2001: 9]. В немецком языке семантика именного выражения модифицируется еще и употреблением артикля. Наша гипотеза состоит в том, что происходит **согласование семантики обоих модификаторов**, хотя это и не находит эксплицитного выражения в форме придаточного предложения. Выдвигая гипотезу, мы опираемся на тезис И. Свитсер: «значение и его фрейм неотделимы друг от друга» [Sweetser 1990: 17]. Попытаемся доказать это.

Выбор определенного или неопределенного артикля придает антецеденту различные оттенки значения. Определенный артикль указывает на референциальность антецедента, неопределенный же свидетельствует либо о его генерализованном значении, или о том, что он выделяется коммуникативно. Соответственно этому определительное придаточное получает конкретизирующее, обобщающее или мотивирующее значение. В немецком языке это не выражено вводящим местоимением, но это находит выражение в вопросах к придаточному. Если антецедент употреблен с определенным артиклем, вопрос к содержанию придаточного формулируется вопросительным местоимением *welcher?* В случае неопределенного артикля при антецеденте спрашивают *was für ein?* В русском языке это различие в некоторых случаях обозначается выбором относительного местоимения. Относительное местоимение *который* имеет тенденцию обозначать конкретную референцию, а

относительное местоимение *какой* обнаруживает обобщающе-сопоставительное значение. Это различие подтверждается устойчивыми выражениями с обобщающее-негативным (*ни в коем случае*) или обобщающее-уступительным (*какой бы ни*) значением. Ни в том, ни в другом случае местоимение *который* не возможно, поскольку оно имеет указательный оттенок значения. С другой стороны, в русском местоимении *какой* обнаруживается обобщающий семантический компонент, что допускает его употребление во множественном числе при antecedенте, стоящем в единственном. Таким образом, качество, приписываемое этому antecedенту «извлекается» из конкретного контекста и переносится в более общий контекст. Ср.: *Стоял тихий вечер, какие бывают в начале лета*. Перевод на немецкий язык обнаруживает более высокую степень обобщения, чем в «нормальном» определительном предложении: *Es war ein ruhiger Abend, wie er am Anfang des Sommers sein kann*.

Следующие примеры иллюстрируют семантические различия относительных синтагм на материале немецких аутентичных примеров и их русских соответствий:

DEU *Die Kugel stammt aus dem Revolver, den man beim Diener gefunden hat (Dürr.) (Aus welchem Revolver stammt die Kugel?)* – Пуля была из револьвера, который нашли у слуги;

Wallau kannte er flüchtig, das war ein Mann, in den er sich nicht erst hineinzudenken brauchte (A.S., Kr.) (Was für ein Mann war Wallau?) – Валлау он знал понаслышке, это был человек, в каких не надо вдумываться, чтобы разобраться в них.

Определительные придаточные, antecedent которых стоит с неопределенным артиклем, как правило, имеют аппозитивный характер и отличаются коммуникативной выделенностью. Если при этом antecedent имеет конкретную референцию, русский перевод передает это союзным словом *который*. Неопределенный артикль создает эффект острашения, который в переводе может исчезнуть, ср.:

DEU *...der Alte...wies auf einen zweiten Lehnstuhl, der an den Tisch gerückt war (Dürr.)*– ...

старик показал на второе кресло, которое было придвинуто к столу;

В языках, располагающих артиклем, эффект острашения выражается ярче, чем в русском языке. Например, неопределенный артикль может создавать эпическую дистанцию, возникающую во включенных эпизодах. Ср. описание фильма, который смотрят герои повести А. Зегерс «Через океан», и его перевод:

Der Film spielte im Mittelalter, auf einer Straße, auf der man Bernstein transportierte. In einem Gasthaus, in dem sich der Transport immer aufhielt, gab es ein Mädchen, das in einen Händler verliebt war (A.S., Üb.) – Действие фильма происходит в средние века, на улице, по которой возили янтарь. В гостинице, в которой/где всегда останавливался транспорт, была девушка, влюбленная в одного торговца...

Подведем итоги.

1. Формальный состав относительных слов и их вариабельность различаются по языкам по степени флективности, которая в немецком меньше, чем в русском.
2. Этимология относительных слов также различна. В русском языке они происходят из вопросительного ряда, обладая дифференцирующим признаком неопределенности. Самое типичное немецкое относительное местоимение обнаруживает родство с указательностью. В некоторых случаях это накладывает отпечаток на употребление релятивных синтагм.
3. В сравниваемых языках различается и грамматическая семантика релятивных синтагм. В немецком языке это выражается в употреблении артикля при antecedенте придаточного определительного, хотя употребление артикля и не влияет на выбор относительного местоимения. В русском языке само относительное местоимение способно различать иден-

тифицирующую или обобщающее-сопоставительную семантику. В некоторых случаях употребление артикля при антецеденте придаточного в немецком языке можно сопоставить с выбором относительного местоимения в русском.

4. Употребление неопределенного артикля создает в немецком языке стилистический эффект остранения, который в русском языке отсутствует. В русском языке стилистическая дифференциация происходит с помощью вводящего местоимения *kou*, передающего иронический смысл, который трудно выразить в немецком языке.

Экземплярное сравнение функционирования: СПП с придаточными условия в немецком и русском политическом дискурсе

В языковом поле обусловленности центральный сегмент занимают сложноподчиненные предложения с придаточными условными (далее СППУ), основной прагматической функцией которых является смягченное представление некоторых фактов, прогнозов, предположений [ср. Brown, Levenson 1978; Fraser 1980; Langner 1994]. В немецком бытовом дискурсе они употребляются, как правило, для обозначения гипотетического поведения, гипотетической оценки, обещания, смягченного требования и подобных ситуаций [ср. Кострова 1992: 106-117].

Основная функция политического дискурса определяется как «его использование в качестве инструмента политической власти» [Шейгал, 2004: 34]. В политическом дискурсе, реализуемом на разных языках, используются различные средства манипуляции общественным сознанием. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать языковые средства обусловливания, которые могут быть интерпретированы как средства формулировки и разъяснения политической позиции (ориентации) [ср. Шейгал, 2004: 112].

Исследование выполнено на материале параллельного корпуса текстов, подготовленного кафедрой немецкой филологии Самарского государственного университета совместно с университетом г. Вюрцбурга и любезно предоставленного автору [DeR-Korpus]: проанализированы немецкий и русский варианты отчетных докладов Генерального секретаря ООН, которые можно рассматривать как межъязыковые трансформации одного содержания.

Гипотеза, которая проходит проверку на упомянутом материале, состоит в том, что категория условия, при ее эксплицитном выражении с помощью СППУ, отражает дискурсивную практику, в которой факты подаются не столь категорично. Объем проанализированного материала составляет около 5 тысяч предложений соответственно на немецком и русском языках, из которых методом автоматической сплошной выборки были отобраны СППУ, содержащие союз *wenn* в немецком тексте и их русские соответствия, и СППУ с союзом *если* и их немецкие соответствия. Ограниченный объем материала предостерегает от глобальных выводов, позволяя лишь наметить определенные тенденции.

Первое, что бросается в глаза при анализе автоматической выборки, – значительные количественные различия, зависящие от того, какой язык принимался за исходный. Исходя из немецкого языка, проанализированный корпус составил 112 немецких предложений и их русских соответствий, исходя из русского языка, выборка составила 47 русских предложений и их немецких соответствий. Общее число проанализированных СППУ составило в немецком языке 112, а в русском – 60. Такое разительное отличие объясняется тем, что немецкие СППУ нередко заменяются в русском варианте другими конструкциями, что с типологической точки зрения вполне понятно, поскольку русский язык обладает более гибкими структурно-синтаксическими возможностями. Кроме того, немецкий условный союз *wenn* в известных случаях обладает и временным или условно-временным значением, которое в русском трансформе передается, как правило, темпоральными союзами. Ср.:

Zudem kann die Nahrungsmittelhilfe ihre volle Wirkung nur dann entfalten, *wenn* sie mit anderen Programmen gekoppelt wird.

Schließlich sind wir bestrebt, Menschenrechtsinstitutionen auch dann weiter zu unterstützen, *wenn* ein Land die Phase der Friedenskonsolidierung bereits durchlaufen hat.

Кроме того, продовольственная помощь может давать максимальный эффект только тогда, *когда* она сочетается с другими видами помощи.

Наконец, мы стремимся продолжать оказывать поддержку правозащитным учреждениям и *после того, как* в стране заканчивается этап миростроительства.

Однако и при сравнении параллельных текстов, исходя из русского варианта, оказывается, что русскому условному союзу *если* не всегда соответствует немецкий условный союз *wenn*. Это подтверждает тезис о несовпадении объема и оттенков значений этих союзов, что и выявляет межъязыковая трансформация. Обратимся к анализу.

В грамматиках СППУ обычно разделяют по модальности на предложения, содержащие реальное и нереальное или потенциально-ирреальное условие. В первых употребляется, как правило, изъявительное наклонение, во вторых – сослагательное. Это формальное различие соблюдается в обоих языках. Чтобы объяснить семантические и функциональные различия, будем проводить сопоставление межъязыковых трансформов на основе когнитивно-прагматических ситуаций. Понятие когнитивно-прагматической ситуации, введенное нами ранее [см. Кострова 1992: 103-104], соотносимо с предлагаемым А.В. Бондарко понятием категориальной ситуации [Бондарко 2002: 291] и отличается от него только тем, что категориальные ситуации показывают *возможное* функционирование языковых единиц, а когнитивно-прагматические ситуации выявляют их *реальное дискурсивное* функционирование. Последнее определяется гиперинтенцией дискурса, системным соотношением средств в разных языках и существующими в них дискурсивными практиками. Категориальные ситуации образуют в совокупности функционально-семантическое поле, а когнитивно-прагматические – функционально-прагматическое, или дискурсивное поле. Категория условия реализуется в категориальных и когнитивно-прагматических (дискурсивных) ситуациях обусловленности.

Гиперинтенцию рассматриваемого дискурса можно определить как представление и объяснение взаимозависимости фактов международной жизни и некоторых перспектив развития. Исходя из этого, понятно, что в нем очень незначительно, буквально единичными случаями, представлено ирреальное условие. Ср. следующую ситуацию гипотетической оценки, аналогично передаваемую в немецком и русском трансформах:

Die Welt wäre jedoch sicherer und die Beziehungen zwischen den Staaten würden an Stabilität gewinnen, *wenn* die Reduzierungen irreversibel, transparent und verifizierbar *gemacht würden*.

Однако мир стал бы более безопасным, а отношения между странами более стабильными, *если бы* сокращения приняли необратимый, транспарентный и поддающийся контролю характер.

Гиперинтенция объясняет и другие обуславливающие ситуации, которые выделялись как методом интерпретативного анализа одноязычного дискурса, так и методом сопоставления межъязыковых трансформов. Наиболее типичными являются прогностические и фокусировочные ситуации. К первым относятся: ситуации обобщающего обуславливания; ситуации гипотетических действий, вытекающих из предполагаемых условий; ситуации представления альтернативной возможности; ситуации обусловленного целеполагания; ситуации обусловленности наличием или отсутствием чего-либо; ситуации обусловленного сопоставления; ситуации обусловленной инструментальности или способа осуществления поведения. Вторые реализуются как ситуации гипотетического ограничения углом зрения на событие или факт.

Некоторые их выделенных ситуаций аналогично передаются в обоих языках, например, ситуации обобщающего обуславливания. Обобщенность представлена в обоих языках генерализованными субъектами в главных предложениях. Ср.:

Keine Gesellschaft kann gedeihen, *wenn* ihre Mitglieder nicht gesund sind.

Общество не может процветать, *если* его народ не здоров.

Kinder können nicht lernen und Erwachsene nicht ihrer Arbeit nachgehen, *wenn* sie krank werden.

Дети не могут учиться, а взрослые - зарабатывать, *если* они больны.

Аналогия наблюдается иногда также в ситуациях гипотетического планирования действий, в ситуациях представления альтернативной возможности, содержащих, как правило, отрицание, и в ситуациях гипотетического ограничения углом зрения. Ср. соответственно:

Die Vereinten Nationen werden daraus gestärkt hervorgehen, *wenn* wir nüchtern analysieren, was geschehen ist, danach überlegen, welche Art von Organisation wir in Zukunft haben wollen, und schließlich darangehen, die notwendigen Veränderungen vorzunehmen.

Организация Объединенных Наций выйдет из этого испытания еще более крепкой, *если* мы дадим взвешенную оценку случившемуся, подумаем над тем, какого рода Организацию мы хотим иметь в будущем, и начнем осуществлять необходимые перемены.

Kann der Rat ernsthaft hoffen, daß die Konfliktverhütung zur Regel wird, statt die Ausnahme zu bleiben, *wenn* er sich *nicht* mit der gleichen Energie und Ernsthaftigkeit mit den den Frieden und die Sicherheit beeinflussenden wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungen befaßt wie mit den politischen?

Может ли Совет серьезно надеяться сделать предотвращение нормой, а не исключением, *если* он *не* будет заниматься теми экономическими и социальными процессами, которые влияют на мир и безопасность, столь же энергично и серьезно, как он занимается политическими вопросами?

Dies ist eine um so bemerkenswertere Leistung, *wenn* man das Ausmaß der Zerstörungen berücksichtigt, die...

Это достижение представляется еще более выдающимся, *если* рассматривать его с учетом той степени разрушений, которая...

Гораздо чаще, однако, ситуации представляются в немецком и русском языках по-разному. Это касается, прежде всего, ситуаций обусловленного целеполагания. В немецком дискурсе их отличительной особенностью является употребление в придаточном предложении с союзом *wenn* модальных глаголов *sollen* или *wollen*, значения которых способствуют созданию целевого оттенка. В русском дискурсе целевой компонент значения становится в таких случаях ведущим: условный союз заменяется на целевой или условному придаточному в немецком трансформе соответствует предложная группа отглагольного существительного с предлогом *für* в русском. Такие замены относятся к числу регулярных. Во всяком случае, в проанализированном материале не встретилось ни одного исключения. Ср. соответственно:

Auf dieser Tagung machte die Generalversammlung deutlich, daß die Industrieländer ihre finanzielle und technologische Unterstützung für die Entwicklungsländer wesentlich erhöhen müssen, *wenn* diese ihre einheimischen Ressourcen im Interesse weltweiter Umweltziele mobilisieren sollen.

На этой сессии Генеральная Ассамблея дала ясно понять, что развитые страны должны значительно расширить свою финансовую и техническую помощь развивающимся странам, *чтобы* последние могли мобилизовать национальные ресурсы на достижение глобальных экологических целей.

Gezieltes Zugehen auf junge Menschen ist ausschlaggebend, *wenn* die Vereinten Nationen auch in Zukunft ihre Relevanz bewahren wollen.

Для того чтобы Организация Объединенных Наций не теряла свое значение, необходимо работать с молодежью.

...*wenn* wir jedoch weiter *voranschreiten wollen*, müssen wir alten Ballast abwerfen und neue Leitvorstellungen und Wege ersinnen, um diese Ziele zu erreichen.

...однако *для продвижения вперед* нам нужно отказаться от старого багажа, выработать новое видение и разработать новые способы его воплощения в жизнь.

В других случаях расхождения в дискурсивных практиках немецкого и русского языков не столь регулярны, тем не менее, в них прослеживаются определенные закономерности. Исходя из приведенных выше частотных характеристик, немецкий дискурс предстает как более гипотетичный, в русском же степень гипотетичности ситуаций резко снижается. Покажем это на нескольких примерах.

Ситуация гипотетического планирования действий, представленная в немецком дискурсе СППУ, в русском сохраняет гипотетичность только благодаря употреблению будущего времени, тогда как условному придаточному соответствует расширенная номинализация, переводящая сложноподчиненное предложение в простое, осложненное причастным оборотом. Таким образом, из двух составляющих гипотетичности в немецком трансформе: условного союза и будущего времени, – в русском трансформе остается только второй, ср.:

Wenn die Mitgliedstaaten die Reformvorschläge beschließen, die ich der Generalversammlung im Juli vorgelegt habe, *werden* die Vereinten Nationen besser dafür *gerüstet sein*, ihren Teil zur Bewältigung dieser Herausforderung beizutragen.

Утверждение государствами-членами *предложений* относительно реформы, представленных мною Генеральной Ассамблее в июле этого года, *предоставит* Организации Объединенных Наций возможность более эффективно выполнять свою роль в решении этой задачи.

Ситуация выражения гипотетической возможности может передаваться в русском языке с помощью глаголов с семантикой зависимости (*зависеть, определяться*), которые более категорично эксплицируют обусловленность, ср.:

Die Verhinderung von Neuinfektionen ist letztlich das beste Mittel zur Abwendung der verheerenden Auswirkungen von Hiv; dies kann nur erreicht werden, *wenn* eine sorgfältig ausgewählte Kombination bereits erprobter Hiv-Verhütungsmethoden angewandt wird.

В конечном счете оптимальным путем предотвращения катастрофических последствий ВИЧ является пресечение новых инфекций, и успех *зависит* от использования тщательно подобранного набора опробованных и проверенных методов профилактики.

Ситуация рестриктивного представления некоторого факта передается в немецком дискурсе с помощью СППУ, а в русском трансформе придаточное предложение заменяется на лексическое выражение фактивности, например, посредством выражения *в деле*. Ср.:

Wie aus dem bisher Gesagten hervorgeht, haben die Vereinten Nationen in den letzten Jahren erhebliche Fortschritte erzielt, *wenn* es darum ging, sich den weitreichenden Veränderungen anzupassen, die sich in ihrem Umfeld vollzogen haben.

Как было показано на предыдущих страницах, в последние годы Организации Объединенных Наций удалось добиться значительных успехов *в деле* адаптации к далеко идущим изменениям внешних условий, в которых она функционирует.

Ситуация обусловленности наличием или отсутствием чего-либо, обозначаемая в немецком дискурсе с помощью СППУ, в русском получает более вариативное выражение, в котором присутствуют лексемы с соответствующими значениями. Утрата условного союза делает русские трансформы более категоричными. Ср.:

Auf der Tagung wurde hervorgehoben, dass es unbedingt notwendig ist, für ein beständiges Wirtschaftswachstum zu sorgen. Es wurde jedoch darauf hingewiesen, dass das Wirtschaftswachstum die nachhaltige Entwicklung nicht fördert, *wenn* es an sozialer Gerechtigkeit *fehlt*.

На этом заседании была подчеркнута исключительная важность достижения поступательного экономического роста, но при этом было отмечено, что в отсутствие социальной справедливости экономический рост *не обеспечит* устойчивого развития.

Wenn nur in begrenztem Maß tragfähige einzelstaatliche Mechanismen für die Naturkatastrophenabwehr *zur Verfügung stehen*, gewähren die Vereinten Nationen Hilfe in Form der Ressourcennobilisierung und Bereitstellung von Not- und Normalisierungshilfe für die betroffene Bevölkerung.

В странах, которые **располагают** ограниченными и малоэффективными национальными механизмами реагирования на стихийные бедствия, Организация Объединенных Наций оказывает помощь путем мобилизации ресурсов и оказания пострадавшему населению чрезвычайной помощи, а также помощи в восстановлении.

Ситуация альтернативной возможности в немецком дискурсе переходит в русском трансформе в ситуацию обусловленной отсутствием невозможности. Такой переход придает русскому дискурсу, как и в предшествующих ситуациях обусловленности наличием / отсутствием, более категоричный характер, ср.:

Wenn die Polizei und die Justiz in den einzelnen Staaten nicht gestärkt wird, **kann** es keine Welt ohne Drogen und Drogenbarone geben.

Мир, свободный от наркотиков и наркобаронов, **невозможно** создать **без укрепления** национальных судебных и правоохранительных систем.

Сопоставительный анализ, исходящий из русского трансформы, проявляет несколько иные оттенки обусловленности, хотя, конечно, встречаются и полностью аналогичные случаи. Различия наблюдаются, например, при выражении обусловленности в ситуациях сопоставления, которые в русском дискурсе передаются союзом *если*, а в немецком – союзом *während*. В русском трансформе сопоставление находит выражение в антонимичных лексемах главного и придаточного предложений, в немецком же она выражается грамматически, но при этом оттенок обусловленности уходит в подтекст и выявляется только с помощью трансформации. Русский вариант может иметь уступительный оттенок за счет союза *но*, который обнаруживается и в немецком варианте, о чем свидетельствуют возможные трансформации. Ср.:

Если в прошлом основу конфликтов составляли идеологические разногласия двуполярного мира, то **теперь** их питают этническая и религиозная нетерпимость, политические амбиции и алчность...

Während der Konfliktauslöser *früher* die ideologische Spaltung einer bipolaren Welt war, werden Konflikte *heute* durch ethnische und religiöse Intoleranz, politischen Ehrgeiz und Habgier geschürt... (*Wenn* der Konfliktauslöser *früher* die ideologische Spaltung einer bipolaren Welt war...)

Но **если** рынки стали *глобальными*, то правительства остались *локальными*... (*хотя / несмотря на то, что* рынки стали глобальными...)

Während die Märkte zu *globalen* Märkten geworden sind, agieren die Regierungen hingegen nach wie vor *lokal*... (*obwohl* die Märkte zu *globalen* Märkten geworden sind...)

Ситуации гипотетического обусловливания углом зрения могут передаваться в немецком трансформе второпричастными оборотами с фокусирующим значением, темпорально-ограничительными придаточными или описательно. Перевод гипотетичности в подтекст придает немецким трансформам более категоричный характер. Ср.:

Если рассматривать глобализацию в чисто географическом аспекте, то практически ничего нового в этом процессе нет.

Rein **geographisch gesehen**, gibt es an der Globalisierung eigentlich nicht vieles, das neu wäre.

Другой могучей силой, изменяющей сегодня мир, является процесс глобализации; это, может быть, самый мощный источник международных трансформаций, **если** взять период, истекший с тех пор, как промышленная революция начала превращать внешнюю торговлю в

Eine zweite grundlegende Kraft, die die heutige Welt neugestaltet, ist die Globalisierung; sie ist möglicherweise die tiefgreifendste Ursache internationalen Wandels, **seit** die industrielle Revolution den Außenhandel zu einer normalen Erscheinung des internationalen Lebens mach-

обыденный атрибут международной жизни. te.

Если говорить о других регионах, то Организация Объединенных Наций продолжает тесно сотрудничать с Организацией американских государств, в частности в Гаити, где продолжает свою работу направленная туда совместная Международная гражданская миссия.

Darüber hinaus arbeiten die Vereinten Nationen auch weiterhin eng mit der Organisation der amerikanischen Staaten (OAS) zusammen, insbesondere in Haiti, wo die gemeinsam aufgestellte Internationale Zivilmission nach wie vor ihre Aufgaben wahrnimmt.

Обобщим результаты сопоставления. В немецком и русском политическом дискурсе категория условия передается аналогично только примерно в половине случаев. Именно эту половину можно рассматривать как центр функционально-семантического и функционально-прагматического полей. Периферия полей формируется в зависимости от системных свойств языков и соответствующих дискурсивных практик. В первом случае она отражает специфику ФСП, во втором – функционально-прагматические особенности. Системные различия объясняются несовпадением объема значений немецких и русских условных союзов.

К признакам периферийности конструкций, выявленным на материале причинных отношений, относятся: 1) имплицитность отношений, 2) свернутая предикативность, 3) меньшая частотность по сравнению с конструкциями, относящимися к центру, 4) способность конструкции выражать сопутствующие отношения, контаминировать смыслы [Карышева 2004: 7-8]. Второй признак обусловлен системными свойствами языка, обеспечивающими возможность свертывания предикации за счет инфинитивных и причастных оборотов. Третий признак выводится из дискурсивных практик. Первый и четвертый признаки отражают как системные свойства языков, так и дискурсивные практики. Это означает, что периферия ФСП и ФПП частично совпадают. Определим ее состав в немецком и русском дискурсах.

В немецком ФСП ближнюю периферию образуют, вследствие их низкой частотности, СППУ с союзом *falls*, а также СППУ с союзом *wenn*, имеющие обобщающее условно-временное значение или оттенок целеполагания, создаваемый модальными глаголами *sollen*, *wollen*. На дальнюю периферию отходят второпричастные обороты с условно-фокусирующим значением, регулярно трансформируемые в обуславливающие предложения. Сопоставительные предложения с союзом *während* не всегда обнаруживают условный оттенок, поэтому те из них, которые этот оттенок имеют, логичнее отнести в рамках дискурсивной практики к функционально-прагматическому полю.

В русском ФСП на ближней периферии находятся СППУ, контаминирующие смыслы сопоставления, ограничения и фокусировки. На дальней периферии располагаются предложные конструкции существительного со значением обусловленности и глаголы с семантикой зависимости. СПП с придаточными цели не имеют в русском дискурсе значения условия и существенно уменьшают состав обуславливающего ФСП.

Таким образом, межъязыковое сопоставление параллельных текстов помогает выявить контаминированные смыслы и обнаружить расхождения в составе и конфигурации дискурсивных практик в различных языках. В свете проведенного исследования немецкий политический дискурс предстает в сравнении с русским как менее категоричный.

Выводы

Сложное предложение показывает закрепленную в системе языка практику соединения двух или более пропозиций. Контрастивное сопоставление немецкого и русского языков выявляет здесь сходные и различительные черты. Сходство состоит в аналогичном структурно-семантическом членении сложных, в частности, рассмотренных нами сложноподчиненных предложений, в которых выделяются функционально аналогичные придаточные предложения. Однако языковое пространство внутри каждого типа имеет специфическое для каждого языка членение, что проявляется в различной синонимике и в различном объеме значения подчинительных союзов и средств относительной связи. Намеченная методика сопостави-

тельного анализа функционирования СПП в дискурсивных практиках может дать интересные результаты, говорить о которых пока преждевременно.

Лексическая типология немецкого и русского языков

1. Общие лексические пласты и генетическая дифференциация лексики.
2. Семасиологический аспект: объем значения слова; многозначность; полисемия; синонимия.
3. Ономасиологический аспект: слово как средство номинации в немецком и русском языках.
4. Заимствования и лакуны.
5. Выводы

Общие лексические пласты и генетическая дифференциация лексики

Общность происхождения сопоставляемых языков позволяет обнаружить в них общий пласт лексики, восходящий к индоевропейскому периоду. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов, исследуя этот пласт, выделяют следующие тематические группы слов, объединяющие жизненно важные понятия. Это слова с конкретным значением, связанные с окружающим человека материальным миром, с физической природой самого человека и семейно-общественными отношениями. Ср. таблицу 1.

Таблица 10.

Индоевропейский пласт лексики		
	Русский язык	Немецкий язык
Термины родства	<i>Мать</i> <i>Папа</i> <i>Брат</i> <i>Дочь</i> <i>сын</i> <i>Сестра</i> <i>свекор</i>	<i>Mutter</i> <i>Vater</i> <i>Bruder</i> <i>Tochter</i> <i>Sohn</i> <i>Schwester</i> <i>Schwager</i>
Обозначения предметов и явлений окружающей среды	<i>Снег</i> <i>Солнце</i> <i>Ночь</i> <i>День</i> <i>Вода</i> <i>ветер</i>	<i>Schnee</i> <i>Sonne</i> <i>Nacht</i> <i>Tag</i> <i>Wasser</i> <i>Wind</i>
Названия частей и органов тела	<i>Сердце</i> <i>Нос</i> <i>Око</i> <i>рамо</i>	<i>Herz</i> <i>Nase</i> <i>Auge</i> <i>Arm</i>
Названия животных и птиц	<i>Кошка</i> <i>Гусь</i> <i>Мышь</i> <i>волк</i>	<i>Katze</i> <i>Gans</i> <i>Maus</i> <i>Wolf</i>

Разумеется, не всегда можно найти прямые лексические соответствия, подобные приведенным в таблице. Чаще установление индоевропейского родства требует специального этимологического анализа. Интересные данные такого анализа приводит Э. Бенве-

нист. Например, понятие 'брак' не имеет в индоевропейских языках специального обозначения. Тем не менее, обнаруживаются общие черты морфологического плана. Так, в зависимости от того, идет ли речь о мужчине или женщине, термины оказываются различными: терминология, относящаяся к мужчине, оказывается глагольной, а терминология, относящаяся к женщине – именной [Бенвенист 1970: 164]. В качестве примера Э. Бенвенист приводит глагольный корень **wedh-*. Ср. русск. *Привести жену в дом*. К этому корню восходит, видимо, и англ. *wedding*. Изменение положения женщины при подготовке к вступлению в брак, фиксируется русским словом *невеста*. Русское слово *брак* этимологически связано с глаголом *брать*, который употребляется по отношению к мужчине: *брать в жены*.

Л.П. Якубинский отмечает отсутствие общеиндоевропейских соответствий для многих других терминов относительно более поздней стадии развития, например, для терминов гончарного дела, для названий рыб и рыболовства, для названий лука и стрел [Якубинский 1986: 122]. Различна по разным группам индоевропейских языков и система терминов родовой организации, что свидетельствует об ином, более тесном генетическом родстве языков, формирующемся на этом этапе. К этому периоду можно, видимо, отнести формирование общегерманского пласта лексики в немецком языке и общеславянского пласта в русском.

Общегерманский пласт охватывает лексемы, продолжающие индоевропейскую традицию обозначения частей тела человека и явлений окружающей природы. Кроме того, он включает слова, обозначающие понятия, связанные с развитием производства, строительства, общественных институтов. Ср. таблицу 2, представляющую сравнение перечисленных тематических групп в немецком и английском языках.

Таблица 211

Общегерманский пласт лексики

	Немецкий язык	Английский язык
Обозначения предметов и явлений окружающей среды	<i>Sturm</i> <i>Winter</i> <i>Sommer</i> <i>Eis</i>	<i>Storm</i> <i>Winter</i> <i>Summer</i> <i>Ice</i>
Названия частей и органов тела	<i>Brust</i> <i>Hand</i> <i>Leib</i>	<i>Breast</i> <i>Hand</i> <i>Life</i>
Обозначения предметов, связанных с развитием производства	<i>Brücke</i> <i>Glas</i> <i>Grund</i> <i>Eisen</i>	<i>Bridge</i> <i>Glass</i> <i>Ground</i> <i>Iron</i>
Обозначения общественных институтов	<i>Gott</i>	<i>God</i>

Общеславянский пласт лексики прослеживается, например, на славянских терминах родового строя, которые не имеют соответствий в других индоевропейских языках. Славянские языки обнаруживают, напротив, многочисленные соответствия таким русским терминам, как *род*, *племя*, *месть*, *вече* [Якубинский 1986: 121].

Семасиологический аспект: объем значения слова; многозначность; полисемия; синонимия

В сопоставительном плане лексика изучается на уровне отдельного слова, лексико-семантических групп и общих лексико-семантических категорий. Выделение этих уровней, разумеется, условно, поскольку отдельные слова входят в лексико-семантические группы и обладают определенными лексико-семантическими категориями. Тем не менее, каждый уровень позволяет проявить в слове его семантическую специфику, показать разные стороны его значения.

Отдельные слова сопоставительно изучаются в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Первый аспект предполагает сопоставление объема значения слов в разных языках и их системных связей синонимического, антонимического и – шире – полевого характера. С позиций ономасиологии изучаются проблемы наименования, в круг которых вовлекаются вопросы развития значения слова, заимствований и лакун.

Несовпадение объема значения слов в разных языках можно считать типологической универсалией. Обусловлена эта универсалия тем, что в каждом языке слово входит в разные цепочки родственных слов и цепочки, образуемые ассоциативными связями. Ив Свитсер пишет в этой связи, что «внутренняя структура значения слова не автономна, но существует на фоне наших общих представлений о мире» и что «значение и его фрейм неотделимы друг от друга» [Sweetser 1990: 16, 17] (перевод мой – О.К.). Возьмем для примера простые слова, обозначающие конкретные предметы в русском и немецком языках: *окно* – *Fenster*. Русское слово *окно* входит в цепочку уменьшительно-ласкательно-пренебрежительных наименований *окошко* – *окошечко* – *оконце*. Тем самым объем его прямого значения сужается, поскольку в этом объеме выделяются некоторые специальные обозначения. Кроме того, слово имеет образно-переносное значение в профессиональном языке преподавателей: «вынужденный перерыв между уроками или парами». В этом случае объем его значения расширяется. Немецкое слово *Fenster* имеет только один уменьшительный вариант *Fensterchen*, и не обладает переносным значением. С этих позиций объем значения немецкого слова шире, а объем значения нейтрального русского слова *окно* уже. Рассмотренный случай типичен, поскольку развитая система словопроизводства в русском языке [еёздаепроизводит](#) впечатление «обилия» слов, которое создается рядами с уменьшительно-ласкательными, пренебрежительными или увеличительными коннотациями. В типологическом плане для русского языка характерна [«тенденция к группировке слов большими пучками вокруг основных центров значения»](#)~~номинативно-производный тип значения~~ [ср. Виноградов 1977: 162-189].

В немецком языке сужение объема значения происходит, как правило, за счет семантической дифференциации. Например, многие немецкие глаголы при общности денотативного значения «покрывают» только часть денотативного пространства, уступая другую его часть другому или другим глаголам. Нередко ограничение денотативного пространства обусловлено синтаксическими условиями употребления. Этот тип значения В.В. Виноградов назвал *синтаксически-ограниченным* [Виноградов 1977: 162-189]. В русском языке двум или нескольким немецким глаголам может соответствовать один глагол, который, соответственно будет иметь более широкий объем значения. Ср.:

знать – *wissen etw. (Allgemeines) oder wissen + придаточное дополнительное vs. kennen j-n, etw. (+ прямое дополнение);*

предлагать – *vorschlagen* (сделать что-то) + инфинитивная конструкция с *zu vs. anbieten + прямое дополнение.*

Таким образом, русские глаголы оказываются в типологическом плане гиперонимами, а немецкие, соответственно, – гипонимами. Соотношение гиперонимов и гипонимов – важный типологический признак, характеризующий лексические системы языков. Для немецкого языка более характерны гипонимы, что связано с развитым словосложением и дифференцированной категоризацией отдельных понятий. Однако, это только тен-

денция, а не абсолютное правило. Встречаются случаи, иллюстрирующие и обратные отношения. В таблице 3 представлены некоторые русско-немецкие гипо-гиперонимические параллели.

Таблица 312

Гипо-гиперонимические отношения в немецком и русском языках

Гиперонимы	Гипонимы
Русский язык	Немецкий язык
Рука Нога Место Лестница Отказываться Знать Остановиться Предлагать Происходить, случаться Надеть	Arm, Hand Bein, Fuß Platz, Ort, Stelle, Stätte Treppe, Treppenaufgang, Leiter, Stiege Verzichten, aufgeben, abschlagen, sich weigern, ablehnen Wissen, kennen Halten, stehen bleiben Vorschlagen, anbieten Geschehen, passieren, vorkommen, , vorfallen, unterlaufen, widerfahren, zustoßen, sich ereignen Anziehen, aufsetzen, umlegen, anlagen, umbinden, anstecken
Немецкий язык	Русский язык
Vermissen Zitieren Die Reserve Die Intelligenz Komisch Bringen Kommen gehen	Недосчитываться, замечать отсутствие к.-л., скучать о к.-л., жалеть о к.-л., пропасть без вести Цитировать, вызывать к начальнику Резерв, сдержанность Интеллигенция, ум Смешной, странный Приносить, привозить Приходить, приезжать Уходить, уезжать

Системное сопоставление лексики включает наряду с приведенным выше сравнением гипо-гиперонимических отношений сопоставление группировок слов и по другим признакам, прежде всего, по признаку синонимичности / антонимичности.

Основные закономерности формирования **синонимов** сходны в обоих языках. Нередко синонимы возникают в результате заимствования, которые могут частично совпадать по значению с исконными словами. Ср. русск.: *устроить* – *организовать*, *недостаток* – *defizit* и нем.: *veranstalten* – *organisieren*, *Mangel* – *Fehlbetrag* – *Defizit*.

Особенностью немецкого языка являются территориальные дублеты, то есть диалектные варианты, употребляемые в различных областях Германии, австрийские и швейцарские варианты. Они принимаются в литературный язык через художественную литературу и средства массовой информации. Ср.: *Sonnabend* – *Samstag*, *Gardine* – *Vorhang*, *Junge* – *Bube*, *Falter* – *Schmetterling*, *Schlächter* – *Fleischer* – *Metzger* – *Fleischhauer*. Специфику русских синонимических рядов составляют уменьшительно-ласкательные цепочки: *заяц* – *зайка* – *зайчик* – *зайчонок*.

Ономасиологический аспект: слово как средство номинации в немецком и русском языках

Контрастивное исследование слова как средства номинации предполагает сопоставление номинативных возможностей слова и развития его значения.

Универсальные средства номинации делятся на внутренние и внешние. К внутренним относятся: образование новых слов, переосмысление значения существующих слов и использование в качестве номинативного средства словосочетаний. Внешним средством номинации являются заимствования (мы рассмотрим их в следующем разделе). Степень использования того или иного средства – важный типологический признак языков.

Основному номинативному средству – словообразованию – посвящен специальный раздел выше. Обратимся поэтому к сопоставлению развития значения слова в немецком и русском языках, которое ведет, как правило, к формированию его многозначности.

Многозначность представляет собой языковую универсалию. Существуют универсальные законы развития многозначности, проявляющиеся в разных языках, например, закон перехода от конкретного к абстрактному. Основные средства развития многозначности – метафорические и метонимические переносы. Главное направление таких переносов отражено в универсальном семантическом законе – антропоморфизме. Соответственно этому наименования переносятся от человека на весь остальной мир. Ив Свитсер называет метафоры такого рода “*the Mind-as-Body Metaphor*”. Ярким примером таких метафорических переносов являются наименования деталей орудий, которые осмысливаются и называются по аналогии с частями тела, выполняющими аналогичные функции. Характерно при этом, что в русском языке переносные названия, как правило, представляют собой производные имена с уменьшительными суффиксами, ср.: *ручка, ушко (иголки), головка (винта), горлышко (бутылки), спинка (кресла), ножка (стола, кровати)*. В немецком языке отмечаются аналогичные переносы, но нередко они охватывают другие номинации и входят в состав сложных слов, ср.: *Flaschenhals, Landzunge, Meeresbusen, Tischbein, Fussende des Bettes*.

И. Свитсер поясняет свою интерпретацию направлений метафорических переносов примерами наименований эмоций во многих индоевропейских языках, которые восходят к наименованиям физических действий, ощущений или органов тела, затронутых этими эмоциями [Sweetser 1990: 28]. Например, физическая функция сердца – перекачивание крови – зависит от таких сильных эмоций, как любовь, печаль, страх; поэтому *сердце* может символизировать эти эмоции. Ср. выражения: рус. *от всего сердца, сердце в пятки ушло, предложит руку и сердце* и нем. *Vom ganzen Herzen, es ist mir schwer ums Herz, das Herz ausschütten* и мн.др.

Интересные аналогии наблюдаются в сфере метафорических переносов, касающихся глаголов сенсорного восприятия. Ив. Свитсер приводит семантические ресурсы глаголов видения, общие для индоевропейских языков. В эти ресурсы входят: физическая природа видения (например, наименования органа зрения *глаз – Auge* используются в качестве производящей основы для глаголов *глазеть, глядеть – äugeln, liebäugeln*), метафоры видения как физического прикосновения (*поймать взглядом – ins Auge fassen*). Базовый индоевропейский корень **weid* получает в индоевропейских языках абстрактный смысл, ср. рус. *видеть* → *ведать*, нем. *wissen*, англ. *wise* [ср. Sweetser 1990: 32-33].

Универсален и путь развития эпистемического (логического) значения модальных глаголов от их более конкретного основного значения, которое И. Свитсер называет «социофизическим» [Sweetser 1990: 30]. Например, значение долженствования развивается в значение предположения, ср.: нем. *Du must um 10 zu Hause sein, sonst beklage ich mich bei der Mutter* vs. *Er muss zu Hause sein: ich sehe seinen Mantel*; рус. *Ты должен быть дома в 10, а то я пожалуюсь матери* vs. *Он, должно быть, дома, я вижу его пальто*.

Тем не менее, отмеченная выше фреймовая связанность значения слова обуславливает межъязыковые различия в употреблении, а именно в выборе наименования. А.И. Фефилов приводит такие показательные различия в употреблении слов *тетрадь, книга/книжка, журнал* в немецком и русском языках: *Quittungsblock* (но не *Quittungsbuch*) – *книжка* квитанций, *Fahrscheinheft* – билетная *книжка*, *Klassenbuch* – *классный журнал*, *Schiffstagebuch* – *судовой журнал* [Фефилов 1985: 58].

Переносное употребление слов ведет к образованию семантических неологизмов, в формировании которых не всегда прослеживаются универсальные закономерности. Этот процесс тесно связан с социальным развитием и прагматическими потребностями, возникающими в языковом коллективе. Некоторые примеры семантических неологизмов сведены в таблице 4.

Таблица 413

Семантические неологизмы немецкого и русского языков

Русский язык	Немецкий язык
<i>После августа</i> <i>Мифологическое сознание</i> <i>Мифотворчество</i> <i>перестройка</i> <i>Челночная дипломатия</i> <i>Дефицит совести</i> <i>Либерализация цен</i> <i>мафия</i> <i>Прокол</i> <i>Комок</i>	<i>Fettpolster (резервный капитал)</i> <i>Autofalle: heimliche Geschwindigkeitskontrolle</i> <i>Buchen (ein Ticket)</i> <i>Das Coupe: Zweipersonenwagen</i>

Займствованиа

В заключение сопоставления лексических систем рассмотрим займствованиа.

Займствование новых слов представляет собой универсалию языкового развития, обусловленную языковыми контактами. Глобализация и создание «всемирной паутины» обусловили массовый приток в разные языки мира англицизмов. Не остались в стороне от этого процесса и немецкий и русский языки, однако процесс адаптации англицизмов протекает в них с разной скоростью. Немецкий язык легче и быстрее воспринимает и ассимилирует их, чем русский, что вполне объяснимо его более близкими генетическим связями с английским языком.

Займствоваться могут словообразовательные элементы, полнозначные и служебные слова. Среди словообразовательных элементов особенно много префиксов. По подсчетам В.Н. Федорцовой, займствованные (преимущественно интернациональные) аффиксы и полуаффиксы составляют около 70 % общего числа аффиксов в немецком языке [Федорцова 1991: 73]. На материале русского языка мы не располагаем такими данными, тем не менее, можно предположить, что и в русском языке интернациональных словообразовательных элементов греко-латинского происхождения довольно много. Это касается, например, связанных препозитивных морфем, развившихся из знаменательных слов, таких как *мини-*, *макро-*, *поли-*, *изо-*, *би-*, *моно-*, *псевдо-*. Эти компоненты встречаются и в немецком языке, ср.:

Нем.	Minirock	Русск.	Миниюбка
	Makrotext		Макротекст
	Polytechnisch		Политехнический
	Isotopie		Изотопия
	Bilateral		Билатеральный
	Monographie		Монография
	Pseudoliterarisch		псевдолитературный

Как следует из примеров, немецкий и русский языки нередко заимствуют одни и те же слова. Однако не всегда объем значения этих слов в том и другом языке совпадает. Например, слово *Probe* – *проба* в немецком языке означает не только «попытка» или «проба металла», но и «репетиция». Последнее значение в русском языке отсутствует. Еще более показательное заимствованное слово *Mine* – *мина*, которое в немецком языке кроме значения «взрывчатка» означает еще «рудник», «стержень ручки», «графит» [ср. Gladrow 1989: 167 f.].

Сравнивая заимствования в русском и немецком языках, В. Гладров отмечает, что они различаются и по форме, поскольку ассимилируются к разным языковым системам. Например, слово *джинсы* получило русскую форму множественного числа, а в немецком сохранило английский суффикс: *Jeans*. Сопоставление одинаковых заимствованных слов показывает системные различия, ср.:

Nation	Нация (← frz. <i>nation</i> ← lat. <i>natio</i>)
Realismus	Реализм (← frz. <i>réalisme</i>)
Ambulatorium	Амбулатория (← lat. <i>ambulatorius</i>)

Формально различаются и заимствованные словосочетания. В русском языке они, как правило, стягиваются в одно слово, а в немецком сохраняют отдельное написание. Ср.: *Pas de deux* (← frz.) и *падеде*, *Eau de Cologne* (← frz.) и *одеколон* [Gladrow 1989: 164 f.].

Процесс заимствования неравномерно протекает в разных частях речи. Особенно заметна разница между существительными и глаголами и неполнозначными частями речи в русском языке. Имена заимствуются легче, чем названия действий или процессов. Возможно, это объясняется тем, что без названия новой вещи или предметного понятия языку обойтись труднее. С другой стороны, специфика русской глагольной парадигмы в ряде случаев препятствует проникновению в русский язык вербальных понятий. Например, понятие *дизайн* заимствовано и русским, и немецким языками, но только в немецком языке оно употребляется и в качестве глагола, ср.: *Der Architekt designt ein Haus; Er hat ein Haus designt* [Sick 2004: 186]. Такие глаголы, как *recyceln*, *chatten*, *simsen* также не восприняты русским языком, хотя некоторые из них употребляются в виде существительных, например, *общаться в чате*. Однако, это не универсальная закономерность, поскольку некоторые глаголы все же находят путь в русскую языковую систему, ср. *лоббировать*, *ксерокопировать*, *сканировать*.

Неполнозначные части речи, например, предлоги, заимствуются намного реже, что само по себе неудивительно, так как состав этого класса слов ограничен. Тем не менее, на материале немецкого языка выделены следующие заимствованные предлоги: *ad*, *contra/kontra*, *exclusive/exklusive*, *inclusive/inclusive*, *minus*, *per*, *plus*, *pro*, *puncto/punkto*, *qua*, *versus*, *via*, *à*, *vis-à-vis* [Di Meola 2005: 252]. Из перечисленных предлогов в русский язык вошли, пожалуй, только *минус*, *плюс*. *Про-* и *контра-* фиксируются словарем как приставки, а *визави* – либо как наречие (напротив, друг против друга), либо как существительное (тот, кто находится напротив) [Словарь иностранных слов 1985]. *Эксклюзивный* используется как прилагательное. Это свидетельствует о том, что процесс грамматикализации предлогов протекает в русском языке медленнее, чем в немецком.

Выводы

Сказанное выше позволяет заключить, что, несмотря на уникальность лексических систем каждого языка, в них проявляются общие закономерности, дающие основания для их сопоставительного рассмотрения. Эти закономерности касаются принципов развития словарного состава в целом, принципов развития значения слова и принципов именования, которые используются в языках.

Развитие словарного состава разных языков в историческом плане можно расценивать как преимущественно дивергентное, о чем свидетельствует формирование лексиче-

ских пластов, общих для германских и славянских языков, и далее лексических пластов, уникальных для немецкого и русского языков. Вместе с тем, современное развитие дает свидетельства и некоторого сближения лексических составов за счет заимствований и интернационализмов, которые, однако, по-разному ассимилируются в немецком и русском языках.

Развитие значения слов идет по универсальным семантическим законам, которые в каждом из языков имеют специфическое преломление. Более выраженная флективность русского языка обуславливает более медленные темпы освоения заимствований и грамматикализации лексических единиц.

Заключение

Системное сопоставление грамматического строя и лексического состава немецкого и русского языков позволяет прийти к следующим выводам.

Генетическое, хотя и дальнейшее, родство языков обуславливает сходство многих структурных черт и семантических признаков. Это сходство проявляется как в формально-грамматической, так и в лексико-семантической сферах. Назовем его индо-европейской универсальностью.

В области грамматики индо-европейскую универсальность можно видеть в аналогичности систем частей речи, многих морфологических показателей и категорий, в общих тенденциях полярности синтаксических групп существительного и глагола и построения простого и сложного предложений. В области лексики эта универсальность наблюдается в аналогичности ее системных группировок и принципов развития. В области словообразования обнаруживается аналогичность используемых способов. Общие черты позволяют охарактеризовать оба языка как языки преимущественно флективного (синтетического) строя.

Тем не менее, длительное дивергентное развитие немецкого и русского языков привело к значительным различиям в их грамматическом строе и лексическом составе. Типологическое сопоставление на уровне современного синхронного среза позволяет констатировать, с одной стороны, различия в степени употребительности определенных грамматических средств, способов словообразования и номинации, а с другой стороны, развитие черт, уникальных относительно друг друга. В первом случае речь идет либо о наличии в каждом из языков различных ведущих тенденций при сохранении возможности альтернативных способов лексико-грамматического структурирования (например, в словообразовании, в склонении существительных, при ассимиляции заимствований), либо о различиях в степени реализации той или иной тенденции (как это наблюдается в простом предложении).

Во втором случае устанавливаются относительно уникальные черты, образующие межъязыковые оппозиции. К ним относятся, в первую очередь: относительно фиксированный порядок слов в немецком языке и относительно свободный порядок слов в русском; система относительных глагольных времен в немецком и ее отсутствие в русском языке; видо-временная система глагола в русском языке и отсутствие категории глагольного вида в немецком; наличие категории определенности/неопределенности в системе немецкого существительного и отсутствие этой категории в русском языке; грамматическая омонимия краткой формы прилагательного и наречия в немецком языке и отсутствие таковой в русском; морфологическая переменность класса прилагательных в немецком языке и отсутствие таковой в русском, относительно жесткая организация синтаксических групп в немецком языке и относительно гибкая структурная организация этих групп в русском.

Анализ относительных уникалий немецкого и русского языков подтверждает известное утверждение о том, что в немецком языке более активно развиваются аналитические тенденции, тогда как русский язык сохраняет черты синтетического строя. На материале немецкого языка это подтверждается развитием аналитических глагольных форм, артикля как аналитического показателя грамматических категорий имени существитель-

ного, омонимии форм прилагательного и наречия, относительной фиксацией порядка слов, формированием системы нейтральных флексий существительного и прилагательного. Синтетизм русского языка ярко проявляется в словообразовании, ведущей тенденцией которого является словопроизводство. Не менее ярко он проявляется и в системе видо-временных глагольных форм, которая, в основном, однословно представляет действие как целостно-завершенный или длящийся незавершенный процесс. Синтетизм проявляется и в сохранении богатой флексии в системе существительных и прилагательных, в том числе при грамматической адаптации заимствований.

Синхронный сопоставительный анализ немецкого и русского языков позволяет выявить межъязыковую полярность, наблюдаемую между отдельными категориями обоих языков. В этом смысле могут быть противопоставлены друг другу категории, концентрирующие признаки синтетизма, с одной стороны, и анализизма, с другой. По этому параметру противостоят друг другу категория времени в немецком языке и категория вида в русском, омонимия краткой формы прилагательного и наречия, распознаваемая в контексте, в немецком языке и отсутствие таковой в русском, морфологическая переменность прилагательного, определяемая контекстом, в немецком языке и отсутствие таковой в русском, синтетико-аналитический способ выражения категорий числа и падежа в немецком языке и преимущественно синтетический способ их выражения в русском, относительно фиксированный порядок слов в немецком и относительно свободное словорасположение в русском языке.

Наряду с реализацией основных перечисленных выше тенденций синтетизма и анализизма в обоих языках действуют и некоторые противостоящие им тенденции. Например, в сфере номинации русский язык нередко использует в качестве номинативного средства словосочетание, то есть аналитическую единицу, тогда как немецкий язык прибегает к сложным словам, представляющим одну структурную единицу. В русском языке наблюдается тенденция к формированию омонимии падежных форм, к аналитическому выражению категории рода в прошедшем времени и некоторые другие аналитические тенденции. Тем не менее, в целом уникальность русского языка относительно немецкого можно видеть в его синтетизме, а уникальность немецкого языка относительно русского – в его анализизме.

Другой тип межъязыковых различий обусловлен социокультурной ситуацией, в которой происходит развитие того или другого языка и которая определяет востребованность того или иного языкового средства. В данной работе описаны прагматические различия в употреблении форм глагольного наклонения в связи с анализом прагматической категории вежливости, которая более полно представлена в немецком языке. Возможно, это объясняется развитием куртуазной культуры в средневековой Германии, тогда как русское государство осталось вне этого процесса. Другой пример прагматической типологии – сопоставление функционирования сложноподчиненных предложений с придаточными условиями и их эквивалентов в политическом дискурсе. Этот пример позволил выявить большую степень жесткости русского политического дискурса по сравнению с немецким, что можно объяснить более выраженными демократическими традициями в немецкой культурной среде по сравнению с русской.

С этих позиций можно сопоставлять типологию языкового употребления. В этом направлении сделано пока немного, и основная работа по созданию системной типологии такого рода еще предстоит. Было бы интересно проанализировать, например, употребление уменьшительно-ласкательных существительных и прилагательных в русском и немецком языках, функционирование в них имен собственных. В качестве перспективы исследования на повестке дня стоит сопоставление утилитарных текстотипов и принципов построения научного дискурса.

Библиография

Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. – М.: Владос, 2001.

Абрамов Б.А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке: Учеб. пособие по курсу теоретической грамматики немецкого языка.. – М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1972.

Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1973.

Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963.

Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1973.

Адмони, В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // Вопросы языкознания, 1958, № 1.

Адмони, В.Г. Структурный каркас элементарного предложения в современных германских языках // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.

Ажеж, К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. Б.П. Нарумова. – Москва: УРСС, 2003.

Аналитические конструкции в языках различных типов / Отв. ред. В.М. Жирмунский и О.Н. Суник. – М.-Л.: Наука, 1965.

Аникина, А.Б. Глагол // Современный русский язык: Лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология. / Ч. I. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 241-264.

Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1979.

Арутюнова, Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972.

Балли, Ш. Общее языкознание и вопросы французского языка. – М.: изд-во иностранной литературы, 1955.

Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М. Высшая школа, 1977.

Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 3, М.: Прогресс, 1963.

Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс, 1995.

Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: изд-во АН СССР, 1963.

Бондаренко, М.В. Социолингвистические и системные лексические параметры становления языкового континуума в Северной Америке // Язык в мультикультурном мире: Тез. и мат-лы межд. конф. – Самара, 1999. – С. 14-16.

Бондаренко, М.В. Системные лексико-семантические характеристики существительных в новозеландском варианте английского языка // Язык в пространстве и времени: Тез. и мат-лы межд. науч. конф. 29-30 окт. 2002 г. – Самара: СамГПУ, 2002. – С. 75-78.

Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – М.: Просвещение, 1971.

Бондарко, А.В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // Вопросы языкознания, 1974, № 2.

Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1971.

Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1983.

Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд 3-е, стереотипное. – М.: УРСС, 2003.

Бурдаева Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка как родного и иностранного): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. / Отв. Ред. И сост. М.А, Кронгауз. – Москва: Русские словари, 1997.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – Москва: Языки русской культуры, 1999.

Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977, с. 162-189.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.

Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

Вригт, Г.Х. Время, изменение и противоречие // Г.Х. Вригт. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986.

Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1985.

Галкина-Федорук, Е.М. Типы односоставных предложений // Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Гос. Учебно-педагогич. Изд-во, 1958. – С. 102-142.

Галкина-Федорук Е.М. О двусоставных и односоставных предложениях в современном русском языке // Филологические науки, 1959, № 2.

Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. – М.: Учпедгиз, 1961.

Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – Москва: Гос. уч.-пед. изд-во Минва просвещения РСФСР, 1955.

Горлатов, А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке: Монография. – Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2002.

Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии. – М.: изд-во Московского ун-та, 1969.

Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии // Новое в лингвистике, вып. 3. – М.: Прогресс, 1963.

Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1995.

Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. – Москва: Высшая школа, 1971.

Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию – М.: Прогресс, 2000.

Гундарева, Е.С., Кострова, О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными). – Тольятти: Тольяттинский ун-т, 2005.

Давыдова, М.М. Социокультурные факторы формирования интонации австралийского варианта английского языка // Язык в мультикультурном мире: Тез. и мат-лы межд.конф. – Самара, 1999.

Драбкина, И.В. Прагмалингвистические аспекты письменного делового общения (на материале англоязычных текстов контрактов и деловой корреспонденции): Автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Самара, 2001.

Дубинин, С.И. Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья: Автореф. дис....докт.филол.наук. – М., 2002.

- Ермолаева, Л.С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. – М.: Высшая школа, 1987.
- Звегинцев, В.А.* Современное направление типологического изучения языков // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 3, М.: Прогресс, 1963.
- Зеленецкий, А.Л., Монахов, П.Ф.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. – М.: Просвещение, 1983.
- Зеленецкий, А.Л., Новожилова, О.В.* Теория немецкого языкознания: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003.
- Земская, Е.А.* Русская разговорная речь.
- Зиндер, Л.Р., Строева, Т.В.* Современный немецкий язык: Теоретический курс. – М.; изд-во лит-ры на иностранных языках, 1957.
- Ивич, М.* Оппозиция “ Односоставные предложения – двусоставные предложения “. // Филологические науки. 1985, № 4.
- Исаченко, А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Ельмслев, Л.* О категории личности – неличности и одушевленности – неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука. Главная ред. восточной лит-ры, 1972.
- Емельянова, С.Е., Соловьева, И.В.* Представления о времени и пространстве в сознании средневекового человека (на примере деловой прозы XIV-XVI веков) // Пространство и время в языке: Тез.и мат-лы межд.конф. Ч. 3. – Самара, 2001.
- Жакова, Т.Е.* Типологические связи внутри бинарной оппозиции «верх – низ» («земля – небо») на основе сравнительно-исторического метода этимологического анализа // Язык. Человек. Культура: Мат-лы межд.науч.-практ.конф. – Смоленск, 2002. – С. 82-86.
- Закуткина, Н.А.* Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – М., 2001.
- Золотова, Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973.
- Золотова, Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд-е 2-ое. стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Карышева, А.В.* Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал: Автореф.дис. ... канд.филол.наук. – Самара: пед. ун-т, 2004. – 23 с.
- Кацнельсон, С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972.
- Ковтунова, И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976.
- Копчук, Л.Б.* Фразеология немецкого языка Австрии в национально-культурном аспекте // Россия – Австрия. Этнос и культура в зеркале языка и литературы: Мат-лы межд.науч.конф. – М., 2003. – С. 26-29.
- Коротков, Н.Н., Панфилов, В.З.* О типологии грамматических категорий // Вопросы языкознания. 1965, № 1.
- Костинский, Ю.М.* Вопросы синтаксической парадигматики // Вопросы языкознания, 1969, № 5.
- Кострова, О.А.* Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации: на материале современного немецкого языка. – Самара: изд-во Саратовского ун-та, Самарский филиал, 1992.
- Кострова, О.А.* Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством: Автореф. дис. ...докт. филол.наук. – Москва: АН СССР, 1991.
- Кострова, О.А.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и русском языках // Самарский гос. педагогич. ун-т. Вестник факультета иностр.языков. № 2. – Самара, 2001.

Кострова, О.А. Категория условия в немецком и русском политическом дискурсе // Язык. Человек. Культура: Мат-лы межд. Науч.-практ. Конф. 21-23 марта 2005 г. – Смоленск, 2005. – Ч. 1.

Кострова, О.А. Диатопическое языковое варьирование как предмет современной компаративистики // Компаративистика: современная теория и практика: Межд. конф. и XIV Съезд англистов (13-15 сентября 2004 г.) – Т.1. – Самара: СГПУ, 2004.

Кострова, О.А. Интерактивная типология: немецкий, английский, русский языки. Проблемы, задания, тесты. М.: Высшая школа, 2007.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001.

Красухин, К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. Ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 62-77.

Крейдлин, Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка: Язык и время. – Москва: Индрик, 1997. – С. 139-151.

Кронгауз, М.А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. Ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 152-157.

Крушельницкая, К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М.: изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961.

Кубарев, Е.М. О сопоставительном методе в языкознании (На примере категории отрицания в русском и немецком языках) // Самарские филологи. Евгений Михайлович Кубарев: Сочинения. – Самара: изд-во СамГПУ, 2001, с. 10-26.

Кубрякова, Е.С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М.: Наука, 1966.

Кубрякова, Е.С. Имя прилагательное // Историко-типологическая морфология германских языков: Фономорфология. Парадигматика. Морфология имени / Ред. М.М. Гухман. – М.: Наука 1977. – С. 286-352.

Лекомцева, Р.А. Значение и употребление конъюнктива в стиле прессы (на материале газеты Frankfurter allgemeine Zeitung): дипломная работа. – Самара: СГПУ, 2004.

Леч, Р. Неканонические средства выражения пассивности: глагольно-именные конструкции типа *находить / найти применение, быть, являться, становиться предметом рассмотрения* (на материале русского языка в сопоставлении с немецким) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991. – С. 181-210.

Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: изд-во Московского ун-та, 1972.

Ломтев, Т.П. О некоторых вопросах структуры предложения // Филологические науки, 1959, № 4.

Ломтев, Т.П. Природа синтаксических явлений // Филологические науки, 1961, № 3.

Луценко, Н.А. Вид и время (Проблемы разграничения и взаимодействия) // Вопросы языкознания, 1985, № 2.

Ляпон, М.В. Союзы и союзные слова // Русская грамматика /Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва: Наука, 1980.

Макаев Э.А. Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков. // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.

Малеев, Б.Г. О типах обобщенно-личного функционирования глагольных форм 2-го л.ед.ч. // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976

Медведев, Г.И. Динамика социорегиональной вариативности американского варианта современного английского языка: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Минск, 2001.

Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1978.

Мещанинов И.И. Различные виды классификации языкового материала // Вопросы языкознания, 1959, № 3.

Мещанинов И.И. Типологические сопоставления и типология систем // Филологические науки, 1958, №

Мишиланов, В.А. Способы подчинения в русском языке // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. Москва. С. 140-146.

Монид, Н.А. Грамматические категории рода и числа заимствованных существительных в современном немецком языке: дипломная работа. – Самара: СГПУ, 2004.

Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1974.

Общее языкознание / Под ред. Б.А.Серебренникова. – М.: Наука, 1972

Панфилов, В.З. Языковые универсалии и типология предложения // Вопросы языкознания, 1974, № 5.

Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: гос. Учебно-педагогическое изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1956.

Плеханов, А.Е. Лексическая сочетаемость слов в идиоэтническом аспекте (на материале английских субстантивных и глагольных словосочетаний): Автореф. дис. ...канд.филол.наук. – Самара, 1999.

Полянский, С.М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка). – Новосибирск: государственный педагогический институт, 1990.

Поспелов, Н.С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопросы языкознания, 1959. № 2.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3: Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968.

Принципы описания языков мира / Под ред. В.Н. Ярцевой и Б.А. Серебренникова. – М., 1978

Прокош, Э. Сравнительная грамматика германских языков / Пер. с англ. – М.: изд-во иностр. лит-ры., 1954.

Распопов И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке // Филологические науки, 1967, № 3.

Распопов, И.П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке: Автореф.дис. ...докт.филол.наук. – Москва, 1964.

Реформатский, А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1998.

Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М.: Добросвет, 2000

Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968

Ружичка, Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1963, № 3

Русская грамматика. / Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980.

Савицкий, В.М. Порождение речи на неродном языке (в аспекте нормы и узуса) // Культура и язык: Мат-лы межд.науч.-практ.конф. – Самара, 2003. – С. 111-119.

Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006.

Скаличка, В. К вопросу о типологии // Вопросы языкознания, 1966, № 4

Скаличка, В. О современном состоянии типологии // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 3. – М.: Прогресс, 1963.

Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. (Теоретический курс). – Самара: изд-во «Самарский университет» – Изд-во СамГПУ, 1997.

Соссюр, Ф.де. Курс общей лингвистики / Пер. со 2-го франц. Изд-ния. А.М. Сухотина. – М.: Логос, 1998.

Степанова, М.Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1968

Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка. – М., 1962

Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – Санкт-Петербург: Наука. С.-Петербургское отд-ние, 1991.

Толстой, Н.И. Времени магический круг // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. Ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 17-27.

Топоров В.Н. Сравнительно-историческое языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 486-490.

Федорцова, В.Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании. – Самара: СГПИ, 1991.

Фефилов, А.И. Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков: Учеб. пособие. – Куйбышев: пед. ин-т, 1985.

Фигуровская, Г.Д. Проблемы и перспективы классификации сложных предложений в конструктивно-синтаксических полях // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1: Мат-лы науч.конф. – Москва: Русский учебный центр. С. 71-76.

Филичева, Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1969

Формановская, Н.И. Сложное предложение // РОЗЕНТАЛЬ Д.Э. (ред.): Современный русский язык. Ч. 2: Синтаксис. – Москва: Высшая школа, 1979. С. 154-223.

Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1982.

Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.

Шамне, Н.Л. Сопоставительное освещение семантики немецких и русских глаголов движения в аспекте интерпретации категории пространства: Автореф. дис....докт.филол.наук. – Казань, 2000.

Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1969

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004.

Широкова, А.В. Сравнительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология). – Москва: Добросвет, 2000.

Ширяев, Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. – Москва: Наука, 1986.

Шубик, С.А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989.

Эйхбаум, Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка. – С-Петербург: изд-во С-Петербургского ун-та, 1996.

Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Пер. С англ. А.К. Жолковского // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука. Главная редакция восточной лит-ры., 1972. – С. 95-113.

Якубинский, Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986.

Ярцева, В.Н. Сопоставительно-типологическое исследование области синтаксиса // Исследования по языку и литературе. Л.: Наука. Ленингр.отд-ние, 1973

Ярцева, В.Н. Принципы типологического исследования родственных и не родственных языков // Проблемы языкознания, М., 1967

Ярцева В.Н. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объектом информации // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969

Admoni, W. Die Struktur des Satzes // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. Bd. 25. – Darmstadt, 1962

- Admoni, W.G.* Die Entwicklungstendenzen des deutschen Satzbaus von heute. – München, 1973
- Admoni, W.* Der deutsche Sprachbau. Строй современного немецкого языка: Изд 4-е, перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986
- Approaches to Language Typology.* / Ed. By Masayoshi Shibatani and Theodora Bynon. – Oxford: Clarendon Press-Oxford 1995.
- Aptacy, J.* Nominalisierung und Aspektualität aus kontrastiver Sicht // Beiträge zu Sprache & Sprachen 5: Vorträge der 11. Jahrestagung der GESUS in Bratislava / Hrsg. L. Adamková. – München: Lincom Europa 2004, Ebd., S. 19-28.
- Behaghel, O.* Deutsche Syntax. Bd.1 – Heidelberg, 1923, Bd.2, 1924
- Beugel, G.* Zum temporalen als // Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Paul Grebe zum 60. Geburtstag. – Düsseldorf: Schwann 1970
- Boost, K.* Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. – Berlin: Akademie-Verl., 1955
- Brown, P., Levenson, S.* Universals in Language Usage: Politeness Phenomena. Questions and Politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56-289.
- Comrie, B.* Sprache und Sprachen: Universalien und Typologie. In: LANG, Ewald/ZIFONUN, Gisela (Hrsg.). Deutsch – typologisch. Berlin. New York 1996. – S. 16-30.
- Czicza, D.* Deutsch-ungarische kontrastive Analyse von „es“ // Beiträge zu Sprache & Sprachen 5, S. 61-79.
- Dahl, O.* Das Perfekt in Europa // Deutsch – typologisch. Jahrbuch des IdS 1995.
- Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 5., völlig neu bearb. und erweit. Auflage / Hrsg. G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta und H. Wellmann. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1995
- Ehrich, V.* Die temporale Festlegung lokaler Referenz // Raumkonzepte in Verstehensprozessen: Interdisziplinäre Beiträge zu Sprache und Raum / Hrsg. Von C. Habel, M. Herweg und K. Rehkemper. – Tübingen: Niemeyer 1989
- Eichinger, L.M.* Raum und Zeit im Verbwortschatz des Deutschen: Eine valenzgrammatische Studie. – Tübingen: Niemeyer 1989
- Engel, U.* Deutsche Grammatik. – Heidelberg: Julius Groos 1996.
- Engelen, B.* Untersuchungen zu Satzbauplan und Wortfeld in der geschriebenen deutschen Sprache der Gegenwart. Bd. 1. – München, 1975
- Eroms, H.-W.* Syntax der deutschen Sprache. Berlin. New York 2000.
- Fraser, B.* Conversational Mitigation // Journal of Pragmatics, 1980, 4. – P. 341-350.
- Gelhaus, H.* Untersuchungen zur Consecutio temporum im Deutschen // H. Gelhaus, S. Latzel. Studien zum Tempusgebrauch im Deutschen. // Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache / Bd. 15 – Mannheim 1974
- Gelhaus H.* Die Wortarten // Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Bd. 4 – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag 1998
- Gladrow, W.* Russisch im Spiegel des Deutschen: ein Entwurf in russisch-deutschem und deutsch-russischem Sprachvergleich. – Leipzig: Enzyklopädie 1989
- Glinz, H.* Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefasst und dichterisch gedeutet. – Düsseldorf, 1967
- Glinz, H.* Grammatik im Vergleich. Tübingen 1994.
- Gulyga, E.W., Natanson, M.D.* Syntax der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1966
- Haase, M.* Sprachtypologie und Universalienforschung bei Joseph H. Greenberg // Language Typologie and language Universals. Sprachtypologie und sprachliche Universalien / An International Handbook / Ein internationales Handbuch / Ed. By/Hrsg.von Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher, Wolfgang Raible. – Vol. 1/1. Halbband. – Berlin. New York: Walter der Gruyter 2001. – S. 281-282.
- Hartung, W.* Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen // Studia Grammatica 4. – Berlin: Akademie-Verlag 1966

Hawkins, John A. A comparative Typology of English and German – unifying the contrasts. – London & Sydney: Croom Helm 1986.

Heidolph, K.-E. und Kollektiv. Grundzüge einer deutschen Grammatik. – Berlin: Akademie-Verlag 1981

Heringer, H.-J. Theorie der deutschen Syntax. – München, 1973

Heringer, H.J. Deutsche Syntax depedentiell. Tübingen: Stauffenburg 1996.

Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik. 2., durchgesehene Auflage. – Berlin. New York: de Gruyter 1994

Jung, W. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1966

Klimonow, W. Die Verdrängung der alten indoeuropäischen durch die neuen slavischen Aspekte im Russischen // Beiträge zu Sprache & Sprachen 5, S. 193-204.

Klose, A. Sprachen der Welt. Ein weltweiter Index der Sprachfamilien, Einzelsprachen und Dialekte, mit Angabe der Synonyme und fremdsprachigen Äquivalente. – München. New York. London. Oxford. Paris: K.G. Saur 1987.

Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erweiterte Auflage. Bearbeitet von E. Seebold. – Berlin. New York: W.de Gruyter 1999

Köller, W. Funktionaler Grammatikunterricht: Tempus, Genus, Modus: Wozu wurde das erfunden? – Hannover: Schroedel Schulbuchverl., 1983.

Kontrastive Linguistik / Hrsg.von Claus Gnutzmann. – Frankfurt/Main. Bern. New York. Paris: Peter Lang 1990.

Kostrowa, O.A. Satz und Äußerung: einfach und komplex. – Samara: Verlag der Pädagogischen Universität 1998

Kostrowa, O.A. Attributive Relativsätze im Deutschen, Englischen und Russischen: Versuch einer kontrastiven Typologie // Auslandsgermanistische Beiträge im europäischen Jahr der Sprachen / Hrsg. C. Földes. Wien: Edition Praesens 2002

Kozmová, R. Zur Grammatikalisierung der Kategorien des Verbs: Tempus, Genus und Modus // Beiträge zu Sprache & Sprachen 5, S. 235-242.

Langner, M. Zur kommunikativen Funktion der Abschwächungen: Pragmatische und soziolinguistische Untersuchung // Studium Sprachwissenschaft, Beiheft 23 / Hrsg. von H. Gipper, G. Hassler, P. Schmitter. – Münster: Nodus Publikationen, 1994.

Language Typology and Language Universals. Sprachtypologie und sprachliche Universalien / An International Handbook / Ein internationales Handbuch. // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. / Ed. By/Hrsg.von Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher, Wolfgang Raible. – Vol. 1/1. Halbband. – Berlin. New York: Walter der Gruyter 2001.

Meibauer, J. Komplexe Präpositionen – Grammatikalisierung, Metapher, Implikatur und division of pragmatic labour // Implikaturen: Grammatische und pragmatische Analysen / Hrsg. Von F. Liedtke. – Tübingen: Niemeyer 1995

Meola, C., Di. Entwicklungstendenzen im deutschen Präpositionalsystem: Reaktion *entsprechend den Regeln oder wider den Normen?* // Perspektiven Eins: Akten der 1. Tagung Deutsche Sprachwissenschaft in Italien (Rom, 6.-7. Febr. 2004) /Yrsg. C. Di Meola, A. Hornung u. L. Rega. – Roma 2005, S. 251-268.

Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – M.: Vysšaja škola, 1975

Nöth, W. Handbuch der Semiotik. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Stuttgart. Weimar: Metzler 2000

Ohnheiser, I. Wortbildung im Sprachvergleich: russisch-deutsch. – Leipzig 1987.

Pennycook, A. The Cultural Politics of English as an International Language. – London and New York: Longman 1994.

Regula, M. Grundlegung und Grundprobleme der Syntax. – Heidelberg, 1951

Russisch im Spiegel des Deutschen: eine Einführung in russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich / Autorenkollektiv unter Leitung von W. Gladrow, W.– 1. Aufl. – Leipzig: Verl. Enzyklopädie 1989.

Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. – Berlin, 1967

Shibatani, M., Bynon, T. Approaches to Language Typology: a Conspectus // Approaches to Language Typology / Ed. By Masayoshi Shibatani and Theodora Bynon. – Oxford: Clarendon Press-Oxford, 1995.

Sick, B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. – Köln: Kiepenheuer & Witsch und Hamburg: Spiegel Online GmbH 2004

Smits, R.J.C. Eurogrammar: The Relativ and Cleft Constructions of the Germanic and Romanic Languages. Dordrecht – Holland/Providence RI – U.S.A.

Steube, A. Temporale Bedeutung im Deutschen // Studia Grammatica XX. – Berlin: Akademie-Verlag 1980

Sütterlin, L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. – Leipzig, 1923

Sweetser, E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge. New York. Port Chester. Melbourne. Sydney 1990.

Troschina, N., Semenjuk, N., Babenko, N. Russland – Österreich: zur Geschichte der Ideenentwicklung in der Linguistik // Россия – Австрия. Этнос и культура в зеркале языка и литературы: Мат-лы межд.науч.конф. – М., 2003.– С. 103-106.

Welke, K. Deutsche Syntax functional: Perspektiviertheit syntaktischer Strukturen. – Tübingen: Stauffenburg-Verl. 2002.

Zifonun, G. Grammatik des Deutschen im europäischen Vergleich: Der Relativsatz. – Mannheim 2001. (Amades, 3).

Словари

KLUGE, Friedrich (1999). Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erw. Aufl. Berlin. New York.

METZLER Lexikon Sprache / Hrsg. Von Helmut Glück. – Stuttgart. Weimar: Verl. J.B. Metzler 1993

PAUL, Hermann (1960): Deutsches Wörterbuch. 7. Aufl. Halle (Saale).

THE OXFORD POPULAR ENGLISH DICTIONARY (1998). Oxford

WAHRIG, Gerhard (1986/1989): Deutsches Wörterbuch. München.

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998

ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. (1994): Толковый словарь русского языка. 2-е изд. Москва.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА 11-17 ВЕКОВ (1980). Т. 7. Москва.

ЦЕЙТЛИН Р.М./ВЕЧЕРКА Р./БЛАГОВА Э. (ред.) (1994): СТАРОСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ (по рукописям 10-11 веков). Москва.

Источники

Apitz B. Nackt unter Wölfen. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 27. Aufl., 1958

Böll, H. Der Engel schwieg. – Köln: Verlag Kiepenheuer und Witsch, 1994

DeR-Korpus: Deutsch-russisches Parallelkorpus. CD-ROM.

Dürrenmatt, F. Der Richter und sein Henker. Berlin 1964

Frank, L. Das Oxenfurter Männerquartett. Berlin und Weimar 1969

Mann Th. Mario und der Zauberer // Erzählungen. Leipzig: Reclam jun. 1975

Musil, R. Ausgewählte Prosa. – Moskau: Progress 1980

Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt: Roman einer Jugend. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag 1964

- Safranski, R. Schiller oder Die Erfindung des deutschen Idealismus. – München. Wien: Carl Hanser Verl. 2004
- Sakowski H. Daniel Druskat. Berlin: Verlag Neues Leben 1979
- Seghers, A. Das siebte Kreuz. Berlin und Weimar 1973
- Seghers, A. Überfahrt. Berlin und Weimar 1973
- Schulz M.-W. Wir sind nicht Staub im Wind. – Halle (Saale). Leipzig: Mitteldeutscher Verlag 1962
- Walser, M. Ein springender Brunnen: Roman. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag 1998
- Walser, M. Ein fliehendes Pferd: Novelle. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag 1993
- Weiskopf, F. Abschied vom Frieden. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag 1980
- Апиц В. Голые среди волков. – Москва: Прогресс, 1976
- Вейскопф Ф. Прощание с мирной жизнью. – Москва: Художественная литература, 1968
- Заковски Х. Даниэль Друскат. – Москва: Иностранная литература, 1979
- Манн Т. Марио и волшебник // Т. Манн. Новеллы. – Москва: Художественная литература, 1956
- Нолль Д. Приключения Вернера Хольта. – Москва: Иностранная литература, 1962
- Шульц М.-В. Мы не пыль на ветру. – Москва: Прогресс, 1964